

Скотт В.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА**

Собрание сочинений

Вальтер Скотт

Приключения Найджела

«Алгоритм»

1822

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Приключения Найджела / В. Скотт — «Алгоритм»,
1822 — (Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-03266-0

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе представлен роман «Приключения Найджела». Действие его происходит в 20-е годы XVII века – во времена царствования Иакова I, первого английского короля из династии Стюартов.

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03266-0

© Скотт В., 1822
© Алгоритм, 1822

Содержание

Введение к «Приключениям Найджела»	6
Вступительное послание	11
Глава I	23
Глава II	31
Глава III	39
Глава IV	47
Глава V	56
Глава VI	67
Глава VII	75
Глава VIII	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86
Комментарии	

Вальтер Скотт

Приключения Найджела

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2010

* * *

Введение к «Приключениям Найджела»

*Зачем слагать о лордах столько од?
Воспой, о муза, северный народ!*

Пон¹

[1]

После того как в романе «Эдинбургская темница» мне в какой-то мере удалось пробудить интерес читателя к судьбе женщины, лишенной достоинств, на которые может претендовать едва ли не всякая героиня, я поддался искушению и избрал героем своего последующего романа лицо столь же малообещающее. И так как мне нужно было наделить честностью, сердечной добротой и высокой нравственностью того, кто не мог претендовать на знатность рода, романтическую чувствительность или на какое-либо другое достоинство, присущее тем, кто гордо шагает по страницам подобных сочинений, я позволил себе воспользоваться именем лица, оставившего в столице Шотландии столь красноречивые памятники своей щедрой благотворительности.

Шотландскому читателю достаточно сказать, что вышеупомянутое лицо не кто иной, как Джордж Гериот^[2]. Но для живущих к югу от Твида^[3] нелишним, пожалуй, будет добавить, что человек, носивший это имя, был богатым эдинбургским горожанином, золотых дел мастером при дворе короля, последовавшим за Иаковом^[4] в английскую столицу, где он столь преуспел в своем ремесле, что после его смерти в 1624 году осталось весьма изрядное по тем временам состояние. У него не было детей, и, полностью удовлетворив всех своих родственников, которые могли бы претендовать на его наследство, всю остальную сумму он завещал на учреждение приюта, в котором сыновья эдинбургских горожан теперь безвозмездно воспитываются и получают образование, позволяющее им вступить на самостоятельный жизненный путь и занять приличное положение, соответствующее их талантам. Приют сей расположен в четырехугольном здании благородного готического стиля и служит украшением города, а забота, которой окружены питомцы этого учреждения, и образование, которое они там получают, делают его столь же полезным для горожан. К чести тех, кто ведает этим заведением (членов магистрата и духовенства Эдинбурга), следует заметить, что благодаря их попечению средства приюта настолько возросли, что теперь в нем находят кров и пропитание и воспитываются сто тридцать юношей ежегодно, многие из которых впоследствии честно служат своей родине на самых различных постах.

Можно с уверенностью предположить, что основатель такого благотворительного заведения прошел свой жизненный путь твердой поступью, внимательно ко всему приглядываясь, и не упускал случая помочь тем, кто, не обладая достаточным опытом, мог сбиться с дороги. Я полагал, что если вымыслом своим направлю его усилия на пользу некоего молодого дворянина, соvrащенного с пути истины аристократическим высокомерием того времени и эгоистической роскошью, более свойственными нашим дням, а также соблазнами наслаждений, до которых падки люди во все времена, то можно будет извлечь удовольствие и даже некую пользу, если я расскажу о помощи, оказанной этим горожанином-наставником своему питомцу. Признаться, я не очень-то верю в нравственное воздействие романов. Однако если вообще вовремя сказанное слово может принести пользу юноше, то слово это должно призывать его скорее внять голосу рассудка и самоотречения, нежели голосу безудержной страсти. В самом деле, я не

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены И. Комаровой.

мог бы надеяться представить моего благоразумного и благожелательного друга в таком выгодном свете, как крестьянскую девушку, которая благородно пожертвовала семейными привязанностями ради сохранения своей нравственной чистоты. Тем не менее я все же надеялся сделать хоть что-нибудь достойное славной памяти, которую оставил по себе Джордж Гериот, оказав своей родине незабываемые благодеяния.

Мне казалось, что из этого нехитрого сюжета можно сплести весьма занимательную повесть, ибо царствование Иакова I, когда преуспевал Джордж Гериот, открывало неограниченный простор фантазии романиста и в то же время давало возможность ввести в роман гораздо больше самых разнообразных характеров, что было бы затруднительно при соблюдении исторической правды, если бы описываемые нами события были перенесены на сто лет назад. Леди Мэри Уортли Монтэгю^[5] столь же справедливо, сколь тонко заметила, что наиболее романтическая часть страны – это та, где горы сочетаются с долинами и равнинами. Точно так же можно было бы сказать, что наиболее ярким периодом в истории является тот, когда древние грубые и дикие нравы варварской эпохи озаряются первыми лучами просвещения и вновь возрождающихся наук, а также учением обновленной Реформацией религии. Резкий контраст, вызванный сопротивлением старых нравов новым, постепенно подчиняющим их себе, порождает свет и тени, столь необходимые для создания яркого романа. И в то время как такой период дает автору право вводить в свое сочинение удивительные и неправдоподобные эпизоды, происходящие от необузданности и жестокости, свойственной старым привычкам к насилию, все еще оказывающим влияние на нравы людей, столь недавно вышедших из состояния варварства, с другой стороны, характер и чувства многих героев можно обрисовать с величайшим правдоподобием, с самыми разнообразными оттенками, самыми тонкими штрихами, что свойственно новой, более утонченной эпохе, лишь недавно озарившей мир.

Для царствования английского короля Иакова I эти преимущества были особенно характерны. Последние лучи рыцарства, хотя светило это давно уже закатилось, все еще озаряли и золотили горизонт, и хотя едва ли кто-нибудь действовал строго в соответствии с донкихотскими заветами, мужчины и женщины все еще говорили рыцарским языком «Аркадии» сэра Филиппа Сиднея^[6] и все еще на аренах происходили турниры, хотя теперь они процветают только на площади Карусели.

То тут, то там какой-нибудь пылкий кавалер ордена Бани^[7] (о чем свидетельствует чересчур добросовестный лорд Херберт Черберри^[8]), верный данному им обету, считал своим долгом острием шпаги заставить другого кавалера того же ордена или сквайра вернуть бант, украденный им у прекрасной дамы²; но все же, в то время как мужчины лишали друг друга жизни из-за таких шепетильных вопросов чести, уже пробил тот час, когда Бэкон^[9] стал учить человечество, что оно не должно больше делать заключения, идя от авторитета к факту, а должно устанавливать истину, продвигаясь от факта к факту, до тех пор пока оно не создаст неоспоримый авторитет – не на основании гипотезы, а на основании опыта.

В царствование Иакова I жизнь была весьма беспокойной и распущенность некоторой части общества вызвала постоянные кровопролития и насилия. Наемный убийца елизаветинской эпохи, так много разновидностей которого дал нам Шекспир, как, например, Бардольф, Ним, Пистоль, Пето и другие собутыльники Фальстафа^[10], люди, отличающиеся своими причудами и особым видом сумасбродства, после начала войны с Нидерландами уступил место рубакам, пользующимся рапирой и кинжалом вместо далеко не столь опасного меча и щита, и, как сообщает один из историков, «часто возникали ссоры, в особенности между шотландцами и англичанами, и на каждой улице происходили дуэли; различные корпорации со странными названиями не привлекали к себе внимания и оставались безнаказанными, как, например, корпорации “буянов”, “бонавенторов”, “бравадоров”, “квартиреров” и тому подобных. Будучи

² См. мемуары лорда Херберта Черберри. (Примеч. авт.)

людьми расточительными, они влезали в долги и вынуждены были объединяться в шайки, чтобы защищаться от карающей длани правосудия. Они получали поддержку от некоторых аристократов и от горожан, похотливость которых съедала все их состояние, и неудивительно, что число этих головорезов скорее увеличивалось, нежели уменьшалось, и они пускались на самые отчаянные предприятия, так что после девяти часов вечера редко кто отваживался показываться на улице»³.

Тот же авторитетный источник уверяет нас далее, что «престарелые джентльмены, оставившие своим сыновьям в наследство все имущество, как движимое, так и недвижимое, в хорошем состоянии (что позволяло им жить на широкую ногу), еще при жизни были свидетелями того, как наследники их проматывали большую часть состояния в кутежах, что давало мало надежды на сохранение остальной его части. Священные узы брака превратились во всеобщее посмешище, что вызвало распад многих семейств; публичные дома усердно посещались, и даже высокопоставленные лица впадали в разврат и расточали свое состояние, предаваясь сладострастным утехам. Кавалеры и джентльмены разного рода, промотавшие свое состояние то ли из-за гордости, то ли из-за расточительности, переезжали в города и, ведя там распущенную жизнь, губили также свою добродетель. Нередко их супруги и дочери, чтобы сохранить образ жизни, достойный их высокого положения, отдавали свое тело на поругание самым бесстыдным образом. По всей стране в изобилии появились пивные, притоны для игры в кости и другие непотребные заведения».

Не только на страницах пуританского, да притом еще, быть может, сатирического, писателя находим мы такую потрясающую, отвратительную картину грубых нравов в начале семнадцатого столетия. Также и во всех комедиях того времени главным героем был весельчак и остряк, молодой наследник, совершенно изменивший порядки в унаследованном от отца имении и, говоря словами старой поговорки, подобный фонтану, который в праздной расточительности расплескивает богатство, заботливо собранное его родителями в скрытых от глаз хранилищах.

И все же, в то время как этот дух всеобщей расточительности, казалось, царил во всем королевстве, постепенно нарождалась совсем другая порода людей, степенных, с решительным характером, которые впоследствии проявили себя во время гражданских войн^[11] и оказывали столь мощное влияние на характер всей английской нации, пока, кидаясь из одной крайности в другую, они не утопили в мрачном фанатизме блистательные ростки возрождающихся изящных искусств.

После приведенных мной цитат эгоистическое и отталкивающее поведение лорда Дэлгарно, пожалуй, не покажется преувеличением и едва ли кто-нибудь может обвинить нас в сгущении красок при описании сцен в Уайтфрайерсе и тому подобных злчных местах. Действительно, такие предположения весьма далеки от истины. Именно в царствование Иакова I порок, казалось, впервые коснулся высших классов во всей его неприкрытой грязной развращенности. Увеселениям и забавам елизаветинской эпохи свойственна была благопристойная сдержанность, как это подобало двору королевы-девственницы, и в этот, более ранний период, говоря словами Берка^[12], порок утратил половину своего зла, будучи лишен всякой вульгарности. Напротив, в царствование Иакова все открыто предавались самым необузданным и непристойным утехам, ибо, как говорит сэр Джон Хэррингтон^[13], люди погрязли в скотских наслаждениях. И даже знатные дамы забывали о своих изысканных манерах, охваченные всеобщим опьянением. После забавного описания маскарада, на котором все актеры напились и вели себя соответствующим образом, он прибавляет: «Меня очень удивляют эти странные пышные зре-

³ «История первых четырнадцати лет царствования короля Иакова». См. «Трактаты» Соумера, изданные Скоттом*, т. II, с. 266. (Примеч. авт.)* См. «Трактаты» Соумера, изданные Скоттом... – Точнее – «Сборник источников и важнейших трактатов, выбранных из бесчисленного количества королевских и других хранилищ, равно как из частных библиотек, лордом Соумером», вышедший в 1748 г. в четырех томах и в 1809–1815 гг. изданный В. Скоттом.

лица, они приводят мне на память подобные же увеселения в дни нашей королевы, в которых я сам иной раз участвовал и играл роль помощника; но никогда я не видел такого бесчинства и пьянства, как теперь. Страх перед пороховыми бочками покинул наши души, и мы ведем себя так, как будто каждый человек по наущению дьявола задумал взорвать себя, предаваясь дикому разгулу, излишествам, праздности и неумеренным возлияниям. Знатные дамы искусно маскируются, и поистине единственное проявление их скромности заключается в сокрытии их лица. Но, увы, их странное поведение встречает такую поддержку, что я уже ничему на свете не удивляюсь»⁴.

Таковы были нравы, царившие при дворе, и грубая чувственность вместе со своим неизменным спутником – неприкрытым жестоким эгоизмом – оказывала пагубное влияние как на человеколюбие, так и на хорошие манеры, каковые, каждая в своей сфере, зависят от уважения, с которым любой человек относится к интересам и чувствам других. Именно в такие времена бессердечные и бесстыдные люди, обладающие богатством и властью, подобно вымышленному лорду Дэлгарно, могут нагло выставлять напоказ свои подлости, доставляющие им наслаждения и выгоду, и торжествовать победу.

В другом месте я даю объяснение слову «Эльзас». Так назывался на воровском жаргоне Уайтфрайерс, обладавший определенными привилегиями убежища и ставший благодаря этому приютом для лихих людей, не ладивших с законом.

Привилегии эти обязаны были своим происхождением монастырю монахов кармелитского ордена^[14], или «белых братьев» («уайтфрайерс»), основанному, как свидетельствует Стоу в своем описании Лондона, сэром Ричардом Греем в 1241 году. Эдуард I дал им участок земли на Флит-стрит для постройки церкви. Воздвигнутое в то время здание было перестроено Кортни, графом Девонширским, в царствование Эдуарда^[15]. В эпоху Реформации^[16] это место сохранило свои привилегии убежища, и Иаков I закрепил и расширил их в особой хартии в 1608 году. Шедуэл^[17] был первым автором, использовавшим в литературе Уайтфрайерс в своей пьесе «Эльзасский сквайр», опирающейся на сюжет «Братьев» Теренция^[18].

В этой старой пьесе два богатых человека, братья, воспитывают двух юношей (сыновей одного и племянников другого), каждый по своей собственной системе, основанной одна – на строгости, другая – на снисходительности. Старший из подвергнутых этому эксперименту, воспитанный в очень суровых условиях, немедленно предается всем порокам большого города, и его совращают мошенники и буяны Уайтфрайерса, – словом, он становится эльзасским сквайром. В примечании читатель найдет описание действующих лиц пьесы, с которыми поэт знакомит нас как с исконными обитателями этого места⁵.

⁴ «Nugae Antiquae» Хэррингтона, т. II, с. 352. Описание грубого разврата, царившего в ту эпоху и находившего поощрение в примере монарха, не лишённого, впрочем, ни таланта, ни добродушия, можно найти в «Хронике» Уинвуда, в «Письмах» Хауэла и в других мемуарах того времени*; но мы особенно рекомендуем обратиться к «Переписке Стини, он же Бекингем, с его почтенным папашей и куманьком, королем Иаковом»**, изобилующей как самыми непристойными, так и самыми ребяческими выражениями. Весьма ученый мистер Дизраэли, пытаясь реабилитировать репутацию Иакова, лишь сам создал себе репутацию искусного и изобретательного адвоката, не принеся, впрочем, пользы своему коронованному клиенту. (Примеч. авт.)* ...найти в «Хронике» Уинвуда, в «Письмах» Хауэла и в других мемуарах того времени ... – Уинвуд Ралф (1563?–1617) – английский политический деятель, дипломат; его бумаги (корреспонденция, документы и т. п.) были опубликованы в 1725 г. Эдмундом Сойером в трех томах; Хауэл Джеймс (1594?–1666) – английский парламентский, деятель, автор ряда памфлетов, с 1660 г. – королевский историограф. Наиболее известны его «Письма», вышедшие в 1645–1655 гг. (в 4-х томах).** ...Стини, он же Бекингем... – Имеется в виду Джордж Вильерс (1592–1628), герцог Бекингем, фаворит королей Иакова I и Карла I Стюартов. Бекингем возбудил ненависть в самых широких кругах английского народа и был убит в 1628 г. Иаков I называл Бекингема Стини из-за внешнего сходства с христианским великомучеником Стефаном в изображении итальянских живописцев.

⁵ «Читли, мошенник, который из-за долгов не решается покинуть пределы Уайтфрайерса, но заманивает туда юных наследников родовых поместий, снабжает их вещами и деньгами на очень невыгодных условиях, заводит с ними дружбу, входит с ними в долю и в конце концов губит их. Похотливый, бесстыдный развратник, знаток местного жаргона, Шемуэл, кузен Белфорда, разоренный Читли, становится приманкой для других, так как не осмеливается покинуть пределы Эльзаса, где он живет. Вместе с Читли он охотится на наследников и ведет за их счет разгульную, развратную жизнь. Капитан Хэкам, тупоголовый эльзасский забияка, трусливый, бесстыдный хвостун, некогда служил сержантом во Фландрии, дезертировал из-за пустячного долга и нашел убежище в Уайтфрайерсе, где эльзасцы произвели его в чин капитана. Он женится на содержатель-

Успех этой пьесы, как мы узнали из посвящения графу Дорсетскому и Мидлсекскому, превзошел все ожидания автора. «Уже в течение многих лет ни одна комедия не делала таких полных сборов. И я был весьма польщен, – продолжает Шедуэл, – что у меня оказалось так много друзей, ибо театр со дня его основания никогда еще не был так полон, как на третий день после премьеры, и множество людей ушли домой ни с чем, так как не могли получить билетов»⁶. Из «Эльзасского сквайра» автор извлек кое-какие полезные сведения об отношениях между головорезами и ворами из Уайтфрайерса и их соседями, пылкими юными студентами из Темпла^[19], о которых вскользь упоминается в этой комедии.

Таковы источники, которым автор обязан сочинением «Приключений Найджела», произведения, быть может принадлежащего к числу тех романов, которые кажутся более занимательными, когда их перечитываешь во второй раз, нежели когда их читаешь впервые ради самой фабулы, не богатой увлекательными происшествиями.

Вступительное послание написано, говоря словами Луцио^[20], «с целью мистификации» и никогда не увидело бы света, если бы автор собирался открыть свое имя. Так как маска, или инкогнито, пользуется привилегией говорить не своим голосом под вымышленным именем, автор, скрывшись под псевдонимом, позволил себе подобные вольности; и хотя он продолжает оправдываться различными обстоятельствами, изложенными в предисловии, настоящее признание должно служить извинением высокомерной игриво-развязной манеры, которую, открыв свое настоящее имя, автор счел бы несовместимой с правилами вежливости и хорошим вкусом.

Эбботсфорд, 1 июля 1831 года

нице меблированных комнат, торгует вишневой наливкой и занимается сводничеством. Скрейпол, лицемерный ханжа, вечно бормочущий молитвы и поющий псалмы, педант, разыгрывающий из себя святошу, набожный плут, вместе с Читли снабжает юных наследников вещами и деньгами». Действующие лица из пьесы «Эльзасский сквайр», собрание сочинений Шедуэла, т. IV. (Примеч. авт.)

⁶ Посвящение к «Эльзасскому сквайру», собрание сочинений Шедуэла, т. IV. (Примеч. авт.)

Вступительное послание

*Капитан Клаттербак –
достопочтенному доктору Драйездасту^[21]*

Дорогой сэръ!

Я с радостью отвечаю на ваше любезное послание, которым вам угодно было почтить меня, и я полностью согласен с вашей цитатой «*Quam bonum et quam jucundum!*»⁷. Поистине мы можем считать себя потомками одной и той же семьи, или, как говорится в нашей шотландской пословице: «все мы чада одного родителя»; и вам, почтенный, дорогой сэръ, незачем было приносить извинения за то, что вы просите у меня сообщить вам сведения, которыми я мог бы поделиться с вами относительно предмета вашей любознательности. Беседа, на которую вы ссылаетесь, имела место в прошлую зиму, и она произвела на меня такое неизгладимое впечатление, что мне не представляет никакого труда воскресить в памяти ее мельчайшие подробности.

Вы знаете, что мое участие в опубликовании романа под названием «Монастырь» создало мне некоторую известность в литературных кругах нашей шотландской столицы.

Мне уже не приходится торговаться с непочтительным приказчиком из-за предмета моей любознательности, толкаясь перед прилавками наших книгопродавцев, среди мальчишек, покупающих азбуку Кордериуса и школьные тетради, и служанок, торгующихся из-за каждого пенни при покупке бумаги, – теперь сам книгопродавец радушно приветствует меня: «Прошу вас, пройдите ко мне за прилавок, капитан. Мальчик, подай стул капитану Клаттербаку. Не угодно ли газету, капитан, – сегодняшняя»; или: «Вот последняя новинка – не стесняйтесь, вот вам нож, можете разрезать»; или: «Положите ее в карман и возьмите с собой»; или: «Мы сделаем из вас книготорговца, сэръ, мы продадим вам ее по оптовой цене». Или, быть может, если это собственное издание достопочтенного книгопродавца, его щедрость дойдет до того, что он скажет: «Не стоит беспокоиться из-за такого пустяка, сэръ, – это лишний экземпляр. Прошу вас, упомяните это произведение в разговоре с вашими друзьями – читателями». Я уже ничего не говорю об уютном литературном вечере с избранной публикой, собравшейся вокруг палтуса, ноги пятилетнего барана или тому подобных яств, или о бутылке самого изысканного темного или, нет, может быть, самого лучшего красного вина Роберта Кокберна, спокойно совершающей круг, чтобы оживить нашу беседу о старых книгах или наши планы об издании новых. Все это утехи, выпадающие на долю свободных членов цеха пера, и я пользуюсь преимуществом неограниченно наслаждаться ими.

Но ничто не вечно под луной; и во время моих ежегодных поездок в столицу я испытываю чувство необычайной тоски, ибо мне так недостает сердечной приветливости моего общительного, остроумного и доброго друга, впервые представившего меня публике, у которого было больше оригинальности ума, нежели у дюжины признанных краснобаев, а его природного юмора хватило бы, чтобы составить счастье еще одной дюжины. К этой тяжелой утрате прибавилась потеря, надеюсь лишь временная, еще одного друга – библиофила, чей проницательный ум и свободолобивые взгляды не только превратили его родную страну в рынок для ее собственной литературы, но и создали в ней Литературный Суд, который должен внушать уважение даже тем, кто не склонен соглашаться со многими из его установлений. Результат этих перемен, в значительной степени вызванных к жизни умом и проницательностью человека, обладавшего необыкновенной способностью находить применение самым разнообраз-

⁷ Сколь хорошо и сколь приятно! (лат.)

ным талантам, произрастающим на его родине, вероятно, покажется более ясным поколению, которое придет на смену нынешнему.

Я вошел в лавку у Кросса, чтобы осведомиться о здоровье моего достойного друга, и с удовлетворением узнал, что пребывание на юге смягчило симптомы его недуга. Затем, воспользовавшись привилегией, о которой я упомянул выше, я углубился в лабиринт тесных, темных комнат, или, говоря нашим собственным языком антиквариев, в «склеп», расположенный в обширной задней пристройке этого прославленного издательства. И все же, по мере того как я переходил из одного мрачного тайника в другой, одни из которых были заполнены старыми томами, другие же такими, о которых, судя по тому, как они стояли ровными рядами на полках, я подумал, что это самые неходкие новые книги в лавке, я невольно содрогнулся от священного ужаса, когда представил себе грозящую мне опасность, если я вторгнусь во владения какого-нибудь исступленного барда, изливающего свою поэтическую ярость, или, быть может, натолкнусь на еще более грозную стаю критиков, уединившихся, чтобы растерзать загнанную ими дичь. При мысли о возможности такой встречи я уже заранее ощутил ужас, испытываемый провидцами горной Шотландии, которые наделены даром ясновидения, вынуждающим их быть свидетелями событий, недоступных взору смертных, и которые, как говорит Коллинз^[22],

...в безумии своем к земному глухи,
Но им дано узреть, что замышляют духи.

Тем не менее непреодолимый порыв необъяснимого любопытства увлекал меня все дальше через анфиладу мрачных комнат, пока наконец, подобно делийскому ювелиру, очутившемуся в доме чародея Беннаскара, я не вошел под молчаливые своды тайного хранилища и увидел самого автора «Уэверли», или, вернее, его фантом, или призрак, сидящий в кресле и читающий при свете лампы испещренную пометками сверку⁸. Вас не удивит мой сыновний инстинкт, позволивший мне сразу же узнать черты лица этого почтенного видения, и то, что я сразу же преклонил колена, произнеся при этом классическое приветствие: «*Salve, magne parens!*»⁹ Однако видение прервало меня, указав мне на стул, давая в то же время понять, что мое появление не было неожиданным и что оно должно что-то сказать мне.

Я сел со смиренным послушанием, стараясь разглядеть черты того, в чьем обществе я столь неожиданно очутился. Но в этом отношении я не смогу удовлетворить вашу честь – не только из-за царившего в комнате мрака и из-за расстроенных нервов, – мне казалось, я был охвачен чувством сыновнего благоговения, которое мешало мне разглядеть и запомнить то, что сидящий передо мной призрак, вероятно, больше всего хотел скрыть. В самом деле, его тело было так плотно закутано в плащ, халат или какую-то другую свободную одежду, что к нему можно было бы применить стихи Спенсера^[23]:

Таинственны лицо его и стать;
Мужчина или женщина пред ними –
Никто не мог бы сразу распознать.

Тем не менее мне придется и впредь применять мужской род, ибо, несмотря на то, что приводились весьма остроумные доводы и даже были представлены едва ли не бесспорные доказательства того, что автором «Уэверли» были две одаренные талантом дамы, я все же продолжаю придерживаться общераспространенного мнения, согласно которому он принадлежит к не столь нежному полу. В его произведениях слишком много вещей, *quae maribus sola*

⁸ Да будет известно непосвященным, что так называется вторая корректура. (Примеч. авт.)

⁹ Здравствуй, великий родитель! (лат.)

tribuuntur¹⁰, чтобы я мог испытывать хоть какое-либо сомнение на этот счет. Я буду продолжать свое повествование в виде диалога, чтобы воспроизвести как можно более верно то, что было сказано между нами, заметив только, что во время нашей беседы моя робость незаметно исчезла под влиянием дружественного тона и что в заключительной части нашего диалога я вел спор с уверенностью, вполне приличествующей в подобных обстоятельствах.

Автор «Уэверли». Мне хотелось встретиться с вами, капитан Клаттербак, так как вы один из членов моей семьи, к которому я питаю глубочайшее уважение после смерти Джедедии Клейшботэма^[24]; и мне кажется, я был несколько несправедлив к вам, передав вам право на «Монастырь», являющийся частью моего состояния. Я собираюсь заглянуть перед вами свою вину, назначив вас крестным отцом этого еще не родившегося младенца. (Он указал пальцем на корректурный оттиск.) Но прежде всего относительно «Монастыря» – что говорят на белом свете? Ведь вы везде бываете и могли что-нибудь слышать.

Капитан Клаттербак. Хм! Хм! Щекотливый вопрос. Я не слышал никаких жалоб от издателей.

Автор. Это самое главное, но все же иной раз посредственное произведение берут на буксир те, что вышли из гавани перед ним, подгоняемые попутным ветром. Что говорят критики?

Капитан. Существует общее... мнение... что Белая Дама не пользуется особой любовью читателей.

Автор. Мне самому кажется, что это неудачный образ, но скорее по выполнению, нежели по замыслу. Мог ли я вызвать к жизни *esprit follet*¹¹, в одно и то же время фантастического и занимательного, капризного и доброго – нечто вроде блуждающего огонька, не связанного никакими установленными законами или мотивами действий, – преданного и любящего и в то же время дразнящего и ненадежного...

Капитан. Простите, что я перебиваю вас, сэр; мне кажется, вы говорите о красивой женщине.

Автор. Поистине это так. Я должен облечь своих стихийных духов в человеческую плоть и кровь – они слишком изысканны для вкуса современной публики.

Капитан. Они протестуют также против того, что цели, которые преследует ваша русалка, не всегда благородны. Не очень-то подходящее для наяды развлечение – выкупать в реке священника.

Автор. Ах! Им следовало бы проявить снисходительность к капризам существа, которое, в конце концов, что-то вроде домового, но рангом повыше. Купанье, на которое Ариэль, самое нежное создание шекспировской фантазии, соблазняет нашего веселого друга Тринкуло^[25], было не из амбры или розовой воды. Но никто не сможет сказать, что я плыву против течения. Мне безразлично, если кто-нибудь утверждает это, – я пишу для всеобщего увеселения; и хотя я никогда не буду добиваться популярности недостойными средствами, с другой стороны – я не буду упрямо защищать свои собственные заблуждения вопреки общественному мнению.

Капитан. Значит, в настоящем произведении (бросив, в свою очередь, взгляд на корректурный оттиск) вы отказываетесь от мистики, волшебства и всей этой комбинации из символов, чудес и примет? В нем нет ни сновидений, ни предсказаний, ни туманных намеков на грядущие события?

Автор. Нет ничего, сын мой, ни тени, в нем нет даже еле слышного тиканья одинокого жучка-точильщика в стенной панели. Все ясно, все как на ладони – даже шотландский метафизик мог бы поверить каждому слову.

¹⁰ Которые только мужчинам присущи (лат.).

¹¹ Блуждающего духа (фр.).

Капитан. И я надеюсь, что роман этот отличается естественностью и правдоподобием; начинается бурно, развивается естественно и имеет счастливый конец – подобно течению прославленной реки, которая с шумом низвергается из мрачного романтического грота, затем плавно несет свои воды, нигде не останавливаясь, не ускоряя своего течения, проходит, как бы влекомая врожденным инстинктом, все интересные места, которые встречаются на ее пути, становясь все шире и глубже по мере продвижения вперед, и, наконец, подходит к окончательной развязке, как к огромной гавани, где все корабли убирают паруса.

Автор. Эй! Эй! Какого черта вы там наговорили? Да ведь это «в духе Геркулеса», и потребовался бы человек, гораздо больше похожий на Геркулеса, чем я, чтобы написать роман, который низвергался бы водопадом, плавно нес свои воды, и никогда бы не останавливался, и разливался бы, и становился бы глубже и тому подобное. Я стоял бы уже одной ногой в могиле, сударь, прежде чем справился бы со своей задачей, а тем временем все каламбуры и софизмы, которые я мог бы сочинить для увеселения своих читателей, так и остались бы у меня в глотке, подобно застрявшим на языке остротам Санчо^[26], когда ему случалось навлекать на себя гнев своего господина. С тех пор как стоит мир, не было еще написано подобного романа.

Капитан. Прошу прощения, а «Том Джонс»?

Автор. Совершенно верно, и, может быть, также «Амелия». Филдинг^[27] был весьма высокого мнения об этом искусстве, основателем которого его можно считать. Он полагает, что нельзя сравнивать роман и эпопею. Смоллетт^[28], Лесаж^[29] и другие, освобождаясь от установленных им строгих правил, писали скорее истории разнообразных приключений, выпадающих на долю человека в течение его жизни, нежели связанную единой фабулой эпопею, у которой каждый шаг постепенно приближает нас к окончательной развязке. Эти великие мастера были довольны, если им удавалось позабавить читателя в пути; хотя заключение наступало только потому, что всякий рассказ должен иметь конец, – точно так же, как путник останавливается в гостинице с наступлением вечера.

Капитан. Весьма удобный способ путешествовать, по крайней мере для автора. Словом, сэр, вы одного мнения с Бэйсом^[30]: «На кой черт существует сюжет, как не для того, чтобы рассказывать занимательные вещи?»

Автор. Предположим, что я таков и что я написал бы несколько живых, остроумных сцен, легких, кое-как связанных вместе, но достаточно занимательных, чтобы, с одной стороны, отвлечь от физической боли, с другой – облегчить тревогу души, в-третьих, чтобы разгладить нахмуренный лоб, изборожденный морщинами от ежедневных трудов, в-четвертых, чтобы вытеснить неприятные мысли и внушить более веселые, в-пятых, чтобы побудить лентяя изучить историю своей страны, – словом, за исключением тех случаев, когда чтение этого произведения прерывало бы исполнение серьезных обязанностей, доставить безобидное развлечение; разве не мог бы автор такого произведения, как бы безыскусственно оно ни было выполнено, привести в свое оправдание извинение раба, который, будучи приговорен к наказанию за распространение ложного слуха о победе, спас свою жизнь, воскликнув: «Неужели я достоин порицания, о афиняне, я, подаривший вам один счастливый день?»

Капитан. Ваша милость разрешит мне рассказать один анекдот о моей незабвенной бабушке?

Автор. Я не могу себе представить, капитан Клаттербак, какое это имеет отношение к предмету нашего разговора.

Капитан. Это может быть уместно в нашем диалоге о взглядах Бэйса. Прозорливая старая леди – мир праху ее! – была верным другом церкви, и стоило ей услышать, как злые языки клеветают на какого-нибудь священника, как она сразу с жаром начинала его защищать. Но в

одном случае она всегда отступалась от своего преподобного *protege*¹² – а именно, как только она узнавала, что он произнес проповедь против клеветников и сплетников.

Автор. Но какое это имеет отношение к нашему разговору?

Капитан. Я слышал от саперов, что можно выдать слабое место врагу, слишком старательно укрепляя его на виду у неприятеля.

Автор. Еще раз, прошу вас, какое это имеет отношение к нашему делу?

Капитан. Ну что ж, отбросим в сторону метафоры. Я боюсь, что это новое произведение, в котором ваше великодушие, по-видимому, собирается предложить мне участвовать, будет весьма нуждаться в оправдании, так как вы считаете уместным начать защиту вашего дела, прежде чем суд приступил к его разбирательству. Готов прозакладывать пинту бордо, что вы кое-как, наспех состряпали ваш роман.

Автор. Вы, наверно, хотите сказать – пинту портвейна?

Капитан. Я говорю о бордо, о славном бордо из «Монастыря». Ах, сэръ, если бы вы только послушались совета ваших друзей и постарались заслужить хотя бы половину той благосклонности читателей, которую вы уже завоевали, все мы могли бы пить токай!

Автор. Мне все равно, что пить, лишь бы напиток был полезен для здоровья.

Капитан. Но тогда подумайте о вашей репутации, о вашей славе.

Автор. О моей славе? Я отвечу вам, как один из моих друзей, весьма остроумный, искусный и опытный адвокат, защищавший пресловутого Джема Мак-Коула, ответил представителям обвинения, ссылавшимся на то, что его клиент отказался отвечать на вопросы, на которые, по их утверждению, всякий человек, дорожающий своей репутацией, ответил бы без всяких колебаний.

«Мой клиент, – сказал он (между прочим, Джем в это время стоял позади него; ну и интересное же это было зрелище!), – так несчастен, что совершенно не дорожит своей репутацией. И я проявил бы величайшую неискренность по отношению к суду, если бы вздумал утверждать, что она заслуживает хоть какого-нибудь внимания с его стороны». И я, хотя по совсем другим причинам, пребываю в таком же блаженном состоянии безразличия, как Джем. Пусть слава следует за теми, кто обладает вещественным обликом. Призрак – а безличный автор несколько не лучше призрака – не может отбрасывать тень.

Капитан. Быть может, сейчас вы не так уж безличны, как были до сих пор. Эти письма к ученому мужу из Оксфордского университета...

Автор. Покажите остроумие, гений и утонченность автора, которые я от всей души желал бы применить к предмету более важному, и покажите, кроме того, что сохранение моего *incognito* вовлекло молодой талант в споры по поводу любопытного вопроса о доказательстве. Но какой бы искусной ни была защита дела в суде, это еще не значит, что оно будет выиграно. Быть может, вы помните, что тщательно сплетенная цепь косвенных улик, так искусно поданных с целью доказать, что сэръ Филипп Фрэнсис был автором «Писем Юниуса»^[31], сначала казалась неопровержимой, но влияние этих рассуждений на умы постепенно ослабело, и Юниус по-прежнему неизвестен широкой публике. Но на этот счет я не скажу больше ни слова, как бы меня ни просили и ни уговаривали. Установить, кем я не являюсь, было бы первым шагом к выяснению того, кто я такой на самом деле; и так как я, точно так же, как некий мировой судья, упомянутый Шенстоном^[32], не имею ни малейшего желания вызывать всякие толки и пересуды, которые обычно сопутствуют таким открытиям, я и впредь буду хранить молчание по поводу предмета, на мой взгляд, совершенно не заслуживающего шума, поднятого вокруг него, и еще более недостойного столь ревностно примененной изобретательности, проявленной юным автором писем.

¹² Подопечного (*фр.*).

Капитан. Но все же, дорогой сэр, даже если допустить, что вам нет никакого дела ни до вашей собственной репутации, ни до репутации какого-либо литератора, на плечи которого может лечь бремя ваших ошибок, разрешите мне заметить, что простое чувство благодарности к читателям, оказавшим вам столь радушный прием, и к критикам, судившим вас столь снисходительно, должна была бы побудить вас приложить больше старания при сочинении вашего романа.

Автор. Умоляю вас, сын мой, «освободите дух свой от лицемерия!», как сказал бы доктор Джонсон^[33]. Ибо у критиков свое дело, а у меня свое. Как поется в детской песенке:

Чем голландские дети прилежно играют,
То английские дети прилежно ломают.

Я их смиренный шакал, слишком занятый добыванием пищи для них и не имеющий времени подумать о том, проглотят ли они ее или извергнут. Для читателей же я представляю собой нечто вроде почтальона, оставляющего пакет у дверей адресата. Если он содержит приятные вести – записку от возлюбленной, письмо от сына, денежный перевод от должника, которого считали банкротом, – письмо принимается с радостью, читается и перечитывается, складывается, подшивается и бережно хранится в конторке. Если содержание его неприятно, если оно от настойчивого кредитора или от скучного человека, отправителя письма проклинают, письмо бросают в огонь, от всей души сожалея о почтовых расходах; но всегда, в том и в другом случае, о том, кто принес весть, думают не больше, чем о прошлогоднем снеге. Наибольшая мера добрых отношений между автором и читателями, которая может существовать в действительности, заключается в том, что публика склонна проявлять некоторую снисходительность к последующим произведениям своего первоначального любимца, хотя бы в силу привычки, приобретенной читателями, тогда как автор, что вполне естественно, придерживается самого хорошего мнения о вкусе тех, кто так щедро расточал аплодисменты по адресу его творений. Но я не вижу никакой причины для благодарности, в общепринятом смысле этого слова, ни с той ни с другой стороны.

Капитан. Тогда уважение к самому себе должно было бы внушить вам осторожность.

Автор. Ах, если бы осторожность могла увеличить мои шансы на успех! Но, сказать вам по правде, произведения и отдельные места, которые удалась мне лучше других, как правило, были написаны с величайшей быстротой. И когда я видел, как иной раз их сравнивали с другими и хвалили за более тонкую отделку, я мог бы призвать в свидетели свое перо и чернильницу, что наиболее слабые места стоили мне несравненно большего труда. К тому же я сомневаюсь в благотворном влиянии слишком большой медлительности как в отношении автора, так и читателя. Куй железо, пока горячо, и ставь паруса, пока дует попутный ветер. Если популярный автор долго не выступает с новыми пьесами, другой тотчас же занимает его место. Если писатель, прежде чем создать свое второе произведение, отдыхает в течение десяти лет, его вытеснят другие; или же, если его эпоха так бедна гениями, что этого не случается, его собственная репутация становится самым большим препятствием на его пути. Читатели вправе ожидать, что его новое произведение будет в десять раз лучше предшествующего, автор вправе ожидать, что оно будет пользоваться в десять раз большей популярностью и сто против десяти, что обе стороны будут разочарованы.

Капитан. Это может оправдать некоторую поспешность при издании, но не ту поспешность, которой, как говорится в пословице, людей насмешить. Во всяком случае, вы должны не торопясь привести в порядок ваш роман.

Автор. Это мое больное место, сын мой. Поверьте мне, я не был настолько глуп, чтобы пренебречь обычными предосторожностями. Я неоднократно взвешивал на весах свое будущее произведение, делил его на тома и главы и пытался создать роман, который, по моему

замыслу, должен был развиваться постепенно, держать всех в напряженном ожидании и разжигать любопытство и, наконец, завершиться неожиданной развязкой. Но мне кажется, что сам демон садится на мое гусиное перо, как только я начну писать, и уводит его в сторону от моей цели. Под моим пером возникает все больше действующих лиц, множатся эпизоды, роман все больше затягивается, в то время как материал растет; мой скромный сельский дом превращается в какую-то причудливую готическую постройку, и повесть заканчивается задолго до того, как я достиг поставленной перед собой цели.

Капитан. Решимость, настойчивость и терпение могли бы исправить это зло.

Автор. Увы, мой дорогой сэр! Вам неведома сила отцовской любви. Когда я встречаю такие персонажи, как бейли Джарви или Дальгетти^[34], мое воображение оживляется и замысел мой становится все яснее с каждым шагом, который я прохожу с ними, хотя это уводит меня в сторону от столбовой дороги на несколько миль и заставляет меня, усталого от долгих плутаний, прыгать через живые изгороди и канавы, чтобы снова вернуться на свой путь. Если я буду противиться этому искушению, как вы советуете мне, мысли мои станут прозаическими, плоскими и скучными. Я пишу с трудом, с сознанием того, что перо мое слабеет, и от этого я слабею еще больше; солнечный свет, которым моя фантазия озаряла события, исчезает, и все становится мрачным и скучным. Я так же непохож на того автора, каким я был, когда писал полный радостного настроения, как собака, запряженная в привод и вынужденная часами бегать по кругу, непохожа на ту же самую собаку, весело гонящуюся за собственным хвостом и прыгающую в безудержном ликовании неограниченной свободы. Одним словом, сэр, в такие минуты мне кажется, что я околдован.

Капитан. Ну уж нет, сэр, если вы ссылаетесь на колдовство, тут уж ничего больше не скажешь – кого гонит дьявол, тому не остановиться. И мне кажется, сэр, не это ли причина того, что вы не пытаетесь писать для сцены, на что вас так часто подстрекали?

Автор. Одной из важных причин того, что я не пишу пьес, можно считать мою неспособность создать сюжет. Но истина состоит в том, что некоторые слишком благосклонные судьи считают, что я обладаю кое-какими способностями в этой области поэзии, и основывают это мнение на обрывках старых пьес, которые были взяты из источника, не доступного для коллекционеров, и которые они поспешно объявили плодом моего остроумия. Но обстоятельства, при которых я стал обладателем этих фрагментов, так необычны, что я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать вам о них.

Да будет вам известно, что лет двадцать тому назад я посетил своего старого друга в Уорчестершире, который некогда служил вместе со мной в драгунском полку.

Капитан. Так, значит, вы действительно служили, сэр?

Автор. Служил я или не служил, какая разница? Капитан – подходящее звание для путешественника. Против ожидания в доме моего друга оказалось множество гостей, и, как обычно, – дом был очень старый, – мне отвели «комнату с привидениями». Я, как сказал один из наших великих современников, видел слишком много призраков, чтобы верить в них, и спокойно лег спать, убаюкиваемый ветром, шелестящим в листве лип, ветви которых бросали причудливые тени на блики лунного света, падающего на пол через ромбовидное окно, как вдруг появилась еще более темная тень, и я увидел на полу комнаты...

Капитан. Белую Даму из Эвенела?^[35] Вы уже рассказывали эту историю.

Автор. Нет. Я увидел женскую фигуру в домашнем чепце, нагруднике, с засученными до локтя рукавами, с пудреницей для сахара в одной руке, с разливательной ложкой в другой. Разумеется, я решил, что это стряпуха моего друга, блуждающая во сне при свете луны, и так как я знал, что он очень дорожил Сэлли, которая могла бы заткнуть за пояс любую девушку в округе, я встал, чтобы осторожно довести ее до двери. Но когда я подошел к ней, она сказала: «Остановитесь, сэр! Я не та, за кого вы меня принимаете», – слова, которые показались мне столь подходящими к обстоятельствам, что я не обратил бы на них никакого внимания, если бы

не странный, глухой голос, который произнес их. «Знайте же, – продолжала она тем же загробным голосом, – что я дух Бетти Барнс». – «Которая повесилась из-за любви к кучеру дилижанса, – подумал я. – Вот так штука!» – «Той самой несчастной Элизабет, или Бетти Барнс, которая долгое время служила стряпухой у мистера Уорбертона, страстного коллекционера, но, увы, слишком беззаботного хранителя самой большой коллекции старинных пьес всех времен, от большинства которых остались лишь названия, способные оживить вступление к комментированному изданию Шекспира. Да, незнакомец, именно эти злополучные руки предали жиру и огню множество маленьких листов *in quarto*¹³, которые, сохранись они до настоящего времени, свели бы с ума весь Роксбургский клуб^[36], – эти несчастные карманные воришки жарили жирных каплунов и вытирали деревянные тарелки пропавшими рукописями Бомонта и Флетчера, Мессинджера, Джонсона, Уэбстера^[37] и – подумать только! – даже самого Шекспира!»

Как у всякого коллекционера старинных пьес, мое жгучее любопытство по поводу какой-нибудь драмы, упомянутой в «Книге церемониймейстера придворных театральных празднеств», часто гасло, когда я слышал, как предмет моих тщательных поисков упоминался среди преданных огню рукописей, которые эта несчастная женщина принесла в жертву богу пиршества. Итак, нет ничего удивительного в том, что, подобно отшельнику Парнелла^[38],

Я в ужасе вскричал, объятый гневом:
«Несчастливая!» – но, на мою беду,
Тут Бетти подняла сковороду...

«Берегись, – сказала она, – как бы твой неуместный гнев не лишил меня возможности возместить миру ущерб, который нанесло ему мое невежество. Вот в этой угольной яме, которой уже не пользуются много лет, покоится несколько засаленных и грязных отрывков старинной драмы, которая не была полностью уничтожена. Возьми же...» В чем дело, на что вы так уставились, капитан? Клянусь спасением своей души, все это правда; как говорит мой друг майор Лонгбоу, «какой мне смысл лгать вам?»

Капитан. Лгать, сэр? О нет, боже упаси, чтобы я сказал такое слово про человека столь правдивого. Вы только склонны сегодня утром немного погоняться за своим хвостом, вот и все. Не лучше ли вам сохранить эту легенду для предисловия к «Трем найденным драмам» или к чему-нибудь в этом роде?

Автор. Вы совершенно правы, привычка – странная вещь, мой сын. Я забыл, с кем говорю. Да, пьесы для чулана, а не для сцены...

Капитан. Правильно; итак, вы можете быть уверены, что вас будут играть, ибо антрепренеры, в то время как тысячи добровольцев жаждут служить им, проявляют удивительное пристрастие к завербованным силой.

Автор. Я живое свидетельство этого, ибо, подобно второму Лаберию, я стал драматургом против своей воли^[39]. Я уверен, что мою музу угрозами заставили бы выступать на подмостках, даже если бы я написал проповедь.

Капитан. Поистине, если бы вы написали проповедь, из нее сделали бы фарс; и поэтому, если бы вы вздумали изменить свой стиль, я все еще советовал бы вам написать сборник драм в духе лорда Байрона.

Автор. Нет, его светлость даст мне сто очков вперед; я не хочу, чтобы моя лошадь догоняла его лошадь, если я сам могу себе помочь. Но мой друг Аллен написал как раз такую пьесу, какую я сам мог бы написать в яркий солнечный день одним из патентованных перьев Брама^[40]. Я не могу создавать хорошие произведения без такого реквизита.

Капитан. Вы имеете в виду Аллена Рэмзи?^[41]

¹³ В четвертую долю листа (*лат.*).

Автор. Нет, и не Барбару Аллен. Я имею в виду Аллена Каннингхема^[42], который только что опубликовал свою трагедию о сэре Мармадьюке Максвелле^[43], полную веселья и убийств, поцелуев и резни, сцен, не ведущих к развязке, но тем не менее весьма забавных. В сюжете нет ни проблеска правдоподобия, но в некоторых сценах так много живости и все произведение пронизано такой поэзией – я был бы счастлив, если бы мог пронизать такой поэзией мои «Кулинарные остатки», если когда-нибудь поддался бы искушению и опубликовал их. При общедоступном издании народ стал бы читать это произведение и восторгаться превосходными творениями Аллена. Но сейчас народ, быть может, заметит только его недостатки или, что было бы еще хуже, совсем не заметит его. Но не обращай на них внимания, мой честный Аллен; несмотря на все это, Каледония^[44] может гордиться тобой. Там есть также его лирические излияния, которые я советовал бы вам прочесть, капитан. «Это дом родной, это дом родной...» не уступает Бёрнсу^[45].

Капитан. Я не премину воспользоваться вашим советом. Клуб в Кеннаквейре стал весьма изысканным с тех пор, как Каталани^[46] посетила аббатство. Моя «Хладная бедность» была принята до обидности холодно, а «Берега славного Дуна» попросту были освистаны. *Tempora mutantur*¹⁴.

Автор. Они не могут остановиться, они будут меняться для всех нас. Ну что ж?

Пускай бедны мы с вами...
Но час разлуки приближается.

Капитан. Значит, вы твердо решили продолжать работать по вашей собственной системе? Подумали ли вы о том, что вам могут приписать недостойные побуждения, если вы будете быстро, одна за другой, издавать ваши книги? Все скажут, что вы пишете только ради наживы.

Автор. Предположим, что я позволяю выгоде, которую приносит успех в литературе, присоединиться к другим побуждениям, заставляющим меня чаще выступать перед публикой, – этот гонорар является добровольным налогом, который читатель платит за некоторую разновидность литературного развлечения; никто силой не заставляет платить его, и я полагаю, что платит его только тот, кто может позволить себе такой расход и кто получает удовольствие в соответствии с издержками. Если капитал, который эти тома пустили в обращение, очень велик, то разве он послужил только для удовлетворения моих прихотей? Неужели не могу я сказать сотням людей, начиная от честного Дункана, фабриканта бумаги, и кончая сопливым типографским мальчишкой: «Разве ты не получил свою долю? Разве ты не получил свои пятнадцать пенсов?» Признаться, мне кажется, что наши современные Афины должны быть благодарны мне за то, что я создал такую обширную промышленность; и когда всеобщее избирательное право войдет в моду^[47], я собираюсь выставить свою кандидатуру в парламент от всех чумазных ремесленников, связанных с литературой.

Капитан. Таким языком мог бы говорить владелец ситценабивной фабрики.

Автор. Опять ханжество, мой дорогой сын; в этом мире нет спасения от софизмов! Я утверждаю, вопреки Адаму Смиту^[48] и его последователям, что популярный автор – это производящий труженик и что его произведения составляют такую же реальную долю общественного богатства, как и продукты, созданные любым другим фабрикантом. Если новый товар, имеющий действительную внутреннюю и коммерческую ценность, является результатом работы, почему же кипы книг автора должны считаться менее полезной частью общественного капитала, чем товары любого другого фабриканта? Я имею в виду проистекающее отсюда распространение богатства, служащего на благо общества, и то трудолюбие, которое поощряется и

¹⁴ Времена меняются (лат.).

награждается даже таким пустячным произведением, как это, прежде чем книги покинут пределы издательства. Без меня этого не было бы, и в этом смысле я благодетель своей страны. Что же касается моего собственного вознаграждения, то я заработал его своим трудом и несу ответ перед Богом только за то, каким образом я израсходую его. Люди чистосердечные могут надеяться, что не все оно будет служить эгоистичным целям; и хотя тот, кто откроет свой кошелек, не может претендовать на особую заслугу, все же некоторая доля богатства, быть может, послужит богоугодному делу и облегчит нужду бедняков.

Капитан. Но обычно считается неблагородным писать лишь ради наживы.

Автор. Было бы неблагородно заниматься этим исключительно с такой целью или делать это главным мотивом литературного труда. Нет, я беру даже на себя смелость утверждать, что ни одно произведение фантазии, созданное лишь ради определенной суммы гонорара, никогда еще не имело и никогда не будет иметь успеха. Так адвокат, произносящий речь в суде, солдат, сражающийся на поле брани, врач, пользующий больного, священник – если только найдется такой, – читающий проповедь, без всякого рвения в своей профессии, без всякого сознания своего высокого призвания, лишь ради гонорара или жалованья, уподобляются жалкому ремесленнику. В соответствии с этим, во всяком случае по отношению к двум ученым профессиям, услуги не поддаются точной оценке, а получают признание не на основании точной оценки оказанных услуг, а посредством гонорара или добровольно выраженной благодарности. Но пусть клиент или пациент в виде эксперимента попробует пренебречь этой маленькой церемонией вручения гонорара, что *sense*¹⁵ совершенно немыслимым среди них, и посмотрим, как ученый джентльмен будет заниматься его делом. Не будем лицемерить, точно так же обстоит дело с литературным вознаграждением. Ни один здравомыслящий человек, к какому бы сословию он ни принадлежал, не считает или не должен был бы считать ниже своего достоинства принять справедливую компенсацию за потраченное им время и соответствующую долю капитала, обязанного своим существованием его труду. Когда царь Петр рыл рвы^[49], он получал жалование рядового солдата; и самые выдающиеся знатные люди своего времени, государственные деятели и священнослужители, не считали для себя зазорным получать деньги от своих книгопродавцев.

Капитан (*поет*):

Коль деньги – грязь в руках людских,
То лорд бы жил без денег;
А если б Бог был против них –
Не брал бы их священник!

Автор. Вы очень хорошо сказали это. Но ни один честный человек, одаренный умом и талантом, не сделает любовь к наживе главной или тем более единственной целью своего труда. Что до меня, я не нахожу ничего плохого в том, что выигрываю в этой игре; но в то время как я угождал публике, вероятно, мне следовало бы продолжать игру ради одного только удовольствия, ибо я, как и большинство людей, чувствовал ту глубокую любовь к творчеству, которая заставляет писателя взяться за перо, живописца – за палитру, зачастую без всякой перспективы славы или вознаграждения. Быть может, я слишком много говорю об этом. Может быть, я с таким же правдоподобием, как большинство людей, мог бы отвести от себя обвинение в алчности или продажности; но это не значит, что я окажусь настолько лицемерным, чтобы отрицать обычные побуждения, которые заставляют весь окружающий меня мир неустанно трудиться, жертвуя своим отдыхом, покоем, здоровьем и даже жизнью. Я не хочу прикидываться таким же бескорыстным, как изобретательные джентльмены из одной торговой компании, упоминаемой

¹⁵ Считается (*фр.*).

Голдсмитом^[50], которые продавали свой журнал по шесть пенсов за экземпляр исключительно ради своего собственного удовольствия.

Капитан. Мне осталось только сказать еще одно – все говорят, что в конце концов вы испишетесь.

Автор. Все говорят правду; но что же из этого? Когда они перестанут танцевать, я перестану играть на дудке и у меня не будет недостатка в напоминаниях о грозящем апоплексическом ударе.

Капитан. А что же тогда станет с нами, вашими бедными чадами? Мы будем преданы презрению и забвению.

Автор. Как и многие горемыки, уже обремененные многочисленной семьей, я не могу удержаться от того, чтобы не увеличить ее еще больше, – «это мое призвание, Хел»^[51]. Те из вас, кто заслуживает этого, – быть может, все вы – да будут преданы забвению. Во всяком случае, вас читали в ваши дни, чего нельзя сказать о некоторых из ваших современников, менее счастливых, но обладающих большими заслугами. Никто не может сказать, что вы не были увенчаны короной. Это что-нибудь да значит – в течение семи лет приковывать к себе внимание читателя. Если бы я написал только «Уэверли», я давно бы уже стал, как принято говорить, «талантливым автором романа, пользовавшегося в свое время большим успехом». Я готов поклясться, что репутация «Уэверли» в значительной мере поддерживается хвалой тех, кто предпочитает это повествование его преемникам.

Капитан. Неужели вы готовы променять свою будущую славу на популярность сегодняшнего дня?

Автор. *Meliora spero*¹⁶. Сам Гораций^[52] не надеялся на то, что он будет жить во всех своих творениях. Я могу надеяться, что буду жить в некоторых из своих – *pop omnis moriar*¹⁷. Есть некоторое утешение в мысли о том, что лучшие авторы во всех странах были также наиболее плодовитыми, и часто случалось так, что писатели, пользовавшиеся самой большой популярностью в свое время, находили также хороший прием у потомства. Я не такого плохого мнения о современном поколении, чтобы предполагать, что его благосклонность в настоящее время означает неизбежное осуждение в будущем.

Капитан. Если бы все действовали руководствуясь такими принципами, читателей захлестнул бы потоп.

Автор. Еще раз, мой дорогой сын, берегитесь лицемерия. Вы говорите так, как будто читатели обязаны читать книги только потому, что они напечатаны. Ваши друзья книгопродавцы были бы благодарны вам, если бы вы осуществили это предложение. Самое неприятное, что сопровождает наводнения, о которых вы говорили, это то, что тряпки становятся дороже. Множество изданий не причиняет нашей эпохе никакого вреда и может принести большую пользу поколению, идущему нам на смену.

Капитан. Я не вижу, как это может случиться.

Автор. Во времена Елизаветы и Иакова жалобы на вызывающую тревогу плодовитость писателя были не менее громкими, нежели в наш век; но посмотрите на берег, затопленный наводнением того времени, – теперь он напоминает Рич Стрэнд «Королевы фей»...^[53]

Весь путь ее усеян жемчугами;
Не гравий – самородки под ногами
Да россыпи невиданных камней.

¹⁶ Надеюсь на лучшее (лат.).

¹⁷ Не весь умру (лат.).

Поверьте мне, даже в самых непопулярных произведениях нашей эпохи грядущий век может обнаружить сокровища.

Капитан. Некоторые книги не поддадутся никакой алхимии.

Автор. Их будет лишь очень немного, так как, что касается авторов, не представляющих ровно никакой ценности, если только они не публикуют свои книги за собственный счет, подобно сэру Ричарду Блэкмору^[54], их способность досажать читателям скоро будет ограничена трудностью найти предприимчивых книгопродавцев.

Капитан. Вы неисправимы. Неужели нет границ вашей смелости?

Автор. Существуют священные и вечные границы чести и добродетели. Мой путь подобен заколдованному покоям Бритомарты^[55] –

Она вокруг взглянула: перед нею –
Глухая дверь, надежная как щит,
И надпись: «Будь смелее». «Будь смелее» –
Какой секрет в призыве том сокрыт?
Но вот в углу ее очам предстала
Другая дверь – и надпись там гласит:
«Не будь излишне смел»...

Капитан. Ну что же, вы подвергаетесь риску, продолжая поступать в соответствии со своими принципами.

Автор. Поступайте в соответствии с вашими и смотрите не болтайтесь здесь без дела до тех пор, пока не пройдет обеденный час. Я добавлю это произведение к вашему наследству, valeat quantum¹⁸.

На этом наша беседа кончилась, так как явился маленький черномазый Аполлион из Кэнонгейта и от имени мистера Мак-Коркиндейла потребовал корректуру; и я слышал, как в другом закоулке вышеописанного лабиринта мистер К. делал выговор мистеру Ф. за то, что тот допустил, чтобы кто-то так далеко проник в penetralia¹⁹ их храма.

Я предоставляю вам составить свое собственное мнение относительно важности этого диалога и позволю себе верить, что исполню желание нашего общего родителя, если предположу это письмо произведению, к которому оно относится.

Остаюсь, высокочтимый, дорогой сэръ, искренне преданный вам, ваш и пр. и пр.

Катберт Клаттербак.

Кеннаквайр, 1 апреля 1822 года.

¹⁸ Независимо от его ценности (лат.).

¹⁹ Святителище (лат.).

Глава I

*У горца с бриттом мир царит:
Спешит наш Сэнди через Твид...
На нем все роскошью блистало,
Его и мать бы не узнала.
Сменив шотландку на парчу,
Он предпочел теперь мечу
Рапиру дорогой работы,
Сверкающую позолотой.
Своей красой пленяя свет,
На шляпу он сменил берет.*

«Реформация»²⁰

Длительная вражда, веками разделявшая юг и север Британского острова, окончилась счастливым примирением со вступлением на английский престол миролюбивого короля Иакова I^[56]. Но хотя объединенная корона Англии и Шотландии венчала чело одного и того же монарха, прошло немало времени и не одно поколение сменило другое, прежде чем исчезли глубоко укоренившиеся национальные предрассудки, так долго омрачавшие отношения между двумя родственными королевствами, и жители одного берега Твида привыкли смотреть на обитателей противоположного берега как на друзей и братьев.

Сильнее всего эти предрассудки проявлялись в царствование короля Иакова. Английские подданные обвиняли его в пристрастии к подданным его исконного королевства, в то время как шотландцы столь же несправедливо упрекали его в том, что он забыл страну, в которой родился, и пренебрег своими давними друзьями, верности которых он был обязан столь многим.

Миролюбивый, почти робкий нрав короля заставлял его постоянно выступать в роли посредника между враждующими партиями, чьи раздоры нарушали покой придворной жизни. Но, несмотря на все его предосторожности, историки сообщают немало примеров того, как взаимная ненависть двух народов, лишь недавно объединенных после тысячелетней вражды, внезапно прорывалась с такой силой, что грозила вызвать всеобщее потрясение и, распространяясь от высших классов к самым низшим, порождала споры в Совете и в парламенте, раздоры среди придворных, дуэли среди дворян, а также вызывала не менее частые ссоры и драки среди простого люда.

В те времена, когда пламя этих страстей разгорелось особенно ярко, в городе Лондоне преуспевал искусный, но своенравный и чудаковатый механик по имени Дэвид Рэмзи, весьма преданный отвлеченным наукам. То ли благодаря отменному искусству в своем ремесле, как утверждали придворные, то ли, как поговаривали его соседи, благодаря тому, что он родился в славном городе Дэлките близ Эдинбурга, Рэмзи занимал при дворе короля Иакова должность часового мастера и изготовлял для его величества часы всевозможного рода. Тем не менее он не считал для себя зазорным держать лавку в Темпл-Баре, в нескольких ярдах к востоку от церкви Святого Дунстана.

Нетрудно себе представить, что в те дни лавки лондонских торговцев мало чем напоминали магазины, которые мы теперь видим в этом городе. Товары были выставлены для продажи в ящиках, защищенных от непогоды лишь парусиновыми навесами. Эти лавки больше

²⁰ Перевод Л. Хвостенко.

походили на ларьки и будки, временно сооружаемые торговцами на наших сельских ярмарках, чем на солидные заведения почтенных горожан. Лавка Дэвида Рэмзи, так же как большинство торговых заведений именитых купцов и ремесленников, соединялась с небольшой каморкой, имевшей выход во двор и напоминавшей пещеру Робинзона Крузо, тогда как сама лавка напоминала воздвигнутую им перед входом в пещеру палатку. В эту каморку мастер Рэмзи часто уединялся для сложных вычислений, ибо он стремился к усовершенствованиям и открытиям в своем ремесле и иной раз, подобно Непиру^[57] и другим математикам того времени, углублялся в своих исследованиях в область отвлеченных наук. Занятый работой, он оставлял внешние посты своего торгового заведения на попечение двух дюжих горластых подмастерьев, которые зазывали покупателей неизменными возгласами: «Что вам угодно? Что вам угодно?» – и сопровождали эти призывы расхваливанием товаров, которыми они торговали. Такой способ зазывать покупателей, обращаясь непосредственно ко всем прохожим, в настоящее время можно встретить, пожалуй, только на Монмут-стрит (если он еще сохранился в этом квартале старьевщиков) среди разбросанных по свету потомков Израиля. Но в те времена, о которых идет речь, обычай этот существовал как среди евреев, так и среди христиан и, заменяя все наши современные газетные объявления и рекламы, служил для привлечения внимания широкой публики вообще и постоянных покупателей в частности к несравненным достоинствам товаров, которые предлагались для продажи на таких заманчивых условиях, что можно было подумать, будто продавцы больше заботились о благе покупателей, нежели о своей собственной выгоде.

Купцы, собственными устами восхвалявшие достоинства своих товаров, обладали тем преимуществом по сравнению с торговцами наших дней, пользующимися для достижения той же самой цели услугами газет, что они зачастую могли разнообразить свои призывы в соответствии с внешностью и вкусом каждого прохожего. (Таков, как мы уже говорили, был обычай и на Монмут-стрит еще на нашей памяти. Как-то раз нам самим указали на убогость одеяния, опоясывавшего наши чресла, призывая нас приобрести более подобающее облачение... Но, кажется, мы отвлеклись от нашего повествования.) Однако этот непосредственный способ личного приглашения покупателей превращался в опасное искушение для юных шутников, на которых возлагалась обязанность зазывалы в отсутствие главного лица, заинтересованного в ходе торговли. Полагаясь на свое численное превосходство и на чувство солидарности, лондонские подмастерья нередко поддавались соблазну и позволяли себе вольности по отношению к прохожим, изошряясь в остроумии за счет тех, кого они не надеялись завербовать в покупатели при помощи своего красноречия. И если возмущенные прохожие отвечали на эти насмешки применением силы, то обитатели всех соседних лавок немедленно спешили на помощь товарищам; и, говоря словами старинной песенки, которую любил напевать доктор Джонсон,

Встали на помощь дружку своему
Все подмастерья – один к одному.

При этом часто разгорались настоящие побоища, в особенности когда мишенью для насмешек служили студенты из Темпла и другие юноши знатного происхождения, даже если они лишь мнили себя оскорбленными. В таких случаях сверкающие шпаги нередко скрещивались с дубинками горожан и иногда дело кончалось смертью на той или другой стороне. Нерасторопной полиции того времени не оставалось ничего другого, как просить местного олдермена, чтобы тот призвал на помощь обитателей квартала, превосходящие силы которых прекращали побоище, подобно тому как на сцене разнимают Монтекки и Капулетти.

В те времена обычай этот был повсеместно распространен как среди самых почтенных, так и самых мелких лавочников Лондона, и в тот вечер, к которому мы хотим привлечь внимание читателя, Дэвид Рэмзи, уединившись для своих сложных вычислений, оставил лавку,

или ларек, на попечение вышеупомянутых бойких, острых на язык, дюжих и горластых подмастерьев Дженкина Винсента и Фрэнка Танстола.

Питомец превосходного приюта при церкви Христа Спасителя, Винсент был настоящим лондонцем как по рождению, так и по воспитанию; он обладал смешленостью, ловкостью и смелостью, составляющими неотъемлемые черты характера молодого поколения столицы. Ему было около двадцати лет, он был невысокого роста, но чрезвычайно крепкого телосложения и по праздникам блистал своим искусством при игре в мяч и в других играх. Ему не было равных в фехтовании, хотя роль шпаги при этом выполняла пока только простая палка с рукояткой. Он знал каждый переулок, каждый тупик, каждый уединенный двор в своем квартале лучше, чем катехизис; он проявлял одинаковую предприимчивость как в делах своего хозяина, так и в своих собственных веселых похождениях и проказах, и ему удалось добиться того, что доверие, которое он приобрел своей работой, выручало его или, по крайней мере, приносило ему прощение, когда он попадал в беду из-за своего легкомыслия. Справедливость требует, однако, заметить, что в его похождениях до сих пор не было ничего предосудительного. Когда Дэвид Рэмзи узнавал о проделках своего подмастерья, он старался направить его на путь истинный, а на его более невинные шалости смотрел сквозь пальцы, считая, что они служат той же цели, что и «спуск» в часах, регулирующий избыточную энергию первоначального толчка, приводящего в движение весь механизм.

Внешность Джина Вина – ибо под таким сокращенным прозвищем он был известен всему кварталу – вполне соответствовала беглому наброску, при помощи которого мы пытались изобразить его характер. Его голову постоянно украшала залихватски сдвинутая набекрень плоская шапочка, какие тогда носили подмастерья, из-под которой выбивались густые, черные как смоль, выющиеся волосы – они доходили бы ему до плеч, если бы не соответствующий его скромному положению обычай, за соблюдением которого строго следил сам хозяин, заставлявший своего ученика коротко подстригать их, к немалому огорчению подмастерья, с завистью смотревшего на длинные ниспадающие локоны, которые тогда начинали входить в моду среди придворных и студентов-аристократов из соседнего Темпла и служили признаком дворянского рода и высокого положения. У Винсента были глубоко сидящие черные живые глаза, полные огня, плутовства и смешлености, светящиеся юмором даже тогда, когда он разговаривал в лавке с покупателями, словно он смеялся над теми, кто готов был принять всерьез его пустую болтовню. Он обладал, однако, изрядным искусством в обращении с людьми и своими шутками вносил оживление в будничное однообразие, царившее в лавке. Его веселый нрав, его постоянная готовность услужить, его смешленость и учтивость, когда он считал нужным быть учтивым, делали его всеобщим любимцем покупателей. Черты его лица никак нельзя было назвать правильными, ибо у него был слегка приплюснутый нос, рот скорее слишком большой, чем слишком маленький, цвет лица несколько более смуглый, чем допускало тогдашнее представление о мужской красоте. Но, несмотря на то, что он постоянно дышал воздухом многолюдного города, на его мужественном, пышущем здоровьем лице всегда играл румянец. Вздернутый нос придавал его словам добродушно-насмешливый оттенок и как бы вторил его смеющимся глазам, а широкий рот украшали красиво очерченные ярко-красные губы, и, когда он смеялся, за ними сверкали два ряда крепких, ровных зубов, белых как жемчуг. Таков был старший подмастерье Дэвида Рэмзи, «наставника памяти», часовых дел мастера, изготавливавшего всевозможные часы для священной особы его величества Иакова I.

Товарищ Дженкина был младшим подмастерьем, хотя годами, быть может, он был и старше его. Во всяком случае, он отличался более спокойным и степенным нравом. Фрэнсис Танстол принадлежал к древнему гордому роду, считавшему себя «незапятнанным», ибо, несмотря на изменчивое счастье длительных и кровавых войн Алой и Белой розы^[58], он неизменно сохранял верность династии Ланкастеров, с которой с самого начала связал свою судьбу. Ничтожнейший отпрыск такого древа чтит корень, давший ему жизнь, и, вероятно, в тайниках

сердца Танстола все еще тлела искра той семейной гордости, которая исторгла слезы из глаз его овдовевшей матери, когда перед лицом надвигавшейся нищеты она вынуждена была смириться с тем, чтобы сын посвятил себя столь низкому, по ее понятиям, ремеслу, недостойному его предков. Однако, несмотря на все аристократические предрассудки Танстола, его хозяин скоро убедился, что благородный юноша более послушен, аккуратен и внимателен к исполнению своих обязанностей, нежели его несравненно более резвый и проворный товарищ. Хозяину также нравилось, что Танстол, по-видимому, проявлял большой интерес к отвлеченным законам науки, связанной с тем ремеслом, изучению которого он себя посвятил и область которого с каждым днем расширялась в соответствии с развитием математических наук.

Винсент оставлял своего товарища далеко позади себя во всем, что касалось практического применения сугубо практических знаний, в ловкости рук, необходимой для выполнения механических работ, и в особенности во всем, что было связано с коммерческой стороной дела. Все же Дэвид Рэмзи частенько говаривал, что, хотя Винсент лучше из них двоих знает, как нужно сделать какую-нибудь вещь, Танстол гораздо лучше знаком с принципами, которые при этом следует применить, и иногда он упрекал последнего в том, что тот слишком хорошо представляет себе теоретическое совершенство, чтобы довольствоваться посредственными практическими результатами.

Танстол был несколько застенчив и отличался прилежанием, и, хотя он был безукоризненно учтив и любезен, казалось, что он никогда не чувствовал себя на своем месте при выполнении своих ежедневных обязанностей в лавке. Он был строен и красив, у него были белокурые волосы, правильные черты лица, большие голубые глаза, прямой греческий нос, и взгляд его выражал одновременно добродушие и сметливость, несколько омраченные несвойственной его возрасту серьезностью. Он был в самых приятельских отношениях со своим товарищем и всегда готов был прийти ему на помощь, когда тот принимал участие в одной из стычек, которые, как мы уже упоминали, часто нарушали покой Лондона в те времена. Но хотя Танстол отлично владел длинной дубинкой (оружием, столь распространенным на севере Англии) и хотя природа наделила его недюжинной силой и ловкостью, казалось, он вмешивался в эти драки лишь по необходимости, и так как он никогда по собственному почину не участвовал ни в ссорах, ни в забавах молодых людей своего квартала, он стоял в их глазах гораздо ниже, чем его веселый и проворный друг Джин Вин. И если бы не заступничество Винсента, Танстол легко мог бы оказаться совершенно изгнанным из общества своих сверстников, принадлежавших к тому же сословию и наделивших его насмешливыми прозвищами «кабальеро Кадди» и «благородный Танстол». С другой стороны, юноша, лишенный свежего воздуха родных полей и прогулок, к которым он привык у себя дома, постепенно терял свой свежий румянец и, не проявляя никаких признаков настоящей болезни, худел и бледнел с каждым годом, хотя ни на что не жаловался и не приобрел привычек, свойственных больным людям, если не считать его стремления избегать общества и посвящать свой досуг занятию науками, вместо того чтобы участвовать в веселых играх своих сверстников или посещать театр, бывший в те времена излюбленным местом сборищ молодых людей его круга, где, согласно самым авторитетным источникам, они устраивали драки из-за яблочных огрызков, щелкали орехи и наполняли галерку невероятным шумом.

Таковы были юноши, называвшие Дэвида Рэмзи своим мастером и доставлявшие ему немало хлопот с утра до вечера, ибо их своенравные выходки нередко приходили в столкновение с его собственными причудами и нарушали спокойное течение жизни его процветающего заведения.

Несмотря на все это, оба юноши были преданы своему хозяину, а он, рассеянный и чудак, но вместе с тем добродушный человек, испытывал едва ли меньшую привязанность к своим ученикам, и часто на какой-нибудь пирушке, слегка разгоряченный от вина, он любил немного прихвастнуть, рассказывая о своих «двух статных молодцах», о том, «какие взгляды

бросают на них придворные дамы, когда заходят в его лавку во время прогулок по городу в своих роскошных каретах». Но в то же время Дэвид Рэмзи при этом никогда не упускал случая, чтобы, вытянув свою высокую, тощую, долговязую фигуру и загадочно ухмыльнувшись иссохшими губами, не подмигнуть присутствующим маленькими серыми глазками, одновременно кивнув куда-то в сторону своей длинной лошадиной головой, давая этим понять, что на Флит-стрит можно увидеть и другие лица, достойные не менее внимательного взгляда, чем лица Фрэнка и Дженкина. Его старая соседка, вдовушка Симмонс, швея, в свое время снабжавшая самых первых франтов Темпла брыжами, манжетами и лентами, тоньше разбиралась в различных знаках внимания, которые знатные дамы, постоянно посещавшие лавку Дэвида Рэмзи, оказывали ее обитателям. «Мальчик Фрэнк, – говаривала она, – с нежным взглядом потупленных глаз, обычно привлекает внимание молодых дам, но затем они теряют интерес к нему, ибо бедняжка не блещет красноречием, тогда как Джин Вин со своими вечными шутками да прибаутками, проворный и легкий, как олень в Эппингском лесу, с искрящимися, черными как у цыгана глазами, всегда так любезен, так услужлив, так учтив, что всякая женщина с жизненным опытом не колеблясь отдаст ему предпочтение. Что же касается самого бедного соседа Рэмзи, – добавляла она, – он, несомненно, любезный сосед и ученый человек, и он мог бы разбогатеть, если бы у него хватило здравого смысла, чтобы воспользоваться плодами своей учености; несомненно также, что для шотландца сосед Рэмзи – неплохой человек, но он так пропитан дымом и постоянно вымазан в саже, в копоты от лампы и в машинном масле и его всегда покрывает такой толстый слой позолоты из медных опилок, что, – так, во всяком случае, утверждала миссис Симмонс, – потребовалась бы вся его лавка часов, чтобы заставить уважающую себя женщину прикоснуться к вышеупомянутому соседу Рэмзи чем-нибудь, кроме каминных щипцов».

Еще более высокий авторитет, миссис Урсула, жена цирюльника Бенджамина Садлчоба, придерживалась точно такого же мнения.

Таковы были дары и достоинства, которыми природа и мнение окружающих людей наделили обоих юношей.

В один прекрасный апрельский день, выполнив предварительно свои обязанности по прислуживанию хозяину и его дочери за столом во время обеда в час дня – такова, о юноши Лондона, была суровая дисциплина, которой должны были подчиняться ваши предшественники! – и совершив свою собственную трапезу, состоявшую из остатков с хозяйского стола, в обществе двух служанок – кухарки и горничной мисс Маргарет, – оба ученика сменили своего мастера в лавке и по принятому обычаю старались привлечь внимание прохожих к изделиям хозяина, расхваливая их на все лады.

Нетрудно догадаться, что в этом искусстве Дженкин Винсент далеко опередил своего более сдержанного и застенчивого товарища. Лишь с большим трудом – ибо он стыдился этой обязанности – Танстол мог заставить себя произносить заученные фразы: «Что вам угодно? Карманные, стенные часы, очки? Что вам угодно, сэр? Что вам угодно, мадам? Очки, карманные, стенные часы?»

Но это унылое повторение одних и тех же сухих фраз, несмотря на перестановку слов, казалось бледным и бесцветным в сравнении с блестящим красноречием разбитного, горластого и находчивого Дженкина Винсента. «Что вам угодно, благородный сэр? Что вам угодно, прекрасная мадам?» – восклицал он дерзким и в то же время вкрадчивым голосом, способным польстить тем, к кому были обращены эти слова, и вызвать улыбку у окружающих.

– Господь да благословит ваше преподобие, – говорил он, обращаясь к почтенному священнику, – греческие и древнееврейские тексты испортили глаза вашего преподобия – купите очки Дэвида Рэмзи! Сам король – да благословит Господь Бог священную особу его величества! – никогда не читает древнееврейских или греческих книг без очков.

– Тебе это доподлинно известно? – спросил тучный пастор из Ившэмской долины. – Что ж, если глава церкви носит очки – да благословит Господь Бог священную особу его величества! – попробую, не помогут ли они и мне, ибо, с тех пор как я перенес тяжелую лихорадку – не припомню, когда это было, – я не могу отличить одну еврейскую букву от другой. Подбери-ка мне, любезный, такие же очки, какие носит сама священная особа его величества.

– Вот не угодно ли, ваше преподобие, – сказал Дженкин, вынимая очки и прикасаясь к ним с величайшим почтением и уважением, – три недели тому назад благословенная особа его величества надевала эти очки на свой благословенный нос и, несомненно, оставила бы их у себя для своего собственного священного пользования, если бы они не были, как вы сами, ваше преподобие, можете убедиться, в оправе из чистейшего гагата, что, как изволили заметить его величество, больше подобает епископу, нежели мирскому владыке.

– Поистине, – воскликнул достопочтенный пастырь, – его величество король в своих суждениях всегда был подобен Даниилу!^[59] Дай-ка мне эти очки, любезный. Кто знает, чей нос они будут украшать через два года? Наш преподобный брат из Глостера уже в преклонных летах.

Затем он вынул кошелек, заплатил за очки и, приняв еще более важный вид, вышел из лавки.

– Как тебе не стыдно, – сказал Танстол своему товарищу. – Эти очки совершенно не для его возраста.

– Ты настоящий олух, Фрэнк, – ответил Винсент. – Если бы этому ученому мужу очки нужны были для чтения, он примерил бы их, прежде чем купить. Он не собирается сам смотреть через них, а для того, чтобы другие люди могли смотреть на него, эти очки нисколько не хуже самых лучших увеличительных стекол, какие только есть в нашей лавке.

– Что вам угодно? – продолжал он свои зазывания. – Зеркало для вашего туалета, прелестная мадам? Ваша шляпка немножко сбилась набок... Как жаль – она сделана с таким вкусом!

Дама остановилась и купила зеркало.

– Что вам угодно, господин адвокат? Часы, срок службы которых будет длиться так же долго, как судебный процесс, и которые будут служить вам так же верно, как ваше собственное красноречие?

– Да помолчи ты, любезный! – воскликнул рыцарь белого берета, занятый серьезным разговором со знаменитым юристом. – Помолчи! Ты самый горластый бездельник между «Таверной дьявола» и Гилдхоллом^[60].

– Часы, – продолжал неугомонный Дженкин, – которые в течение тринадцатилетнего процесса не отстанут и на тринадцать минут. Да он уже так далеко, что ничего не слышит! Часы с четырьмя колесиками и пружинным рычагом... Эти часы поведают вам, мой дорогой поэт, на сколько времени хватит терпения у публики смотреть вашу новую пьесу в «Черном быке».

Бард рассмеялся и, пошарив в карманах широких панталон, вытащил забившуюся в самый угол мелкую монету.

– Вот тебе шесть пенсов, мой юный друг, в награду за твое остроумие, – сказал он.

– Мерси, – сказал Вин, – на следующее представление вашей пьесы я приведу целую ватагу шумных ребят, и они научат хорошим манерам всех критиков в партере и знатных кавалеров на сцене^[61], а не то мы спалим весь театр.

– Какая низость, – сказал Танстол, – брать деньги у этого несчастного рифмоплета; у него ведь у самого нет ни гроша за душой.

– Дурень ты дурень, – промолвил Винсент. – Если ему не на что купить сыра и редиски, ему придется только днем раньше пообедать у какого-нибудь мецената или актера, ибо такова уж его участь в течение пяти дней из семи. Не пристало поэту самому платить за свою кружку пива. Я пропью вместо него эти шесть пенсов, чтобы избавить его от такого позора, и, поверь

мне, после третьего спектакля он будет с лихвой вознагражден за свою монету. А вот еще один возможный покупатель. Взгляни на этого чудака. Посмотри, как он глазеет на каждую лавку, словно собирается проглотить все товары. О! Вот на глаза ему попался святой Дунстан. Не дай бог, он проглотит его статую. Смотри, как он уставился на древних Адама и Еву, усердно отбивающих часы! Послушай, Фрэнк, ведь ты ученый, объясни мне, что это за человек – в голубом берете с петушиным пером, чтобы все знали, что в его жилах течет благородная кровь, кто его там разберет, с серыми глазами, рыжеволосый, со шпагой, на рукоятку которой пошло не меньше тонны железа, в сером поношенном плаще, с походкой француза, с взглядом испанца, с книгой, висящей на поясе с одной стороны, и с широким кинжалом – с другой, чтобы показать, что он наполовину педант, наполовину забияка. Что это за маскарад, Фрэнк?

– Это неотесанный шотландец, – ответил Танстол. – Я думаю, он приехал в Лондон, чтобы помочь своим землякам глотать кости Старой Англии, – гусеница, готовая пожрать то, что пощадила саранча.

– Ты прав, Фрэнк, – ответил Винсент. – Как говорит поэт в своих сладкозвучных стихах:

Он был в Шотландии рожден,
Хоть нищий, должен есть и он.

– Тише! – сказал Танстол. – Ты забыл, кто наш хозяин.

– Подумаешь! – возразил его шустрый товарищ. – У него губа не дура. Он своего не упустит. Поверь мне, он слишком долго жил среди англичан и ел английский хлеб, чтобы сердиться на нас за то, что у нас английская душа. Но гляди-ка, наш шотландец вдоволь насмотрелся на святого Дунстана и идет сюда. Теперь, при свете, я вижу, что он ладный, крепкий парень, несмотря на веснушки и загар. Он подходит все ближе. Ну, сейчас я примусь за него.

– Смотри, как бы он не свернул тебе шею, – сказал его товарищ, – такой спуску не даст.

– Черта с два! Меня не испугаешь! – воскликнул Винсент и сразу же заговорил с незнакомцем: – Купите часы, благородный северный тан, купите часы, чтобы отмечать время, протекающее среди изобилия с того благословенного момента, когда вы покинули Берик. Купите очки, чтобы узреть английское золото, к которому протянуты ваши руки. Покупайте все, что хотите, вам будет предоставлен кредит на три дня, ибо, если даже ваши карманы так же пусты, как карманы отца Фергуса, шотландец, попавший в Лондон, сумеет за это время набить свою мошну.

Незнакомец бросил свирепый взгляд на озорного подмастерья и с угрожающим видом схватился за дубинку.

– Тогда купите себе лекарство, – продолжал неугомонный Винсент, – если вы не хотите купить ни времени, ни света, – лекарство от высокомерия, сэр; аптекарь вот там, напротив.

При этих словах ученик Галена^[62], стоявший у входа в аптеку, в плоской шапочке и в холщовой блузе, с большим деревянным пестиком в руках, подхватил мяч, брошенный ему Дженкином, повторив его вопрос:

– Что вам угодно, сэр? Купите самую лучшую шотландскую мазь, *flos sulphur, cum butyro quant suff*²¹.

– Употреблять после легкого растирания дубовым английским полотенцем, – добавил Винсент.

Дюжий шотландец оказался прекрасной мишенью для легкой артиллерии лондонских остряков. Он остановился с важным видом и бросил свирепый взгляд сначала на одного атакующего, затем на другого, как бы собираясь отразить нападение остроумным ответом или замышляя более грозную месть. Но флегма или благодушие взяли верх над негодованием, и,

²¹ Серный цвет и масла сколько потребуется (*лат.*).

гордо вскинув голову с видом человека, презирающего насмешки, которыми его только что осыпали, он вновь зашагал по Флит-стрит, преследуемый диким хохотом своих мучителей.

– Шотландец не полезет в драку, пока не увидит свою собственную кровь, – сказал Танстол. Уроженец севера Англии, он знал немало поговорок, сложенных про обитателей еще более далекого севера.

– Признаться, я не уверен в этом, – сказал Дженкин. – Вид у этого молодца свирепый. Не успеешь оглянуться, как он проломит тебе башку. Но что это? Начинается драка!

Вслед за этим Флит-стрит огласилась хорошо знакомым боевым кличем: «За дубинки, подмастерья! За дубинки!» – и Дженкин, схватив свое оружие, лежавшее наготове под прилавком, и крикнув Танстолу, чтобы тот захватил свою дубинку и следовал за ним, перепрыгнул через прилавок, ограждавший наружную лавку, и сломя голову помчался к месту драки, эхом откликаясь на боевой призыв и отталкивая в сторону всех, кто попадался ему на пути. Товарищ Дженкина, предварительно крикнув хозяину, чтобы тот присмотрел за лавкой, последовал его примеру и стремглав пустился вдогонку, больше думая, однако, о безопасности и спокойствии прохожих. Тем временем старый Дэвид Рэмзи, в зеленом фартуке, с поднятыми руками и взором, обращенным к небу, сунув за пазуху стекло, которое он только что шлифовал, вышел, чтобы присмотреть за своими товарами, ибо знал по опыту многих лет, что когда раздавался клич: «За дубинки!», ему нечего было ждать помощи от своих подмастерьев.

Глава II

*Вот это, сэр, один из нашей знати:
Тьма денег у него, но он во тьме
Не держит их – пускает в оборот!
Одна беда – мягкосердечен слишком,
Без толку благодетельствует тем,
Кого разумный обойдет за милю.*

«Чета преклонных лет»

Старый джентльмен суеился в своей лавке, раздраженный тем, что этот поспешный вызов помешал его занятиям науками более отвлеченными, и, не желая прерывать цепь начатых вычислений, он причудливо переплетал обрывки различных арифметических действий с красноречивыми призывами к прохожим и сердитыми замечаниями по адресу своих нерадивых подмастерьев.

– Что вам угодно, сэр? Мадам, что вам угодно? Часы для гостиной, настольные часы, ночные часы, дневные часы?... Храповое колесо сорок восемь, движущая сила восемь, ударные штифты сорок восемь... Что вам угодно, почтенный сэр?... Частное... множимое... И надо же было этим бездельникам удрать как раз в такую минуту!.. Ускорение пять минут, пятьдесят пять секунд, пятьдесят три терции, пятьдесят девять четвертей... Высеку обоих, как только вернутся. Клянусь останками бессмертного Непира!

В этот момент сетования нашего раздраженного философа были прерваны появлением горожанина весьма почтенного вида. Он приветствовал хозяина дружеским возгласом: «Дэви, мой старый приятель!» – и, сердечно пожав ему руку, осведомился о причинах, вызвавших его негодование.

Костюм незнакомца отличался скромностью, но был все же несколько богаче обычной одежды горожан того времени. На нем были клетчатые панталоны из черного бархата на пурпурной шелковой подкладке, видневшейся в разрезах. Его камзол был также пурпурного цвета, а короткий плащ из черного бархата гармонировал с панталонами. Плащ и камзол были украшены множеством маленьких серебряных пуговиц с богатой филигранной отделкой. На шее у него висела тройная золотая цепочка. Вместо шпаги или кинжала он носил у пояса обыкновенный столовый нож и небольшой серебряный футляр, содержащий, по-видимому, письменные принадлежности. Его можно было бы принять за секретаря или клерка, служащего в каком-нибудь присутственном месте, если бы плоская шапочка, лишенная всяких украшений, и до блеска начищенные штиблеты не указывали на его принадлежность к торговому сословию. Он был среднего роста, хорошо сложен и, видимо, обладал крепким здоровьем, несмотря на свой преклонный возраст. Его лицо выражало проницательность и добродушие. Ясный взор, румяные щеки и седые волосы еще больше усиливали впечатление добропорядочности, о которой свидетельствовало его платье.

Свое приветствие он произнес на шотландском наречии, но таким тоном, что трудно было понять, насмеялся ли он добродушно над своим другом или это был его родной язык, ибо в его обычной речи почти не слышалось провинциального выговора.

В ответ на расспросы своего почтенного друга Рэмзи тяжело вздохнул, повторив, словно эхо, его вопрос:

– Чем я недоволен, мейстер Джордж? Да всем я недоволен! Признаться, порой мне кажется, что я живу в какой-то сказочной стране, а не в Фэррингдоне. Мои подмастерья превратились в настоящих бесенят; они появляются и исчезают, словно блуждающие огоньки, и на

них так же нельзя положиться, как на часы без маятника. Уж если где гоняют мяч, или дразнят быка, или купают в холодной воде блудницу в назидание другим, или кому-нибудь проламывают череп, то, уж конечно, Дженкин тут как тут, а за ним и Фрэнсис Танстол. Мне кажется, дорогой мой друг, что боксеры, вожаки медведей и скоморохи в заговоре против меня и что они проходят мимо моего дома в десять раз чаще, чем мимо всех других домов в городе. А тут еще появился этот итальянец, как его, Панчинелло, что ли? Да и вообще...

– Хорошо, – перебил его мейстер Джордж, – но при чем здесь все это?

– А как же, – ответил Рэмзи. – Тут такой крик подняли: «Караул! Убивают!» (Надеюсь, по крайней мере, что это жирные английские свиньи передрались между собой!) И вот, мейстер Джордж, мне пришлось прервать самые сложные вычисления, в которые когда-либо погружался смертный.

– Ну что ж, мой друг! – ответил мейстер Джордж. – Ты должен вооружиться терпением. Ведь ты торгуешь временем и можешь ускорить и замедлить его по собственному желанию. Из всех людей, живущих на земле, у тебя меньше всего причин жаловаться, если иной раз какая-то крупица его пропадает даром. А вот и твои молодцы; кажется, они несут убитого человека. Боюсь, что стряслась большая беда.

– Чем больше беда, тем веселее забава, – пробормотал старый ворчливый часовщик. – Счастье, что мои-то балбесы целы и невредимы. Зачем вы тащите сюда этот труп, бездельники? – прибавил он, обращаясь к своим ученикам, несущим бездыханное тело. За ними следовала толпа подмастерьев, на многих из которых можно было видеть явные следы недавней потасовки.

– Он еще жив, сэр, – ответил Танстол.

– Тогда несите его к аптекарю, – сказал хозяин. – Уж не думаете ли вы, что я могу вернуть жизнь человеку и завести его, как часы или хронометр?

– Ради бога, старина, – сказал его приятель, – пусть он останется здесь, около нас. Это, по-видимому, только обморок.

– Обморок? – воскликнул Рэмзи. – И с чего это он вздумал падать в обморок на улице? Но чтобы угодить моему другу, мейстеру Джорджу, я готов оказать гостеприимство всем покойникам прихода Святого Дунстана. Позовите Сэма Портера, пусть присмотрит за лавкой.

Оглушенного человека, оказавшегося тем самым шотландцем, который недавно проходил мимо лавки под градом насмешек подмастерьев, отнесли в каморку, расположенную за лавкой, и посадили в кресло, пока на помощь не подоспел живший напротив аптекарь. Этот джентльмен, как нередко случается с представителями ученых профессий, придавал больше значения книжной премудрости, нежели практическим знаниям, и сразу же повел речь о синципите²² и окципите²³, cerebrume²⁴ и cerebellume²⁵, пока не исчерпал скромный запас терпения Дэвида Рэмзи.

– Белл-ум! Белл-елл-ум! – передразнил он с негодованием. – Тут не помогут все колокола Лондона²⁶, если вы не приложите пластырь к темени этого молодца.

Мейстер Джордж проявил более горячее участие и спросил аптекаря, не следует ли пустить больному кровь; фармацевт пробормотал что-то невнятное и, не будучи в состоянии придумать ничего лучшего, заметил, что, во всяком случае, это принесет облегчение мозгу, или cerebrumu, если кровь, скопившаяся в результате кровоизлияния, давит на этот деликатный орган. К счастью, он оказался достаточно сведущим, чтобы произвести эту операцию; и с

²² Темени (лат.).

²³ Затылке (лат.).

²⁴ Головном мозге (лат.).

²⁵ Мозжечке (лат.).

²⁶ Непереводаемая игра слов: «белл» (bell) по-английски значит «колокол».

деятельной помощью Дженкина Винсента, обладавшего большим опытом в деле врачевания проломленных голов и не жалевшего холодной воды с добавлением небольшого количества уксуса, согласно научному методу, применяемому на современных рингах во время боксерских состязаний, раненый слегка приподнялся в кресле, плотнее запахнулся в плащ и обвел глазами окружающих как человек, который очнулся после обморока и старается вспомнить, что с ним произошло.

– Хорошо бы уложить его в постель в чуланчике, – сказал приятель мастера Рэмзи, видимо прекрасно знакомый с расположением комнат в доме.

– Пусть он ляжет на мою половину кровати, – сказал Дженкин, ибо подмастерья спали вдвоем на низенькой кровати, стоявшей в вышеупомянутом чуланчике. – Я могу спать под прилавком.

– Я тоже, – сказал Танстол, – и бедняга может спать на нашей постели всю ночь.

– По мнению Галена, – сказал аптекарь, – сон прекрасное укрепляющее и жаропонижающее средство, и низкая кровать – самое подходящее место для принятия этого лекарства.

– За неимением лучшего, – добавил мастер Джордж. – А твои ребята молодцы, что так охотно уступают свою постель. Ну-ка, снимите с него плащ и отнесем его на кровать. Я пошлю за доктором Ирвингом, королевским хирургом, – он живет здесь неподалеку. Пусть это будет моей лептой самаритянина^[63], дорогой сосед.

– Что ж, сэр, – сказал аптекарь, – ваша воля посылать за другим врачом; я не прочь посоветоваться с доктором Ирвингом или с каким-нибудь другим искусным медиком и готов прислать из своей аптеки необходимые лекарства. Однако что бы там ни говорил доктор Ирвинг, который, насколько мне известно, получил свой диплом в Эдинбурге, или любой другой врач, будь то шотландец или англичанин, своевременный сон – лучшее жаропонижающее, успокаивающее и укрепляющее средство.

Он пробормотал еще несколько ученых слов и закончил свою речь, уведомив приятеля Рэмзи на английском языке, несравненно более вразумительном, чем его латынь, что он будет считать его лицом, обязанным расплачиваться за лекарства, уход и помощь, которые уже предоставлены или будут предоставлены в дальнейшем незнакомому пациенту.

В ответ на эти слова мастер Джордж выразил пожелание, чтобы аптекарь прислал ему счет за уже оказанные услуги и больше ни о чем не беспокоился до тех пор, пока его не позвут. Фармацевт, составивший невысокое мнение о способности своего случайного пациента возместить все его расходы, ибо он уже успел заметить, какая одежда скрывалась под слегка распахнувшимся плащом, выказал явное нежелание расстаться с больным, как только увидел, что в нем принял участие такой именитый горожанин, и понадобилось несколько решительных и строгих слов со стороны мастера Джорджа, который, несмотря на все свое добродушие, был способен на резкость, когда того требовали обстоятельства, чтобы эскулап из Темпл-Бара отправился к себе домой.

Когда они наконец избавились от мастера Рэдренча, Дженкин и Фрэнсис, движимые состраданием, попытались освободить больного от длинного серого плаща, но встретили решительное сопротивление с его стороны.

– Скорее я расстанусь с жизнью, – невнятно пробормотал он. Сопротивление шотландца, не желавшего расставаться с этим предметом одежды, слишком нежным, чтобы выдержать такое грубое обращение, привело в конце концов к тому, что плащ лопнул по всем швам с громким треском, отчего пациент снова чуть не упал в обморок.

Он сидел перед ними в убогой, заплатанной одежде, способной вызвать своим видом одновременно жалость и смех, в одежде, которая, несомненно, была причиной его нежелания расстаться с плащом, прикрывавшим, подобно показной благотворительности, так много изъянов. Шотландец окинул взором свое бедное одеяние, и ему стало так стыдно при этом зрелище, что, пробормотав сквозь зубы несколько невнятных слов о каком-то деловом свидании,

на которое он может опоздать, он сделал попытку встать с кресла и покинуть лавку, что было, однако, без труда предотвращено Дженкином Винсентом и его товарищем, которые по знаку, данному мейстером Джорджем, схватили его за руки и усадили обратно в кресло. Пациент обвел глазами окружающих и затем сказал слабым голосом, со своим резким северным выговором:

– Ну как, джентльмены, назвать такое обращение с чужеземцем, приехавшим погостить в ваш город? Голову мне проломили, плащ разорвали, а теперь хотят свободы меня лишить! Как правы были те, – сказал он после минутного молчания, – кто советовал мне надевать самое плохое платье для прогулок по лондонским улицам, и если бы я мог достать одежду еще худшую, чем это жалкое тряпье («Что было бы весьма нелегким делом», – шепнул Джин Вин своему товарищу), она все же была бы слишком хороша для объятий людей, столь плохо знакомых с правилами учтивости!

– По правде говоря, – сказал Дженкин, не в силах больше молчать, хотя воспитание того времени предписывало юношам в его положении скромность и почтительность в присутствии родителей, мастеров и вообще всех старших, о чем наше молодое поколение не имеет ни малейшего понятия, – по правде говоря, немудрено, что платье этого почтенного джентльмена не выдержало столь грубого обращения.

– Помолчи, юноша, – сказал мейстер Джордж повелительным тоном. – Никогда не смейся над чужестранцами и бедняками. Ты еще не видел горя. Кто знает, в какие края забросит тебя судьба и какую одежду придется тебе еще носить, прежде чем ты сойдешь в могилу.

Винсент с виноватым видом опустил голову, однако чужестранец не очень-то был доволен таким заступничеством.

– Да, я чужестранец, сэр, – сказал он, – это верно; но мне кажется, что в вашем городе со мной обошлись слишком по-свойски. А что я беден, я думаю, нечего упрекать меня в этом, пока я ни у кого не прошу милостыни.

– Верный сын нашей дорогой родины, – шепнул мейстер Джордж Дэвиду Рэмзи, – бедность и гордость.

Но Дэвид, вынув записную книжку и серебряный карандаш, вновь погрузился в вычисления, бормоча при этом всевозможные математические формулы и числа, от простых единиц до миллионов, биллионов и триллионов; он не слышал замечаний своего друга и не отвечал на них, и тот, видя его рассеянность, снова обратился к шотландцу:

– Я полагаю, Джоки, если бы кто-нибудь дал тебе нобль^[64], ты швырнул бы его в лицо этому человеку?

– Если бы я не мог отплатить ему за это доброй услугой, сэр, – ответил шотландец. – Я всегда готов услужить, хоть я и родом из благородной семьи и, можно сказать, неплохо обеспечен.

– Ого! – воскликнул Джордж. – И какой же род может претендовать на честь иметь такого потомка?

– Его украшает старинный герб, как говорится в одной пьесе, – шепнул Винсент своему товарищу.

– Ну что же, Джоки, отвечай, – продолжал мейстер Джордж, заметив, что шотландец, по обычаю своих соотечественников, не торопится отвечать, услышав этот прямой, откровенный вопрос.

– Я такой же Джоки, сэр, как вы Джон, – сказал незнакомец, видимо обиженный на то, что его называли именем, которое в те времена, так же как теперь Соуни, было нарицательным для всей шотландской нации. – Меня зовут, если вам уж так хочется знать мое имя, Ричи Мониплайз, и я потомок старинного дворянского рода Касл Коллоп, хорошо известного у Западных ворот в Эдинбурге.

– А что это за Западные ворота? – продолжал допытываться мейстер Джордж.

– Если угодно вашей чести, – сказал Ричи, который к этому времени оправился от обморока и мог как следует разглядеть почтенную внешность мастера Джорджа, что придавало его манерам больше учтивости, нежели в начале их разговора, – Западные ворота – это въезд в наш город, все равно как здесь кирпичные арки Уайтхолла^[65] у въезда во дворец короля, только что Западные ворота из камня сложены да всяких украшений на них побольше.

– Что за вздор ты мелешь, любезный! Ворота Уайтхолла строил великий Гольбеин, – ответил мастер Джордж. – Боюсь, что в этой драке тебе отшибли мозги, мой дорогой друг. Пожалуй, скоро ты скажешь, что у вас в Эдинбурге протекает такая же красивая судоходная река, как Темза со всеми ее кораблями.

– Темза! – воскликнул Ричи с невыразимым презрением. – Господь с вами, ваша честь, у нас в Эдинбурге есть река Лейт и озеро Нор-Лох!

– И ручей По Берн, и Каменные Пруды, и Гусиная Лужа, врун ты этакий! – продолжал мастер Джордж на чистейшем шотландском наречии. – Вот такие бродяги, как ты, своим враньем и хвастовством позорят всю нашу страну.

– Да простит меня Бог, сэр, – промолвил Ричи, весьма удивленный неожиданным превращением мнимого южанина в прирожденного шотландца. – Я принял вашу честь за англичанина! Но мне кажется, нет ничего плохого в том, что я встал на защиту чести своей родины в чужой стране, где все поносят ее.

– И ты воображаешь, что защищаешь честь своей родины, показывая всем, что один из ее сынов – хвастливый лгун? – воскликнул мастер Джордж. – Ну, ну, не обижайся. Раз ты нашел земляка, значит, нашел и друга, если ты заслуживаешь этого и в особенности если ты будешь говорить мне только правду.

– А что мне за прибыль врать, – ответил достойный сын Северной Британии.

– Прекрасно! Тогда начнем, – сказал мастер Джордж. – Я подозреваю, что ты сын старого Манго Мониплейза, мясника у Западных ворот.

– Да вы, я вижу, настоящий колдун, ваша честь, – сказал Ричи, ухмыляясь.

– Как же ты осмелился выдавать его за дворянина?

– Не знаю, сэр, – сказал Ричи, почесывая затылок. – Я много слышал о графе Уорике из здешних мест – Гай, что ли, зовут его, – говорят, он прославился здесь тем, что убил много рыжих коров, боровов и прочей живности, а уж мой-то отец, я думаю, побольше, чем все бароны Англии, убил на своем веку коров да боровов, не говоря уж о быках, телятах, овцах, баранах, ягнятах и поросятах.

– Ну и плут же ты, – сказал мастер Джордж. – Попридержи свой язык и не дерзи. Твой отец был почтенным горожанином и старшиной гильдии, Мне очень неприятно видеть его сына в таком бедном одеянии.

– Да, неважная одежка, сэр, – сказал Ричи Мониплейз, оглядывая свое платье, – очень неважная. Но это обычный наряд сыновей бедных горожан в нашей стране – подарок тетушки Нужды. С тех пор как король покинул Шотландию^[66], в Эдинбурге не осталось ни одного покупателя. У Кросса сено косят, а на Сенном рынке богатый урожай порея. Там, где стояла лавка отца, такая густая трава выросла – на всю скотину хватило бы, что мой отец зарезал.

– К сожалению, все это верно, – сказал мастер Джордж. – В то время как мы здесь наживаем богатства, у нас на родине наши старые соседи и их семьи умирают с голоду. Не мешало бы нам почаще вспоминать об этом. А теперь, Ричи, расскажи-ка мне откровенно, как тебе проломили голову?

– Расскажу все как было, сэр, – ответил Мониплейз. – Иду это я по улице, и все-то меня задевают и смеются надо мной. Ну, думаю, вас много, а я один, мне с вами не совладать. Но попадись мне кто-нибудь из вас в Барфордском парке или у Веннела, тут бы он у меня по-другому запел. Идет мне навстречу какой-то старый черт, горшечник; купи, говорит, горшок для своей шотландской мази. Я, конечно, оттолкнул его, и этот дряхлый черт как грохнется

прямо на свои горшки, ну и побил их порядком. Здесь такая кутерьма поднялась... Если бы эти два джентльмена не вступились за меня, тут бы мне и крышка. И только они взяли меня за руки, чтобы вытащить из драки, тут меня матрос какой-то, левша, так огрел, что у меня голова затрещала.

Мейстер Джордж посмотрел на подмастерьев, как бы спрашивая у них, правда ли это.

– Все было так, как он говорит, – ответил Дженкин, – только я ничего не слышал о горшках. Говорили, что он разбил какую-то посуду и что – прошу прощения, сэр, – если встретишь шотландца, то уж непременно случится какое-нибудь несчастье.

– Ну, что бы там ни говорили, вы поступили благородно, оказав помощь более слабому. А ты, любезный, – продолжал мейстер Джордж, обращаясь к своему земляку, – завтра утром зайдешь ко мне домой, вот по этому адресу.

– Непременно приду к вашей чести, – сказал, низко кланяясь, шотландец, – если только разрешит мой достопочтенный господин.

– Твой господин? – спросил Джордж. – Разве у тебя есть еще другой господин, кроме Нужды, ливрею которой, по твоим собственным словам, ты носишь?

– По правде сказать, если угодно вашей чести, я в некотором роде слуга двух господ, – сказал Ричи, – так как мы оба, мой хозяин и я, рабы одной и той же ведьмы, от которой мы решили удрать, покинув Шотландию. Так что, как видите, сэр, я попал в черную кабалу, как говорят у нас на родине, будучи слугой слуги.

– А как зовут твоего господина? – спросил Джордж и, видя, что Ричи колеблется, добавил:

– Если это тайна, не называй его имени.

– Это тайна, которую бесполезно хранить, – сказал Ричи. – Но вы ведь знаете, что мы, северяне, слишком горды, чтобы признаваться в своей бедности. Мой хозяин сейчас временно находится в затруднительном положении, – добавил он, бросив взгляд на обоих английских подмастерьев. – У него большая сумма денег в королевском казначействе, то есть, – продолжал он шепотом, обращаясь к мейстеру Джорджу, – король должен ему уйму денег, да, видно, не так-то просто получить их. Мой господин – молодой лорд Гленварлох.

Услышав это имя, мейстер Джордж выразил удивление:

– Ты один из слуг молодого лорда Гленварлоха, и в таком виде?

– Совершенно верно, и я его единственный слуга, я хочу сказать – в настоящее время; и я был бы счастлив, если бы он был малость богаче меня, хотя бы я сам остался таким же бедняком, как сейчас.

– Я видел его отца, окруженного целой свитой из четырех пажей и десяти лакеев в шуршащих атласных ливреях с галунами, – сказал мейстер Джордж. – Да, наш мир изменчив! Но есть другой, лучший мир. Славный древний род Гленварлохов, верно служивший своему королю и родине пятьсот лет!

– Скажите лучше – тысячу, ваша честь, – сказал слуга.

– Я говорю только то, в чем я уверен, мой друг, – сказал горожанин, – и ни слова больше. Я вижу, ты уже поправился. Ты сможешь дойти до дому?

– Да еще как, сэр! – ответил Ричи. – Я только вздремнул малость. Ведь я вырос у Западных ворот, и моя башка такой удар выдержит, какой быка свалил бы.

– Где живет твой господин?

– Мы остановились, как бы это сказать, ваша честь, – ответил шотландец, – в маленьком домике, в конце улицы, что выходит к реке, у честного человека, Джона Кристи, судового поставщика, как его называют. Его отец родом из Данди. Не знаю, как эта улица называется, помню только – рядом церковь большая. Не забудьте, ваша честь, что мы живем там просто под именем мейстера Найджела Олифанта, так как в настоящее время мы скрываемся, хотя в Шотландии мы зовемся лордом Найджелом.

– Твой господин поступил весьма благоразумно, – сказал горожанин. – Я постараюсь найти ваше жилище, хотя ты дал мне не очень-то понятный адрес.

С этими словами он сунул в руку Ричи Мониплайза золотой и посоветовал ему как можно скорее возвращаться домой, не ввязываясь ни в какие драки.

– Уж теперь-то я буду осторожнее, сэр, – сказал Ричи с важным видом, – ведь я теперь богат. Счастливого оставаться вам всем, и от души благодарю этих двух молодых джентльменов...

– Я не джентльмен, – сказал Дженкин, проворным движением надевая шапочку. – Я простой лондонский подмастерье и надеюсь когда-нибудь стать вольным горожанином. Пусть Фрэнк называет себя джентльменом, если хочет.

– Я был когда-то джентльменом, – сказал Танстол, – и, надеюсь, я не сделал ничего, чтобы потерять это звание.

– Ладно, ладно! Как вам угодно, – сказал Ричи Мониплайз, – но я очень признателен вам обоим и никогда не забуду вашей помощи, хоть сейчас мне не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность. Доброй ночи, дорогой земляк.

С этими словами он протянул ювелиру свою длинную костлявую руку с узловатыми мускулами, торчавшую из рукава поношенного камзола. Мейстер Джордж сердечно пожал ее, а Дженкин и Фрэнк обменялись плутовскими взглядами.

Ричи Мониплайз собирался было выразить благодарность также и хозяину лавки, но, увидев, как он потом рассказывал, что тот «все что-то пишет в своей книжце, словно полоумный», ограничился тем, что на прощание слегка коснулся рукой своей шотландской шапочки, и вышел на улицу.

– Вот вам шотландец Джоки со всеми его пороками и добродетелями, – сказал мейстер Джордж, обращаясь к мейстеру Дэвиду, который, хотя и неохотно, прервал свои вычисления и, держа карандаш на расстоянии дюйма от записной книжки, уставился на своего друга большими тусклыми глазами, не выразившими никакой мысли и никакого интереса к тому, что он услышал.

– Этот малый, – продолжал мейстер Джордж, не обращая внимания на рассеянность своего приятеля, – яркий пример того, как наша шотландская бедность и гордость превращают нас в лгунов и хвастунов; и все же уверяю тебя, что этот плут, который хвастливо врет на каждом третьем слове в разговоре с англичанином, всегда будет верным и заботливым другом и слугой своего господина; и, быть может, он отдал ему свой плащ, чтобы защитить его от холодного ветра, хотя сам вынужден ходить *in сиегро*²⁷, как говорят испанцы. Поразительно! Чтобы смелость и верность – ибо я ручаюсь, что на этого малого можно положиться – не могли найти себе лучшего товарища, чем чванливое бахвальство! Но ты не слушаешь меня, друг Дэви.

– Я слушаю, слушаю очень внимательно, – сказал Дэви. – Ибо так как солнце совершает свое вращение вокруг циферблата за двадцать четыре часа, для луны нужно прибавить пятьдесят с половиной минут...

– Ты витаешь в небесах, приятель, – сказал его друг.

– Прошу прощения, – ответил Дэви. – Предположим, что колесо А совершает оборот за двадцать четыре часа, так, а колесо Б – за двадцать четыре часа пятьдесят с половиной минут; пятьдесят семь относится к двадцати четырем, как пятьдесят девять к двадцати четырем часам пятидесяти с половиной минутам или около того... Прошу извинить меня, мейстер Джордж, и от всей души желаю тебе доброй ночи.

– Доброй ночи?! – воскликнул мейстер Джордж. – Но ты ведь не пожелал мне еще доброго дня. Знаешь что, старина, отложи-ка ты эти записки, не то ты сломаешь внутренний механизм своего черепа, как нашему другу повредили его наружный футляр. Доброй ночи, нечего

²⁷ Без верхней одежды (исп.).

сказать! Я не собираюсь так скоро покинуть тебя. Я пришел, чтобы позавтракать с тобой, друг мой, и послушать игру на лютне моей крестницы, миссис Маргет.

– Клянусь честью! Я так рассеян, мейстер Джордж; но ты знаешь меня. Стоит мне только очутиться среди колес, – сказал мейстер Рэмзи, – как...

– К счастью, ты имеешь дело лишь с маленькими колесиками, – заметил его друг, когда, очнувшись от своих мыслей и вычислений, Рэмзи поднимался вместе с ним по маленькой лестнице во второй этаж, где жили его дочь и немногочисленные домочадцы.

Подмастерья снова вернулись в лавку и сменили Сэма Портера. Дженкин сказал, обращаясь к Танстолу:

– Ты видел, Фрэнк, как ласково обошелся старый ювелир со своим нищим земляком? Человек с его богатством никогда бы не обменялся таким вежливым рукопожатием с бедным англичанином. Надо отдать справедливость шотландцам – они из кожи будут лезть, чтобы помочь земляку, но даже ногтя не замочат, чтобы спасти утопающего южанина, как они нас называют. Но все же мейстер Джордж и в этом отношении лишь наполовину шотландец, ибо я знаю, что он сделал много добра также и англичанам.

– Знаешь, Дженкин, – сказал Танстол, – по-моему, ты и сам лишь наполовину англичанин. Почему ты вдруг стал на сторону шотландца?

– Но ведь ты сам поступил так же, – возразил Винсент.

– Да, потому что я видел, как ты начал; и кроме того, не в обычае камберлендцев нападать на одного толпой в пятьдесят человек, – ответил Танстол.

– Это также не в обычае приюта Христа Спасителя, – сказал Дженкин. – В Старой Англии всегда играют честно! К тому же, должен сказать тебе по секрету, в его голосе, вернее в его речи, звучали нотки, напоминавшие мне нежный голосок, звуки которого слаще для меня, чем последний удар колокола церкви Святого Дунстана, который я услышу в тот день, когда окончится срок моего учения. Ну как, ты догадался, кого я имею в виду, Фрэнк?

– Нет! Честное слово, – сказал Танстол. – Вероятно, шотландку Дженет, прачку?

– К черту Дженет вместе с ее бельевой корзиной! Нет, нет, нет! Слепая сова, неужели ты не догадываешься, что я имею в виду прелестную мисс Маргарет?

– Ого! – сухо промолвил Танстол.

Живые черные глаза Дженкина вспыхнули гневом, и он бросил на своего товарища подозрительный взгляд.

– Ого?!.. Что значит, собственно, это ого? Я думаю, что буду не первым подмастерьем, женившимся на дочери своего хозяина!

– Я полагаю, что они держали свои намерения в секрете, – сказал Танстол, – во всяком случае, до окончания срока учения.

– Вот что я тебе скажу, Фрэнк, – резко ответил Дженкин. – Может быть, так принято у вас, у благородных. Ведь вас с колыбели учат скрывать два разных лица под одним капюшоном, но я никогда не научусь этому.

– Ну что ж, на то есть лестница, – холодно заметил Танстол, – поднимись наверх и смело проси руки миссис Маргет у нашего хозяина и посмотри, какое лицо ты увидишь под его капюшоном.

– И не подумаю, – ответил Дженкин. – Я не такой дурак. Но я выжду свое время, и уже тогда никакая камберлендская пряжа не сломает моего гребня, в этом ты можешь быть уверен.

Фрэнсис ничего не ответил, и, вернувшись к своим обязанностям, они вновь принялись звать покупателей.

Глава III

Бобадил. Прошу вас, не говорите никому из ваших знакомых кавалеров, где я живу.

Мейстер Мэттью. Кто, я, сэр? Храни бог, сэр!
Бен Джонсон^[67]

На следующее утро Найджел Олифант, молодой лорд Гленварлох, печальный и одинокий, сидел в своей маленькой комнатке в доме судового поставщика Джона Кристи, который этот честный торговец, быть может из благодарности к профессии, служившей главным источником его доходов, построил так, чтобы он как можно больше напоминал корабельную рубку.

Дом этот был расположен близ пристани, у собора Святого Павла, в конце одного из тех узких извилистых переулков, которые до большого пожара, уничтожившего в 1666 году эту часть города, представляли собой невообразимый лабиринт маленьких, темных, сырых и нездоровых улиц и тупиков, где в те времена так же часто гнездилась зараза, как в наши дни в темных трущобах Константинополя. Но дом Джона Кристи стоял у самой реки, благодаря чему его обитатели могли наслаждаться свежим воздухом, насыщенным благоуханием товаров, которыми торговал судовый поставщик, ароматом смолы и природным запахом ила и тины, остающихся на берегу после прилива.

В общем, хотя жилище молодого лорда не всплывало во время прилива и не садилось на мель во время отлива, он чувствовал себя в нем почти так же уютно, как на борту небольшого купеческого брига, на котором он прибыл в Лондон из далекого города Кирккалди в Файфе. Его почтенный хозяин, Джон Кристи, относился к нему, однако, с должным уважением, ибо Ричард Мониплайз не считал нужным полностью сохранять инкогнито своего господина и честный судовый поставщик догадывался, что его гость занимал более высокое положение, чем можно было подумать, судя по его внешности. Что касается миссис Нелли – его черноглазой жены, веселой полной хохотушки, туго затянутой в корсет, в зеленом переднике, в красной, обшитой легким серебряным позументом юбке, намеренно укороченной, с тем чтобы можно было видеть маленькую, изящную ножку в начищенной до блеска туфельке, – то она, несомненно, интересовалась молодым человеком, очень красивым, жизнерадостным, всегда довольным своим жилищем, принадлежавшим, по-видимому, к значительно более высокому классу и обладавшим несравненно более тонкими манерами, чем шкиперы (или капитаны, как они сами себя называли) торговых кораблей, ее обычные постояльцы, после отъезда которых она неизменно обнаруживала, что чисто вымытый пол был в пятнах от табака (начинавшего в то время входить в употребление, несмотря на запрещение короля Иакова), а лучшие занавески пропахли джином и другими крепкими напитками – к величайшему негодованию миссис Нелли, ибо, как она справедливо замечала, запах лавки и склада достаточно неприятен и без этих добавлений.

Но мейстер Олифант всегда был спокоен и аккуратен, а в его обращении, хотя и непри-
нужденном и простом, настолько чувствовался придворный и джентльмен, что оно составляло резкий контраст с громкими криками, грубыми шутками и бурным нетерпением ее постояльцев-моряков. Миссис Нелли видела также, что ее жилец был печален, несмотря на его старания казаться довольным и веселым. Словом, она, сама того не замечая, проявляла по отношению к нему такой интерес, что менее щепетильный кавалер мог бы поддаваться искушению и злоупотребить ее вниманием в ущерб честному Джону, который был, по крайней мере, лет на двадцать старше своей подруги. Однако Олифант не только был занят совершенно другими мыслями, но даже если бы он когда-нибудь подумал о такой возможности, подобная любовная интрига показалась бы ему чудовищной неблагодарностью и нарушением законов гостеприим-

ства, ибо он унаследовал от своего покойного отца религию, основанную на незыблемых принципах веры его народа, а в вопросах морали руководствовался правилами безукоризненной честности. Ему не чужды были слабости, свойственные его народу, – чрезмерная гордость за свой род и стремление оценивать достоинства и влияние других людей в зависимости от числа и славы их умерших предков, но его здравый смысл и любезные манеры значительно смягчали, а порой даже помогали совершенно скрыть эту фамильную гордость.

Таков был Найджел Олифант, или, вернее, молодой лорд Гленварлох, в тот момент, к которому относится повествование. Он с глубоким беспокойством размышлял о судьбе своего верного и единственного слуги Ричарда Мониплайза, которого он накануне рано утром послал в Вестминстерский дворец^[68] и который все еще не вернулся.

Читатель уже знаком с его ночными приключениями, и ему известно о Ричи больше, нежели его хозяину, который ничего не слышал о своем слуге вот уже целые сутки. Тем временем миссис Нелли Кристи поглядывала на своего постояльца с некоторой тревогой и с сильным желанием утешить его, если возможно. Она поставила перед ним сочный кусок солонины с неизменным гарниром из репы и моркови, похвалила горчицу, присланную ее двоюродным братом из Тьюксбери, собственноручно поджарила ему хлеб и нацедила кувшин крепкого пенящегося эля, – все это составляло необходимую принадлежность сытного завтрака в те времена.

Когда она увидела, что тревога ее постояльца мешает ему отдать должное этому великолепию угощению, она принялась утешать его с многословием, свойственным женщинам ее круга, которые, будучи преисполнены благих намерений и надеясь на свою красоту и здоровые легкие, не боятся устать сами или утомить своих слушателей.

– Неужели мы отпустим вас обратно в Шотландию таким же худеньким, каким вы к нам приехали? Куда же это годится! Вот отец моего мужа, старый Сэнди Кристи, говорят, худой был, как скелет, когда приехал с севера, а когда умер – на святого Варнаву десять лет будет, – восемь пудов весил. В ту пору я была простоволосой девчонкой и жила по соседству; тогда у меня и в мыслях не было за Джона выходить: ведь он на двадцать лет старше меня; но дела у него идут на славу и муж он хороший; а его отец, как я уж сказала, когда умер, толстый был, как церковный староста. Вы уж не обижайтесь на меня, сэр, за мою шутку. Надеюсь, эль по вкусу вашей чести?.. А говядина? А горчица?

– Все превосходно... Все бесподобно... – ответил Олифант. – У вас так чисто и уютно, миссис Нелли; не знаю, как я буду жить, когда вернусь на родину... если я вообще когда-нибудь вернусь туда.

Последние слова он произнес с глубоким вздохом, как бы непроизвольно.

– Я уверена, что ваша честь вернется, если захотите, – сказала хозяйка, – если вы только не надумаете взять себе в жены какую-нибудь красивую английскую леди с богатым приданым, как сделали многие из ваших земляков. Ведь немало богатых невест из нашего города вышло замуж за шотландцев. Вот хотя бы леди Трэблпламб, вдова сэра Томаса Трэблпламба, богатого купца, что с Турцией торговал, вышла замуж за сэра Оли Мэколи. Ваша честь, наверно, знает его. А красотка Даблфи, дочь старого адвоката Даблфи, выпрыгнула из окна и на майскую ярмарку обвенчалась с каким-то шотландцем с трудным именем. А дочери старого Питчпоста, лесопромышленника, едва ли поступили умнее – обе вышли замуж за ирландцев. А когда люди смеются надо мной, что я держу постояльца-шотландца – это они про вашу честь, – я говорю им, что они боятся за своих дочерей и жен. А уж кому как не мне заступаться за шотландцев: ведь Джон Кристи наполовину шотландец, и дела у него идут на славу, и муж он хороший, хоть на двадцать лет старше меня. Забудьте вы, ваша честь, все заботы да покушайте как следует и элем запейте.

– Право, не могу, любезная хозяйка, – сказал Олифант. – Я беспокоюсь о своем слуге, который так долго не возвращается из вашего опасного города.

Между прочим, следует заметить, что излюбленный способ утешения, применяемый миссис Нелли, заключался в попытках опровергнуть существование какой бы то ни было причины для горя, и говорят, однажды она так увлеклась, что, утешая соседку, потерявшую мужа, уверяла ее, что завтра дорогой покойник будет чувствовать себя лучше, что вряд ли можно было бы назвать подходящей манерой облегчать страдания, даже если бы это было возможно. В данном случае она упорно отрицала, что Ричи отсутствовал больше двадцати часов; а относительно того, что на улицах Лондона убивают людей, то, правда, на прошлой неделе во рву Тауэра нашли двух человек, но это произошло далеко, в восточной части города; а с другим беднягой, которому в поле перерезали горло, это несчастье случилось недалеко от Излингтона; а тот, которого один юноша из Темпла заколол во время пьяной пирушки у церкви Святого Климента на Стренде, был ирландец. Все эти объяснения она приводила для того, чтобы показать, что ни одно из этих убийств не произошло при точно таких же обстоятельствах, при которых Ричи, шотландец, должен был возвращаться из Вестминстера.

– Меня утешает лишь то, дорогая хозяйшка, – ответил Олифант, – что этот малый не забияка и не скандалист и никогда первый не полезет в драку, и у него нет с собой ничего представляющего ценность для кого-либо, кроме меня.

– Что правда, то правда, ваша честь, – сказала неугомонная хозяйка, умышленно медленно убирая со стола посуду, чтобы иметь возможность продолжить свою болтовню. – Я тоже думаю, что мейстер Мониплейз не кутила и не скандалист. Ведь если бы он был охотником до таких дел, то мог бы вместе с другими молодыми людьми посещать кабаки и здесь, у нас по соседству, но он и не помышляет об этом. А когда я как-то раз пригласила его к своей приятельнице миссис Дринкуотер на рюмочку анисовой с сыром – у миссис Дринкуотер родилась двойня, как я уже рассказывала вашей чести, сэр, – и я его так любезно приглашала, молодого-то человека, а он предпочел дома остаться вместе с Джоном Кристи, а у них разница в годах лет двадцать, ведь слуга-то вашей чести уж не старше меня выглядит. Интересно, о чем это они только беседовали друг с другом. Я спросила Джона Кристи, а он говорит мне: «Ложись спать».

– Если он скоро не вернется, – сказал Найджел, – я попрошу вас указать мне, в какой магистрат мне следует обратиться, ибо я беспокоюсь не только за жизнь этого бедного малого – я дал ему очень важные бумаги.

– О! Могу заверить вашу честь, что он вернется через четверть часа, – промолвила миссис Нелли. – Он не из таких, чтобы пропадать из дому целые сутки. А что до бумаг – я уверена, ваша честь простит его за то, что он дал мне подсмотреть уголком глаза, когда я подносила ему рюмочку, не больше моего наперстка, для укрепления желудка и от сырости; так они были адресованы его величеству королю, а король, без сомнения, из учтивости оставил Ричи у себя, чтобы рассмотреть письмо вашей чести и послать обратно надлежащий ответ.

Здесь миссис Нелли случайно коснулась предмета, скорее способного принести утешение, чем все ее прежние доводы, ибо сам юный лорд лелеял смутные надежды на то, что его посланца могли задержать во дворце до тех пор, пока не будет составлен надлежащий и благоприятный ответ. Но хотя он, несомненно, был совершенно неопытен в подобных делах, после минутного раздумья он убедился в тщетности своих упований, столь не соответствовавших всему тому, что он слышал о придворном этикете, а также о медлительности при рассмотрении прошений на имя короля, и, тяжело вздохнув, ответил добродушной хозяйке, что он сомневается, взглянет ли король на адресованное ему послание, не говоря уже о том, чтобы немедленно рассмотреть его.

– Стыдитесь, малодушный джентльмен! – воскликнула добрая хозяйка. – Почему бы ему не заботиться о нас так же, как заботилась наша милостивая королева Елизавета? Что бы там ни говорили о королях и королевах, я думаю, что нам, англичанам, больше подходит король; а этот добрый джентльмен часто совершает прогулки вниз по реке до Гринвича, и нанимает много

лодочников и гребцов, и оказывает всяческие милости Джону Тейлору, нашему речному поэту, одинаково искусно владеющему пером и веслом; он выстроил красивый дворец в Уайтхолле, у самой реки. А раз король такой большой друг Темзы, я не могу понять, с вашего разрешения, почему бы ему не удовлетворять прошений всех его подданных и особенно вашей чести.

– Вы правы, миссис, вы совершенно правы – будем надеяться на лучшее; но мне все же придется надеть плащ, взять шпагу и просить вашего супруга не отказать мне в любезности объяснить дорогу к ближайшему магистрату.

– Разумеется, сэр, – ответила расторопная хозяйка, – я сделаю это не хуже его: из него ведь слова не вытянешь; но надо отдать ему справедливость – он любящий муж, на всей улице такого не сыщешь. Так вот, в Гилдхолле, что возле собора Святого Павла, всегда сидит олдермен; вы уж мне поверьте, он все дела в городе разбирает; а вообще, тут только терпение может помочь. Готова прозакладывать сорок фунтов, что наш молодой человек скоро вернется цел и невредим.

Олифант, объятый тревогой, не смея поверить тому, в чем его так упорно старалась убедить добрая хозяйка, накинул на плечи плащ и собирался уже прицепить к поясу шпагу, как вдруг сначала голос Ричи Мониплайза на лестнице, а затем появление этого верного посланца в комнате положили конец всяким сомнениям. Миссис Нелли, поздравив Мониплайза с возвращением и сделав несколько лестных замечаний по поводу своей собственной проницательности, предсказавшей это событие, наконец соблаговолила оставить комнату. Сказать по правде, не только врожденное чувство приличия, боровшееся в ней с любопытством, заставило ее уйти; она понимала также, что Ричи не станет ничего рассказывать в ее присутствии, и вышла, надеясь с помощью собственной хитрости выведать тайну у одного из молодых людей, когда она останется с кем-нибудь из них наедине.

– Во имя неба, что случилось? – воскликнул Найджел Олифант. – Где ты пропадал? Ты бледен как смерть. У тебя рука в крови и плащ разорван. Уж не человека ли ты убил? Ты напился, Ричард, и подрался с кем-нибудь?

– Драться-то я дрался, – сказал Ричи, – самую малость; а чтобы напиться – так это дело нелегкое в этом городе: без денег выпить не дадут; а насчет того, чтобы человека убить, – я-то никого не убил, а мне вот, дьяволы, голову проломили. А голова-то ведь у меня не железная, да и плащ не из кольчуги; ну, дубинкой, значит, меня по башке треснули, а ножом плащ полоснули. Какие-то негодяи поносили мою родину, но я сбил с них спесь. Тут вся ватага на меня навалилась, ну и стукнули меня по темени так, что в глазах потемнело. Уж не помню, как принесли меня в маленькую лавку у Темпл-Порта, где продают всякие вертушки да волчки, что отмеряют время, как у нас в лавках отмеряют аршинами шотландку; тут мне кровь пустили – хочешь не хочешь, терпи, – и все так обходительны были, в особенности один старик, наш земляк, я о нем еще после расскажу.

– В котором часу все это произошло? – спросил Найджел.

– Два чугунных человечка у церкви возле Темпла только что шесть часов пробили.

– А почему ты не вернулся домой сразу, как только почувствовал себя лучше? – спросил Найджел.

– Сказать по правде, милорд, на каждое «почему» есть свое «потому», а у меня оно было больно важное, – ответил слуга. – Чтоб вернуться домой, надо знать, где твой дом. А я совсем забыл название нашей улицы, и чем больше я спрашивал, тем больше народ смеялся надо мной и тем дальше от дома меня посылали; тут я бросил поиски и решил ждать, пока Господь Бог не пошлет мне в помощь рассвет; иду это я иду, дошел до церкви какой-то, дай, думаю, хоть на кладбище переночую, да и махнул через ограду.

– На кладбище? – удивился Найджел. – Впрочем, мне незачем спрашивать, что довело тебя до такой крайности.

– Не то чтобы у меня денег не было, милорд, – ответил Ричи с таинственной важностью, – у меня ведь были кое-какие деньжата; а дело-то вот в чем: очень-то, думаю, мне надо платить шесть пенсов какому-нибудь спесивому трактирщику, в такую ясную, сухую весеннюю ночь я и под открытым небом прекрасно выплусь. Когда мне случалось поздно возвращаться домой и Западные ворота были уже закрыты, а сторож ни за что не хотел отпирать их, я частенько располагался на ночлег в телятнике пономаря церкви Святого Катберта. Но на кладбище церкви Святого Катберта растет мягкая зеленая травка, на ней словно на пуховой перине спишь, пока тебя не разбудит жаворонок, что высоко в небе над замком заливается. А эти лондонские кладбища сплошь вымощены твердым камнем, и мой потертый плащ – слишком тонкий матрац; ну вот мне и пришлось пораньше подняться с постели, пока я совсем в калеку не превратился. Покойникам-то небось там крепко спится, а вот нашему брату – черта с два!

– Ну а что потом с тобой было? – спросил его господин.

– Забрался я, значит, в укромный уголок под навесом у сарая какого-то и так крепко заснул, словно в замке ночевал. Вот только ночные гуляки меня малость потревожили, девки какие-то с кавалерами своими, но как увидели, что от меня им ничего не перепадет, кроме удара моим Андреа Феррара, обозвали меня нищим шотландцем и пожелали мне доброй ночи, а я и рад был, что так дешево отделался от них. Ну а утром я потихоньку домой поплелся. Нелегко мне было найти дорогу – ведь я в восточную часть города забрел; площадь там есть, Конец Мили называется; только сдается мне, что там этих миль не меньше шести будет.

– Ну что ж, Ричи, – сказал Найджел, – я рад, что все кончилось благополучно. А теперь пойди и поешь чего-нибудь. Ты ведь, наверно, проголодался?

– Сказать по правде, да, сэр, – ответил Мониплайз, – но, с разрешения вашей светлости...

– Забудь на время о моей светлости, Ричи. Сколько раз я тебе говорил!

– Истинный Господь, – ответил Ричи, – я мог бы забыть, что ваша честь – лорд, но тогда мне пришлось бы забыть, что я слуга лорда, а это не так-то легко. Но все же, – при этих словах он вытянул вперед три пальца правой руки подобно птичьим когтям, прижав к ладони мизинец и безымянный палец, – во дворец я попал, и мой приятель, обещавший мне устроить все-милостивейшую аудиенцию у его величества, сдержал свое слово и провел меня по черному ходу во дворец; и там меня угостили таким завтраком, какого я не пробовал с тех пор, как мы сюда приехали, – я на весь день наелся. Ведь каждое блюдо, съеденное мною в этом проклятом городе, было приправлено беспокойной мыслью о том, что за него придется платить. Правда, угощали-то меня всего-навсего жирным бульоном с костями; но ваша честь знает, что королевская мякина вкуснее крестьянского хлеба, а главное дело – даром все... Но я вижу, – прибавил он, внезапно обрывая свою речь, – что уже надоел вашей чести.

– Ничуть, Ричи, – промолвил молодой лорд, и в его голосе звучала покорность судьбе, ибо он прекрасно знал, что никакие шпоры не заставят его слугу перейти с медленного шага на резвый галоп, – ты достаточно натерпелся, выполняя мое поручение, и заслужил право рассказывать эту историю так, как тебе вздумается. Я хотел бы только, чтобы ты назвал еще имя твоего друга, который провел тебя к королю. Ты был очень скрытен на этот счет, когда взялся с его помощью передать прошение в собственные руки его величества; у меня есть все основания предполагать, что мои предыдущие прошения застревали у его секретарей.

– Совершенно верно, милорд, – сказал Ричи, – сначала я не хотел называть вам его имени и звания: я думал, что вы будете оскорблены, если узнаете, что за человек занимается вашими делами. Но многие достигают высокого положения при дворе с помощью людей еще более ничтожных. Так вот, это был Лори Линклейтер, один из кухонных мужиков, бывший подмастерье моего отца.

– Кухонный мужик! – воскликнул лорд Найджел с досадой, шагая взад и вперед по комнате.

– Но подумайте о том, сэр, – спокойно возразил Ричи, – что все ваши знатные друзья покинули вас и не решились открыто проявлять свою дружбу или поддерживать ваше ходатайство; и хоть я от всего сердца желаю, чтобы Лори получил более высокую должность ради вашей светлости и ради меня, и особенно ради него самого – больно уж он славный малый, – вашей светлости не следовало бы забывать, что кухонный мужик, если можно назвать мужиком того, кто работает на кухне его величества короля, нисколько не ниже главного повара в любом другом месте. Ведь, как я уже сказал, королевская мякина вкуснее...

– Ты прав, а я заблуждался, – сказал молодой лорд. – У меня нет выбора в средствах, чтобы заявить о своих правах. Я не мог сделать это честным путем.

– Лори самый честный малый, который когда-либо орудовал поварешкой, – сказал Ричи. – Не то чтобы он был очень искусный повар, как другие, или рассуждал умно... Ну, словом – я вижу, что уже надоел вашей чести, – привел он меня во дворец, там суматоха, король на охоту собирается, то ли с гончими, то ли с соколами, на Черную пустошь – так, кажется, это место называется. На дворе конь стоит в полной сбруе, красавец, серой масти, не налюбуеться; седло на нем, стремяна, удила, уздечка – все из чистого золота или уж по крайней мере из позолоченного серебра. И вот, сэр, по лестнице король спускается со всей своей свитой, в зеленом охотничьем костюме, с двойными галунами, весь золотом расшит. Я его сразу по лицу узнал, хоть давно его не видел. Ну, думаю, а времена-то изменились с тех пор, как ты с перепугу летел вниз по черной лестнице старого Холирудского дворца, штаны даже не успел надеть, так в руках и держал, а за тобой по пятам, словно бешеный, Фрэнк Стюарт, граф Босуэл; и не накинь старый лорд Гленварлох свой плащ на его шпагу – не одну кровавую рану получил он при этом ради твоего спасения – не петь бы тебе сейчас петухом. Вспомнил я все это и думаю: не может быть, чтобы прошение вашей светлости не приняли благосклонно; и бросился сквозь толпу лордов. Лори подумал, что я рехнулся, и схватил меня за полу плаща так, что он по всем швам затрещал. Бросился я, значит, к королю, как раз когда он на коня садился, и сунул прошение прямо ему в руку, а он развернул его с удивлением и не успел прочесть первую строчку, как я хотел отвесить ему низкий поклон; и надо же было мне задеть шляпой морду его клячи, – она как испугается да как шарахнется в сторону! А король, он ведь сидит в седле что мешок с мякиной, чуть с лошади не слетел – не миновать бы тогда моей шее веревки, – швырнул бумагу под ноги коня и крикнул: «Уберите этого мужлана!» Тут меня схватили. «Измена!» – кричат, а я про Рутвенгов вспомнил, которых из-за такого же пустяка в собственном доме закололи^[69]. Но меня только висеть хотели, потащили в домик привратника, чтобы испробовать плети на моей спине; я вопил что было мочи и просил пощады; а король выпрямился в седле, отдышался да как крикнет им: «Не трогайте его, это один из наших шотландских жеребцов, я его по ржанию узнал!»; все как захохочут да заорут, а король и говорит: «Дайте ему указ, и пусть отправляется подобру-поздорову обратно на север с первым же угольщиком». Тут меня отпустили, и все со двора выехали – смеются все, хихикают и чего-то на ухо друг другу шепчут. Ну и досталось же мне от Лори Линклейтера! «Ты, говорит, меня погубишь». А как я сказал ему, что вы меня послали, он мне и говорит: «Мне, говорит, и нагоняй не страшно было бы получить из-за его светлости»; он ведь еще доброго старого лорда помнит, вашего батюшку. А потом он показал мне, как мне следовало бы вести себя – мне бы руку ко лбу поднять, как будто великолепие короля и роскошная сбруя его коня ослепили меня, и еще множество всяких обезьяньих ужимок мне нужно было бы сделать, все равно как если бы я медведя потрохами угощал²⁸. «Ибо, –

²⁸ Я уверен, что этот благоразумный совет не был придуман самим мейстером Линклейтером, но в настоящее время я не могу доказать это. Я думаю, дело заключалось в том, что Иаков швырнул на землю ходатайство, поданное ему одним из просителей, не расточавшим похвалы его коню и не выражавшим восхищения блестящей сбруей, со следующими словами: «Неужели король должен утруждать себя рассмотрением прошения какого-то нищего, тогда как этот нищий не замечает величия короля?» По-моему, не кто другой, как сэр Джон Хэррингтон*, рекомендует в качестве надежного способа снискать милость монарха восхваление достоинств королевского скакуна. (Примеч. авт.)

сказал он, – по натуре своей король добрый и справедливый человек, Ричи, но у него есть свои причуды, и нужно знать, как им потрафить; и потом еще, Ричи, – тут он совсем тихо стал говорить, – я никому не сказал бы этого, но такому рассудительному человеку, как ты, я могу поведать, что короля окружают люди, которые могли бы совратить с пути истинного даже ангела небесного, и я готов дать тебе совет, как угодить ему, но теперь это все равно что горчица после жаркого». – «Ладно, Лори, ладно, – говорю я, – может быть, ты и прав, но так как я избежал плетей и домика привратника, пусть кто хочет подает прошения, и черт побери Ричи Мониплайза, если он когда-нибудь еще раз придет сюда с таким делом». И я ушел, и не успел я отойти далеко от Темпл-Порта, или Темпл-Бара, или как там он называется, как со мной приключилась беда, о которой я уже рассказывал вам.

– Ну что ж, мой славный Ричи, – сказал Найджел, – ты предпринял эту попытку с добрыми намерениями, и я думаю, ты не так уж плохо выполнил мое поручение, чтобы заслужить такую награду; а сейчас пойди и поешь жаркого, об остальном мы поговорим после.

– А больше не о чем и говорить-то, сэр, – сказал слуга, – разве что о том, как я встретил одного честного, обходительного, почтенного джентльмена, или, вернее, горожанина, как мне кажется, который был в лавке этого чудака; и когда он узнал, кто я – что вы думаете, он и сам оказался добрым шотландцем, да еще родом из нашего славного города, – он дал мне вот эту португальскую монету на выпивку, а я так думаю, нам лучше знать, пропить ее или проесть; и еще он сказал, что хочет нанести вашей светлости визит.

– Надеюсь, ты не сказал ему, где я живу, бездельник?! – сердито воскликнул лорд Найджел. – Проклятие! Теперь каждый неотесанный мужлан из Эдинбурга будет навещать меня, чтобы поглазеть на мое несчастье и заплатить шиллинг за удовольствие лицезреть кукольную комедию под названием «Нищий лорд».

– Чтоб я сказал ему, где вы живете?.. – возмутился Ричи, уклоняясь от ответа. – Да как же я мог сказать ему то, чего я сам не знал? Если бы я помнил название улицы, мне не пришлось бы вчера ночевать на кладбище.

– Смотри же не говори никому, где мы живем, – сказал молодой лорд. – С людьми, с которыми у меня есть дела, я могу встречаться в соборе Святого Павла или в королевской канцелярии.

«Это все равно что вешать замок на дверь конюшни после того, как украли лошадь, – подумал про себя Ричи, – но я должен рассеять его подозрения».

С такими мыслями он спросил молодого лорда, что написано в указе, который тот все еще держал в руке.

– Ведь у меня не было времени, чтобы прочесть его, – сказал он, – и ваша светлость прекрасно знает, что я видел только большой герб в самом верху – льва, схватившего лапой наш старый шотландский щит; но он держался так же прочно, когда на каждой его стороне было по единорогу^[70].

Лорд Найджел стал читать указ и густо покраснел от стыда и негодования, ибо для его оскорбленных чувств содержание этого документа было подобно крепкому спирту, которым обожгли свежую рану.

– Какой дьявол там в этой бумаге, милорд? – спросил Ричи, не в силах подавить любопытство при виде того, как его господин изменился в лице. – Я бы не стал спрашивать, да ведь указ не тайное дело, для всех людей написан.

– Ты прав, указ написан для всех, – ответил лорд Найджел, – и он возвещает позор нашей родины и неблагодарность нашего государя.

– Сохрани нас Господь! Да еще обнародовать его в Лондоне! – воскликнул Мониплайз.

– Слушай, Ричард, – сказал Найджел Олифант, – в этой бумаге лорды Совета объявляют, что, «принимая во внимание частые посещения английского двора праздными лицами низкого звания, покидающими королевство его величества Шотландию, осаждающими таковой своими

тяжбами и прошениями, оскорбляющими королевскую особу убогим, бедным и нищенским видом и тем самым роняющими достоинство своей страны в глазах англичан, запрещается шкиперам и капитанам кораблей и прочим лицам во всех частях Шотландии доставлять эти жалкие существа в королевскую резиденцию под страхом денежного штрафа или заключения в тюрьму».

– Удивляюсь, как шкипер взял нас на борт своего корабля, – сказал Ричи.

– Зато тебе вряд ли придется ломать голову над тем, как вернуться домой, – сказал лорд Найджел, – ибо здесь есть особый пункт, в котором говорится, что таких праздных просителей следует отправлять обратно в Шотландию за счет его величества и наказывать за дерзость плетью и палками или сажать в тюрьму в соответствии с их проступками, то есть, надо полагать, в соответствии с их бедностью, ибо здесь не говорится ни о каких других проступках.

– Не больно-то это вяжется с нашей старой поговоркой, – заметил Ричи, – «взгляд королевских глаз – что о милости указ». А что там дальше говорится, в этой бумаге, милорд?

– О, лишь коротенькая статья, особенно касающаяся нас и содержащая еще более тяжкие обвинения против тех просителей, которые осмелятся предстать перед королем с целью добиться от него уплаты старых долгов, так как, говорится в этой бумаге, из всех видов назойливости этот вид наиболее ненавистен его величеству.

– Ну, в этом деле у него найдутся соседи, – сказал Ричи, – только не всякий может так же легко отогнать подобную скотинку, как король.

Здесь их беседа была прервана стуком в дверь. Олифант выглянул в окно и увидел незнакомого пожилого человека почтенной наружности. Ричи тоже украдкой бросил взгляд на улицу и узнал, – но, узнав, предпочел не признавать – своего вчерашнего знакомого. Боясь, как бы его причастность к этому визиту не была обнаружена, он улизнул из комнаты, предоставив хозяйке встретить мейстера Джорджа и проводить его в комнату лорда Найджела, что она и выполнила с величайшей учтивостью.

Глава IV

*«Сапог не нов, а видно – шит умело», –
Гласит присловье; так и горожанин –
Хоть с виду неказист, да мозговит!
И варит котелок под плоской шапкой
Получше, чем под шляпою с пером
Или под колпаком ночным у лорда!*

«Найди разгадку»

Молодой шотландский дворянин принял горожанина с холодной вежливостью, выказав при этом ту сдержанность, посредством которой аристократы любят иногда дать почувствовать плебею, что он непрощенный гость. Но мейстер Джордж не проявил никаких признаков неудовольствия или смущения. Он сел на стул, который лорд Найджел предложил ему из уважения к его почтенной внешности, и после минутного молчания, в течение которого он внимательно смотрел на молодого человека, произнес почтительным и вместе с тем взволнованным тоном:

– Прошу прощения за мою невоспитанность, милорд, но я пытался найти в вашем юношеском лице черты старого доброго лорда, вашего несравненного батюшки.

Прошло несколько секунд, прежде чем молодой Гленварлох ответил, все еще сохраняя свою сдержанность:

– Говорят, что я похож на отца, сэра, и я счастлив встретить человека, чтущего его память. Но дело, которое привело меня в этот город, весьма срочное и столь же секретное...

– Я понял ваш намек, милорд, – сказал мейстер Джордж, – и не хотел бы отрывать вас надолго от вашего дела или более приятной беседы. Чтобы выполнить свою миссию, мне остается только сказать, что меня зовут Джордж Гериот и что больше двадцати лет тому назад ваш несравненный батюшка принял во мне самое теплое участие и содействовал моему поступлению на службу при шотландском королевском дворе. Узнав от одного из ваших слуг, что ваша светлость прибыли в наш город по весьма важному делу, я счел своим долгом и не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать почтение сыну моего глубокочтимого покровителя и, так как я пользуюсь некоторой известностью при дворе и в Сити, предложить помощь, которую благодаря моему доброму имени и опытности я мог бы оказать ему в устройстве его дел.

– Я не сомневаюсь ни в вашем добром имени, ни в вашей опытности, мейстер Гериот, – сказал лорд Найджел, – и от всего сердца благодарю вас за ту готовность, с какой вы предоставили их в распоряжение незнакомца; но мое дело при королевском дворе уже закончено, и я собираюсь покинуть Лондон, а может быть, и наш остров, чтобы путешествовать по чужим краям и служить в чужеземных войсках. Должен сказать, что мой неожиданный отъезд оставляет в моем распоряжении лишь немного времени.

Мейстер Гериот не обратил внимания на этот намек и не двинулся с места, однако по смущенному выражению его лица можно было догадаться, что он хотел еще что-то сказать, но не знал, как приступить к делу. Наконец он промолвил с недоверчивой улыбкой:

– Вам повезло, милорд; вы очень быстро справились со своим делом во дворце. От вашей разговорчивой хозяйки я узнал, что вы только две недели как приехали в наш город. Обычно проходят месяцы и годы, прежде чем просителю удастся распрощаться с дворцом.

– Мое дело, – сказал лорд Найджел решительным тоном, желая показать, что он не намерен продолжать беседу, – окончательно улажено.

Мейстер Гериот все еще не двигался с места; его искреннее добродушие и почтительные манеры лишали лорда Найджела возможности более ясно выразить свое желание остаться одному.

– Ваша светлость все еще не имели времени, – сказал горожанин, не оставляя попыток поддержать разговор, – для посещения увеселительных мест – театров и других развлечений, столь любезных сердцу молодежи. Но я вижу в руках вашей светлости одно из тех недавно выдуманных описаний пьес²⁹, которыми в последнее время оделяют всех прохожих. Позвольте спросить, что это за пьеса?

– О! Это хорошо известная пьеса, – сказал лорд Найджел, с раздражением бросая на пол указ, который он до сих пор нетерпеливо мямлил в руках, – отличная и всеми признанная пьеса – «Новый способ платить старые долги»^[71].

Мейстер Гериот нагнулся со словами: «Ах! Мой старый знакомый Филипп Мессинджер», – но, развернув бумагу и пробежав глазами ее содержание, он с удивлением взглянул на лорда Найджела и сказал:

– Надеюсь, ваша светлость не думает, что этот запрет может распространяться на вас лично или на ваши притязания?

– Я и сам не хотел этому верить, – промолвил молодой лорд, – но это так. Его величество, чтобы уж раз навсегда покончить с моим делом, соблаговолил послать мне этот указ в ответ на почтительное прошение об уплате крупного займа, предоставленного моим отцом для государственных нужд в трудные для короля времена.

– Непостижимо! – воскликнул горожанин. – Совершенно непостижимо! Если король мог забыть, чем он обязан вашему покойному батюшке, он все же не пожелал бы, я бы даже сказал – не посмел бы, проявить столь вопиющую несправедливость к памяти такого человека, как ваш отец, который умер телесной смертью, но еще долго будет жить в памяти шотландского народа.

– Я склонен был бы разделить ваше мнение, – ответил лорд Найджел тем же тоном, – но действительность сильнее нас.

– Каково было содержание этого прошения? – спросил Гериот. – И кто вручил его королю? Уж, наверно, там было что-нибудь необычайное или...

– Вот черновик, – сказал молодой лорд, вынимая его из небольшой дорожной шкатулки. – Юридическую часть составил мой адвокат в Шотландии, рассудительный человек, весьма искушенный в подобных делах; все остальное написал я сам, как мне кажется, с подобающей почтительностью и скромностью.

Мейстер Гериот бросил беглый взгляд на черновик.

– Трудно представить себе более умеренные и почтительные слова, – сказал он. – Неужели король мог с презрением отвергнуть это ходатайство?

– Он бросил его на землю, – сказал лорд Гленварлох, – и в ответ на него прислал мне указ, поставив меня на одну доску с бедняками и нищими из Шотландии, позорящими его двор в глазах гордых англичан, – вот и все. Если бы мой отец не помог ему сердцем, мечом и кошельком, быть может, он никогда бы не увидел английского престола.

– Но кто вручил королю это прошение, милорд? – спросил Гериот. – Неприязнь к посланцу иной раз переносится на послание.

– Мой слуга, – ответил лорд Найджел. – Вы видели его и, как я слышал, отнеслись к нему с большой добротой.

– Ваш слуга, милорд?! – воскликнул горожанин. – Он, видно, ловкий малый и, несомненно, предан вам, но поистине...

– Вы хотите сказать, – возразил лорд Найджел, – что он неподходящий посланец, чтобы предстать перед королем. Разумеется, вы правы. Но что же мне было делать? Все мои попытки

²⁹ Вероятно, имеется в виду театральная программа или афиша. (Примеч. авт.)

довести это дело до сведения короля окончились неудачей, и мои прошения не шли дальше сумок писцов и секретарей. Этот малый уверял, что у него есть друг среди королевской челяди, который сможет провести его к королю, и вот...

– Понимаю, – сказал Гериот. – Но, милорд, почему бы вам, по праву вашего звания и рода, не явиться во дворец и не попросить аудиенции, в которой вам вряд ли было бы отказано?

Юный лорд слегка покраснел и бросил взгляд на свою скромную одежду, весьма опрятную, но уже изрядно поношенную.

– К чему стыдиться и скрывать правду? – промолвил он после минутной нерешительности. – У меня нет приличной одежды, чтобы явиться во дворец. Я не собираюсь делать долги, которые не смогу уплатить, и вряд ли вы, сэр, посоветовали бы мне встать у входа во дворец и лично вручить королю мое прошение вместе с теми, кто жалуется на свою нужду и просит милостыню.

– Разумеется, вам не пристало заниматься такими делами, – сказал горожанин, – но все же, милорд, у меня такое чувство, что здесь произошла какая-то ошибка. Можно мне поговорить с вашим слугой?

– Не думаю, чтобы это могло принести какую-нибудь пользу, – ответил молодой лорд, – но ваше участие кажется мне искренним, и поэтому... – Он топнул ногой, и через несколько секунд явился Мониплайз, стряхивая с бороды и усов хлебные крошки и вытирая пивную пену, что ясно показывало, от какого занятия его оторвали.

– Я прошу вашу светлость, – сказал Гериот, – разрешить мне задать вашему слуге несколько вопросов.

– Пажу его светлости, мейстер Джордж, – вставил Мониплайз, кивнув головой в знак приветствия, – если вы хотите говорить подобающим образом.

– Попридержи свой дерзкий язык, – сказал его хозяин, – и внятно отвечай на вопросы, которые тебе будут задавать.

– И правдиво, если будет угодно вашей пажеской светлости, – сказал горожанин, – ибо ты, вероятно, помнишь, что я обладаю даром обнаруживать ложь.

– Да, да, да, – ответил слуга, несколько смущенный, несмотря на свою дерзость, – хотя мне сдается, что правда, которая хороша для моего господина, хороша для всех.

– Пажи врут своим господам по привычке, – сказал горожанин, – а ты ведь причисляешь себя к этой банде, и мне кажется, ты едва ли не самый старый из этих повес. Но мне ты должен отвечать правдиво, если не хочешь отведавать плети.

– По правде сказать, не очень-то это вкусное блюдо, – сказал великовозрастный паж. – Так задавайте уж лучше ваши вопросы, мейстер Джордж.

– Так вот, – начал горожанин, – я узнал, что вчера ты вручил его величеству прошение или ходатайство высокочтимого лорда, твоего господина.

– Чистая правда, сэр: что было, то было, – ответил Мониплайз, – весь народ видел.

– И ты утверждаешь, что его величество с презрением швырнул его на землю? – спросил горожанин. – Да смотри не вздумай врать; я найду способ узнать правду, и лучше бы тебе провалиться по самую шею в Нор-Лох, столь любезный твоему сердцу, чем говорить ложь, порочащую имя короля.

– В этом деле мне и врать-то нечего, – решительно ответил Мониплайз, – его величество как швырнет прошение на землю, словно пальцы о него замарал.

– Слышите, сэр? – сказал Олифант, обращаясь к Гериоту.

– Постойте, – промолвил проницательный горожанин. – У этого малого подходящее имя – в его плаще немало складок³⁰. Подожди, любезный! – воскликнул Гериот, ибо Мониплайз, бормоча что-то невнятное о своем неоконченном завтраке, начал медленно подвигаться

³⁰ Игра слов: «Мониплайз» означает по-английски «много складок».

к двери. – Ответь-ка мне еще на один вопрос: когда ты передавал его величеству прошение твоего господина, не передал ли ты вместе с ним еще что-нибудь?

– Помилуйте, мейстер Джордж, да что же я мог передать?

– Вот это я как раз и хочу узнать и требую ответа, – возразил горожанин.

– Ну что ж, придется, видно, сказать... Может, я и впрямь сунул в руки королю свое собственное маленькое прошение вместе с ходатайством его светлости, чтоб его величество лишний раз не беспокоить и чтобы он их оба вместе рассмотрел.

– Твое собственное прошение, мошенник?! – воскликнул его господин.

– Точно так, милорд, – промолвил Ричи, – бедняки ведь тоже могут подавать прошения, как и их господа.

– Интересно знать, что же было в твоём почтительном прошении? – спросил мейстер Гериот. – Ради бога, милорд, потерпите еще немного, а то мы никогда не узнаем правды об этом странном деле. Отвечай же, и я буду твоим заступником перед его светлостью.

– Больно это длинная история; ну, в общем, все дело в клочке бумаги со старым счетом от моего батюшки к всемилостивейшей матушке его величества короля, когда она жила в замке и заказывала в нашей лавке всяческую снедь, что, без сомнения, было большой честью для моего батюшки; похвальным делом будет для короля уплатить по этому счету, и большим утешением для меня – получить эту сумму.

– Какая неслыханная наглость! – воскликнул его господин.

– Каждое слово – чистая правда, – сказал Ричи. – Вот копия прошения.

Мейстер Джордж взял из рук слуги измятый лист бумаги и стал читать, бормоча сквозь зубы:

– «Покорнейше просит... всемилостивейшей матушке его величества... Отпущено в кредит... и осталась неоплаченной сумма в пятнадцать мерков...^[72] счет на которую при сем прилагается... Дюжина бычьих ножек для студня... один барашек на Рождество... один жареный каплун в топленом сале для личных покоев, когда его светлость лорд Босуэл ужинал с ее величеством...» Мне кажется, милорд, вы вряд ли будете удивляться тому, что это прошение встретило столь бурный прием у короля. И я полагаю, мой достопочтенный паж, что ты постарался вручить королю свое прошение прежде ходатайства твоего господина.

– Истинная правда, не хотел я этого, – ответил Мониплайз. – Я-то хотел сперва прошение его светлости подать, как полагается; ну а потом, думаю, он и мой маленький счетик прочтет. Но тут такая суматоха поднялась, лошадь испугалась и шарахнулась в сторону; ну, я тут, наверно, сунул ему в руку оба прошения разом; может, мое и сверху оказалось; да и то сказать, оно и справедливо, ведь сколько я страху-то натерпелся...

– И сколько ты палок получишь, мошенник! – воскликнул Найджел. – Неужели я должен терпеть оскорбления и бесчестие из-за твоей несносной наглости, из-за того, что ты припутываешь свои низкие дела к моим?

– Нет, нет, нет, ваша светлость – вмешался добродушный горожанин. – Я помог обнаружить оплошность вашего слуги; окажите же мне хоть немного доверия и позвольте взять его под свою защиту. Вам есть за что сердиться на него, но мне кажется, что он сделал это не с умыслом, а скорее из тщеславия, и я думаю, если вы сейчас отнесетесь к его поступку снисходительно, в следующий раз он окажет вам лучшую услугу. Ступай, негодник! Я помирю тебя с твоим господином.

– Ну уж нет, – сказал Мониплайз, твердо стоявший на своем, – если уж ему так хочется ударить бедного малого, который последовал за ним совершенно бескорыстно – по-моему, с тех пор как мы покинули Шотландию, я видел не очень-то много от своего жалованья, – что ж, пусть его светлость поднимет на меня руку, и посмотрим, что скажут люди. Я лучше подставлю спину под удары его дубинки, лишь бы люди не говорили – хоть я и очень благодарен вам, мейстер Джордж, – что кто-то чужой вмешивается в наши дела.

– Ступай, ступай, – сказал его господин, – и не попадайся мне на глаза.

– Ну что ж, это недолго, – промолвил Мониплайз, медленно направляясь к двери. – Я ведь не сам пришел, меня позвали, и я уж полчаса тому назад сам бы ушел по доброй воле, да только вот мейстер Джордж задержал меня своими расспросами; истинная правда, оттого и вся суматоха.

И он удалился, ворча что-то себе под нос, скорее с видом оскорбленной невинности, нежели кающегося грешника.

– Ну и намучился же я с этим дерзким слугой! Он неглупый малый, и я не раз имел случай убедиться в его преданности. Я верю, что он любит меня – он не раз доказывал это, – но порой тщеславие так кружит ему голову и он становится таким своевольным и упрямым, что мне начинает казаться, будто он мой господин, а я его слуга; и если ему случится сделать какую-нибудь глупость, он готов известить меня своими громкими жалобами, словно я всему виной, а уж никак не он.

– И все же не браните и не гоните его, – сказал горожанин, – ибо, поверьте моим сединам, в наши дни любовь и преданность слуги встречаются реже, чем в те времена, когда мир был моложе. Но не давайте ему поручений, мой дорогой лорд, не соответствующих его происхождению и воспитанию, ибо вы сами видите, к чему это может привести.

– Это совершенно очевидно, мейстер Гериот, – промолвил молодой лорд, – и мне очень жаль, что я был несправедлив к своему монарху и вашему господину. Но я, как истый шотландец, задним умом крепок. Ошибка совершена; мое прошение отвергнуто, и у меня нет иного выхода, как на оставшиеся деньги отправиться вместе с Мониплайзом на поле брани и умереть, как умирали мои предки.

– Лучше жить, милорд, и служить своей родине, как ваш благородный батюшка, – ответил мейстер Джордж. – Нет, нет, не падайте духом, не качайте головой. Король не отверг ваше прошение, так как он не видел его. Вы требуете только справедливости, а монарх должен быть справедливым к своим подданным. И поверьте мне, милорд, в этом нрав короля не расходится с его долгом.

– Я очень хотел бы поверить этому, и все же... – сказал Найджел Олифант. – Я говорю не о своих собственных обидах, но о своей родине, где все еще царит несправедливость.

– Милорд, – сказал мейстер Гериот, – я говорю о своем царственном властелине не только с почтением, подобающим подданному, и с благодарностью осыпанного милостями слуги, но также с откровенностью свободного и преданного шотландца. Сам король всегда стремится к тому, чтобы чаши весов были в равновесии, но среди его приближенных есть люди, которые могут бросить на одну из чаш свои собственные эгоистические желания и низменные интересы. Вы уже пострадали от этого, сами того не зная.

– Я удивлен, мейстер Гериот, – сказал молодой лорд, – что после столь краткого знакомства вы говорите так, как будто вы прекрасно знакомы с моими делами.

– Милорд, – ответил золотых дел мастер, – по роду своих занятий я имею беспрепятственный доступ во внутренние покои дворца. Все знают, что я не люблю вмешиваться в интриги и в придворные распри, и ни один фаворит не пытался еще закрыть передо мною дверь королевского кабинета; напротив, я был на хорошем счету у каждого из них, когда он был у власти, но меня не затронуло падение ни одного из них. Однако при моих придворных связях мне приходится слышать, даже против моей воли, какие колесики в этом механизме вертятся быстрее и какие останавливаются. Разумеется, если я захочу получить такие сведения, я знаю, из каких источников можно добыть их. Я уже сказал вам, почему меня интересует судьба вашей светлости. Только вчера вечером я узнал, что вы прибыли в наш город, но, отправляясь к вам сегодня утром, я имел возможность получить для вас некоторые сведения относительно препятствий, стоящих на пути к удовлетворению вашего ходатайства.

– Сэр, я очень благодарен вам за ваше рвение, которого я едва ли достоин, – ответил Найджел все еще с некоторой сдержанностью, – однако я не могу понять, чем я заслужил такое внимание.

– Прежде всего позвольте мне уверить вас, что оно совершенно искренне, – сказал горожанин. – Я не порицаю вас за то, что вы не склонны верить откровенным признаниям незнакомца, принадлежащего к низкому сословию, встретив так мало сочувствия и помощи у ваших родственников и у людей вашего круга, связанных с вами столь прочными узами. Но вот что тому причиной. Обширные поместья вашего батюшки заложены за сумму в сорок тысяч мерков, и номинальный владелец ипотеки – Перегрин Питерсон, хранитель шотландских привилегий в Кэмпере.

– Мне ничего не известно об ипотеке, – сказал молодой лорд, – но существует закладная на такую сумму, и если она не будет выкуплена, я потеряю все отцовские поместья из-за суммы, не превышающей и четверти их стоимости; вот почему я настаиваю перед королевским правительством на уплате долга, не возвращенного моему отцу, – чтобы я мог выкупить свои земли у алчного кредитора.

– Закладная в Шотландии, – сказал Гериот, – то же самое, что ипотека по сю сторону Твида; но вы не знаете, кто ваш настоящий кредитор. Хранитель привилегий Питерсон – лишь подставное лицо, а за ним скрывается не кто иной, как сам лорд-канцлер Шотландии, который под предлогом этого долга надеется завладеть всеми поместьями или, быть может, оказать услугу третьему, еще более влиятельному человеку. Вероятно, сначала он даст возможность своему ставленнику Питерсону приобрести ваши земли, а когда все забудут об этой позорной сделке, владения и титул лорда Гленварлоха будут переданы могущественному вельможе его раболепным слугой под видом продажи или какой-нибудь другой операции.

– Неужели это возможно? – воскликнул лорд Найджел. – Канцлер плакал, когда я прощался с ним, называл меня своим братом, даже сыном, дал мне рекомендательные письма, и хотя я не просил у него денежной помощи, он без всякой необходимости извинялся за то, что не может предложить мне ее, ссылаясь на расходы, связанные с его высоким положением, и на свою большую семью. Нет, я не могу поверить, что дворянин способен на такой низкий обман.

– Правда, в моих жилах не течет благородная кровь, – сказал горожанин, – но я еще раз заклинаю вас: взгляните на мои седины и подумайте о том, для чего я стал бы бесчестить их ложными обвинениями в делах, в которых я совершенно не заинтересован, если не считать того, что они касаются сына моего благодетеля. Скажите откровенно, принесли вам письма лорда-канцлера какую-нибудь пользу?

– Никакой, – ответил Найджел Олифант. – Лишь любезность на словах и безучастность на деле. Одно время мне казалось, что единственным стремлением людей, к которым я обращался, было отделаться от меня; вчера, когда я упомянул о том, что собираюсь отправиться на чужбину, один из них предложил мне денег, чтобы у меня не было недостатка в средствах для отъезда в добровольное изгнание.

– Вы правы, – сказал Гериот, – они сами с радостью дали бы вам крылья для полета, лишь бы вы не отказались от своего намерения.

– Я сейчас же пойду к нему, – с негодованием воскликнул юноша, – и выскажу ему свое мнение о его низости!

– С вашего позволения, – сказал Гериот, удерживая его, – вы не сделаете этого. Начав ссору, вы погубили бы меня, сообщившего вам эту тайну; и хотя я пожертвовал бы половиной своей лавки, чтобы оказать услугу вашей светлости, я не думаю, что вы хотели бы причинить мне убытки, которые не принесли бы вам никакой пользы.

Слово «лавка» неприятно поразило слух молодого лорда, и он поспешно ответил:

– Убытки, сэр? Я так далек от желания заставить вас терпеть убытки, что прошу вас во имя неба отказаться от бесплодных попыток помочь тому, кому уже нельзя помочь.

– Предоставьте это мне, – сказал горожанин. – До сих пор вы шли по неправильному пути. Разрешите мне взять это прошение. Я дам переписать его крупным почерком и выберу подходящее время, как можно скорее, чтобы вручить его королю, разумеется проявив при этом большую предусмотрительность, нежели ваш слуга. Я готов ручаться, что король примет такое решение, какое вам желательно; но если он поступит иначе, даже тогда я не оставлю этого справедливого дела.

– Сэр, – сказал молодой лорд, – вы так добры ко мне, и я нахожусь в таком беспомощном состоянии, что, право, не могу отказать от вашего любезного предложения, хотя мне стыдно принимать его от незнакомого человека.

– Я думаю, мы уже не чужие друг другу, – сказал золотых дел мастер, – и если мое посредничество окажется успешным и вы вернете себе свое состояние, в награду вы закажете свой первый серебряный сервиз у Джорджа Гериота.

– Вам придется иметь дело с неисправным плательщиком, мейстер Гериот, – сказал лорд Найджел.

– Этого я не боюсь, – ответил ювелир. – Мне очень приятно видеть улыбку на вашем лице, милорд; мне кажется, вы тогда еще больше похожи на доброго старого лорда, вашего батюшку; и это дает мне смелость обратиться к вам с маленькой просьбой – отобедать у меня завтра в домашнем кругу. Я живу здесь поблизости, на Ломбард-стрит. Я угощу вас куриным бульоном, жирным наштигованным каплуном, бифштексом во славу старой Шотландии да, пожалуй, добрым старым вином, разлитым в бочки еще до того, как Шотландия и Англия стали одним государством^[73]. Я приглашу двух-трех наших дорогих земляков, а моей хозяйке, быть может, посчастливится заполучить какую-нибудь шотландскую красотку.

– Я с удовольствием принял бы ваше любезное приглашение, мейстер Гериот, – сказал Найджел, – но я слышал, что лондонские дамы любят нарядных кавалеров. Я не хотел бы уронить в их глазах честь шотландского дворянина, о котором вы, несомненно, рассказывали как о самом богатом человеке в нашей бедной стране, а в настоящее время у меня нет средств, чтобы блеснуть роскошью.

– Милорд, ваша откровенность заставляет меня сделать еще один шаг, – сказал мейстер Джордж. – Я... я задолжал вашему батюшке некоторую сумму денег, и... Нет, если ваша светлость будет так пристально смотреть на меня, я никогда не расскажу этой истории... И, говоря откровенно – ибо мне никогда в жизни не удавалось довести ложь до конца, – чтобы добиться успеха в этом деле, ваша светлость должны явиться во дворец в одежде, соответствующей вашему высокому положению. Я золотых дел мастер и живу не только продажей золота и серебра, но также ссужаю деньги. Я буду счастлив ссудить вам под проценты сто фунтов до тех пор, пока ваши дела не будут улажены.

– А если они никогда не будут улажены должным образом? – спросил Найджел.

– Тогда, милорд, – ответил горожанин, – потеря такой суммы не будет иметь для меня большого значения по сравнению с другими неприятностями.

– Мейстер Гериот, – сказал лорд Найджел, – вы великодушно предлагаете мне свою помощь, и она будет принята с искренней благодарностью. Я должен предположить, что вы предвидите удачный исход моего дела, хотя я сомневаюсь в этом, ибо вы не захотели бы прибавить к моему бремени еще новое, убеждая меня наделать долгов, которые я едва ли смогу уплатить. Поэтому я возьму ваши деньги, надеясь и веря, что вы дадите мне возможность вернуть вам мой долг точно в срок.

– Я хочу убедить вас в том, милорд, – сказал ювелир, – что я собираюсь вести с вами дело как с должником, от которого я ожидаю уплаты долга, а потому соблаговолите дать расписку на эти деньги и обязательство уплатить их мне.

Затем ювелир вытащил из-за пояса письменные принадлежности; написав несколько строк соответствующего содержания, он вынул из бокового кармана под плащом небольшой

мешочек с золотом и, сказав, что он должен содержать сто фунтов, принялся тщательно пересчитывать на столе его содержимое. Найджел Олифант невольно высказал предположение, что это совершенно лишняя церемония и что он готов взять мешочек с золотом, полагаясь на слово любезного кредитора, что было, однако, несовместимо с манерой старого ювелира вести дела.

– Вам придется быть терпеливым со мной, милорд, – сказал он. – Мы, горожане, осторожный и бережливый народ, и я навсегда потерял бы свое доброе имя везде, где слышен звон колоколов собора Святого Павла, если бы я выдал расписку или взял вексель, не сосчитав деньги до последнего пенни. Ну, теперь, кажется, верно. А вот и мои мальчики с мулом! – воскликнул он, выглянув в окно. – Ибо мой путь лежит на запад. Спрячьте ваши деньги, милорд; не советую вам показываться в лондонских гостиницах со стаей этих звонко щебечущих златоперых щеглов. Надеюсь, у вашей шкатулки достаточно крепкий замок; если нет, я могу по дешевке продать вам такой, под которым хранились тысячи. Он принадлежал доброму старому сэру Фейсфулу Фругалу. Его расточительный сын продал скорлупу, после того как съел орех. Так кончилось богатство, нажитое в Сити.

– Надеюсь, ваше богатство не постигнет такая печальная участь, мейстер Гериот, – сказал лорд Найджел.

– Будем надеяться, милорд, – улыбаясь, ответил старый ювелир, но, говоря словами славного Джона Беньяна, «при этом глаза его наполнились слезами»^[74]. – Богу было угодно взять у меня двух детей, а наш приемыш... Ах, с ним одно только горе! Но я терпелив и благодарен; а что до богатства, которое мне Господь послал, так в наследниках недостатка не будет, пока есть еще сироты в Старом Рики^[75]. Желаю вам всего хорошего, милорд.

– Одному сироте уже есть за что благодарить вас, – сказал Найджел, провожая его до дверей комнаты, после чего старый горожанин удалился, отказавшись от дальнейшего эскорта.

Спускаясь по лестнице и проходя мимо лавки, он увидел в ней миссис Кристи, которая приветствовала его низким реверансом, и любезно осведомился о ее супруге. Разумеется, миссис Кристи выразила сожаление по поводу его отсутствия, сказав, что он уехал по своим делам в Дептфорд к капитану одного голландского корабля.

– Такое наше дело, сэр; мужу часто приходится уезжать из дома и быть рабом каждого матроса, которому вздумается купить фунт пакли.

– Всякое дело требует заботы, миссис, – заметил ювелир. – Передайте от меня привет вашему хозяину – от Джорджа Гериота с Ломбард-стрит. Мне не раз приходилось иметь с ним дело; он надежный и добросовестный человек и аккуратно выполняет все обязательства. Получше заботьтесь о вашем благородном госте, чтобы он ни в чем не терпел недостатка. Хотя сейчас ему угодно жить в уединении, есть люди, которые пекутся о нем, и мне поручено следить за тем, чтобы у него было все необходимое; вы можете сообщать мне через вашего супруга, дорогая моя, как чувствует себя его светлость и не нужно ли ему чего-нибудь.

– Так, значит, все-таки он настоящий лорд?! – воскликнула хозяйка. – Я с самого начала подумала, что он похож на лорда. Но почему же тогда он не ходит в парламент?

– Он будет заседать в парламенте Шотландии, миссис, – ответил Гериот, – это его родина.

– Ах! Значит, он всего лишь шотландский лорд, – промолвила добрая хозяйка. – Так вот почему люди говорят, что он стыдится носить свой титул.

– Смотрите, как бы он не услышал это от вас, миссис, – сказал горожанин.

– От кого? От меня?! – воскликнула она. – Да у меня и в мыслях этого не было, сэр. Шотландец или англичанин, во всяком случае, он красивый мужчина, и такой учтивый; я сама готова прислуживать ему, лишь бы он не чувствовал ни в чем недостатка; ради него я и на Ломбард-стрит не поленюсь сходить.

– Пусть уж лучше ваш супруг зайдет ко мне, миссис, – сказал ювелир, которому, несмотря на его жизненный опыт и богатство, не чужды были пуританские взгляды и некоторая педантичность. – Как говорится в пословице: «хозяйка из дома – все в доме вверх дном»; и пусть

лучше собственный слуга его светлости ухаживает за своим господином в его покоях – так будет приличнее. Всего доброго!

– Всего доброго вашей милости! – ответила хозяйка довольно холодно, и, как только советчик отошел немного подальше и не мог уже слышать ее слов, она пробормотала не очень-то любезным тоном, с презрением отвергая его совет: – Черта с два! Очень-то мне нужен твой совет, старый шотландский жестянщик! Мой муж не глупее и не моложе тебя; лишь бы я нравилась ему. И хоть сейчас он не так богат, как некоторые, я еще увижу его верхом на собственном муле с попоной и в сопровождении двух лакеев, не хуже других.

Глава V

*Что же вы не при дворе?
Двор участвует в игре:
Шелк шуришит и жемчуг блещет,
Плут на честного клеветает,
Храбреца тиранит трус,
С ложью зло вошло в союз,
Фавориты – тихи, кротки –
Неугодным режут глотки...
Что же вы не при дворе?
Грех не быть в такой игре!*

«Скелтон издевается»^[76]

Не одно лишь тщеславие заставило благожелательного горожанина сесть верхом на мула и ехать по улицам города в сопровождении вышеупомянутой свиты, что, как мы уже поведали читателю, вызвало некоторое раздражение у миссис Кристи, которое, надо отдать ей справедливость, быстро улеглось после краткого монолога, только что нами подслушанного. Причиной тому было не только естественное желание золотых дел мастера придать себе более почтенный вид, но также и то обстоятельство, что он держал путь в Уайтхолл, чтобы показать королю Иакову драгоценное произведение искусства, которое, как он полагал, его величество соблаговолит осмотреть, а может быть, и приобрести. Поэтому сам он восседал на своем покрытом попоной муле, чтобы ему легче было прокладывать себе путь по узким, грязным и людным улицам; и в то время как один из провожатых нес под мышкой драгоценный предмет, завернутый в красную байку, двое других тщательно охраняли его, ибо столичная полиция была в таком состоянии, что на улицах часто среди бела дня совершались нападения из мести или с целью грабежа, и тот, кто имел основание опасаться за свою жизнь, всегда старался, если он мог позволить себе такие расходы, обеспечить собственную безопасность, нанимая вооруженных провожатых. Обычай этот, существовавший сначала лишь среди аристократии и мелкого дворянства, мало-помалу распространился также среди именитых горожан, о коих было известно, что они путешествуют обремененные товаром, как тогда говорили; в противном случае они могли бы стать легкой добычей уличных грабителей.

Продолжая путь к западной части города в сопровождении своей доблестной свиты, мейстер Гериот остановился у дверей лавки своего земляка и друга, старого часовщика, и, попросив стоявшего за прилавком Танстола выверить его часы, выразил желание поговорить с хозяином; повинуясь этому зову, старый измеритель времени вышел из своей каморки. Его лицо напоминало потемневший от пыли бронзовый бюст и блестело от медных опилок, а мысли были так одурманены сложными вычислениями, что он в течение минуты смотрел на своего приятеля-ювелира пристальным взглядом, пока наконец не понял, кого он перед собой видит. Выслушав приглашение Гериота, обращенное к Дэвиду Рэмзи и очаровательной мисс Маргарет, его дочери, отобедать у него завтра в полдень, чтобы встретиться с благородным молодым соотечественником, он ничего не ответил.

– Я заставлю тебя заговорить, чтоб тебе пусто было, – пробормотал Гериот себе под нос и, внезапно меняя тон, громко сказал: – Послушай, сосед Дэви, когда же ты наконец рассчитаешься со мной за слиток серебра, которым я снабдил тебя для установки часов в Теобальдском замке, а также для часов, которые ты сделал для герцога Бекингемского? Мне пришлось

заплатить за него наличными, и я должен напомнить тебе, что ты опоздал с уплатой на восемь месяцев.

В требовании настойчивых кредиторов звучат такие резкие и пронзительные ноты, что ни одна человеческая барабанная перепонка, как бы она ни была нечувствительна к другим звукам, не может противостоять им. Дэвид Рэмзи моментально очнулся от своей задумчивости и ответил обиженным тоном:

– Ну что ты, Джордж! Стоит ли поднимать такой шум из-за какой-то сотни фунтов? Весь мир знает, что я в состоянии платить по своим обязательствам, и ты сам согласился подождать до тех пор, пока его величество и благородный герцог не уплатят мне по счетам; ты знаешь по собственному опыту, что я не могу, подобно неучтивому шотландскому мужлану, скандалить у их дверей, как ты скандалишь у моих.

Гериот засмеялся и ответил:

– Ну вот, Дэвид, я вижу, напоминание о долгах подействовало на тебя словно ушат холодной воды и сразу вернуло тебя к жизни. А теперь, приятель, ответь мне как добрый христианин: согласен ли ты отобедать у меня завтра в полдень и привести с собой очаровательную мисс Маргарет, мою крестницу, чтобы встретиться с нашим благородным юным соотечественником лордом Гленварлохом?

– С молодым лордом Гленварлохом?! – воскликнул старый механик. – Я от всей души буду рад снова увидеться с ним. Мы не встречались вот уже сорок лет – он был на два класса старше меня в школе, где нас учили латыни... Славный юноша!

– Ты, видно, совсем из ума выжил! – ответил ювелир. – Это был его отец, понимаешь – отец! Нечего сказать, славный юноша получился бы из достопочтенного лорда к этому времени, если бы он был еще жив. Это его сын, лорд Найджел.

– Его сын! – воскликнул Рэмзи. – Может быть, ему понадобится что-нибудь – хронометр или часы? Нынче ни один кавалер без них обойтись не может.

– Насколько мне известно, он сможет купить половину твоей лавки, если только когда-нибудь вернет себе свое состояние, – сказал его приятель. – Смотри же не забывай своего обещания, Дэви, и не заставляй себя ждать, как в прошлый раз, когда моей хозяйке пришлось до двух часов пополудни парить в печке баранью голову и суп из петуха с пореем.

– Тем большей похвалы заслуживает ее кулинарное искусство, – ответил Дэвид, окончательно пришедший в себя. – Ведь переваренная баранья голова – это яд, как говорится в нашей пословице.

– Ты прав, – сказал мейстер Джордж, – но завтра на обед бараньей головы не будет, и если ты испортишь нам трапезу, ее уж никакой пословицей не сдобришь. Может быть, ты встретишься у меня со своим другом сэром Манго Мэлегроутером, ибо я намерен пригласить его милость. Смотри же не опаздывай, Дэви.

– Нет, нет. Я буду точен, как хронометр, – ответил Рэмзи.

– Я все-таки не верю тебе, – возразил Гериот. – Послушай-ка, Дженкин, скажи шотландке Дженет, чтобы она сказала красавице Маргарет, моей крестнице, пусть она напомнит своему отцу, чтобы он надел завтра свой лучший камзол, и пусть она приведет его в полдень на Ломбард-стрит. Скажи ей, что они встретятся там с молодым красивым шотландским лордом.

Дженкин кашлянул сухим, отрывистым кашлем, как кашляют люди, получившие какое-нибудь неприятное поручение или услышавшие мнение, не допускающее возражений.

– Гм! – передразнил его мейстер Джордж, который, как мы уже заметили, придерживался довольно строгих правил в семейной жизни. – Это что еще за «гм»? Выполнишь ты мое поручение или нет?

– Разумеется, мейстер Джордж Гериот, – ответил подмастерье, слегка коснувшись рукой шапочки. – Я хотел только сказать, что мисс Маргарет едва ли забудет о таком приглашении.

– Еще бы, – промолвил мастер Джордж. – Она всегда слушается своего крестного, хотя подчас я и зову ее стрекозой. Да, вот еще что, Дженкин; приходи-ка ты вместе со своим товарищем, чтобы проводить домой хозяина с дочкой, и захватите свои дубинки, но сперва закройте лавку и спустите с цепи бульдога, да пусть привратник посидит в лавке до вашего возвращения. А я пошлю вместе с вами двух слуг – говорят, эти буйные молодчики из Темпла совсем распоясались.

– Наши дубинки не дадут спуска их шпагам, – сказал Дженкин, – и незачем вам беспокоить своих слуг.

– А если понадобится, – промолвил Танстол, – и у нас найдутся шпаги.

– Что ты, что ты, юнец! – воскликнул горожанин. – Подмастерье со шпагой! Господь с тобой! Ты бы еще шляпу с пером надел!

– Ну что ж, сэр, – сказал Дженкин, – мы найдем оружие под стать нашему званию и будем защищать нашего хозяина с дочкой, хотя бы нам пришлось для этого выворотить все камни из мостовой.

– Вот это ответ, достойный смелого лондонского подмастерья, – сказал горожанин, – а в награду вы выпьете по бокалу вина за здоровье отцов города. Я вот все смотрю на вас – молодцы вы, ребята, каждый по-своему. Счастливо оставаться, Дэви! Не забудь – завтра в полдень!

С этими словами он вновь повернул мула на запад и пересек Темпл-Бар медленной, размеренной иноходью, приличествующей его важной должности и званию, что позволяло его пешим провожатым легко поспевать за ним.

У ворот Темпла он снова остановился, спешился и направился к одной из маленьких будок, занимаемых местными стряпчими. Навстречу ему поднялся молодой человек с гладкими блестящими волосами, зачесанными за уши и коротко подстриженными; он с подобострастным поклоном снял шляпу со свисающими полями и ни за что не хотел снова надеть ее; на вопрос золотых дел мастера: «Как дела, Эндрю?» – он с величайшей почтительностью ответил:

– Лучше не может быть, ваша милость, с вашей помощью и поддержкой.

– Возьми-ка большой лист бумаги да очини перо поострее, чтобы тонко писало, как волос. Да смотри не расщепляй его слишком высоко – это расточительность в вашем ремесле, Эндрю; собирай по зернышку, – наберешь четверик. Я знал ученого человека, который одним пером написал тысячу страниц³¹.

– Ах, сэр, – воскликнул юноша, слушавший золотых дел мастера с выражением благоговения и покорности, хотя тот поучал его в его собственном ремесле, – как быстро такой бедняк, как я, может выйти в люди с таким наставником, как ваша милость!

– У меня наставления коротки, Эндрю, и выполнить их нетрудно. Будь честным, будь прилежным, будь бережливым – и скоро ты приобретешь богатство и уважение. Перепиши-ка мне вот это прошение самым красивым и четким почерком. Я подожду здесь, пока ты не кончишь его.

Юноша не поднимал глаз от бумаги и не выпускал пера из руки до тех пор, пока не справился с порученным ему делом, к величайшему удовлетворению заказчика. Горожанин дал молодому писцу золотой и, взяв с него слово, что он будет хранить тайну во всех доверенных ему делах, снова сел верхом на мула и продолжал путь на запад вдоль Стрэнда.

Не мешает напомнить нашим читателям, что Темпл-Бар, через который проезжал Гериот, представлял собой не ворота с аркой, как в наши дни, а ограду или частокол с открытым проездом, который по ночам или в тревожные времена загораживали повешенными на

³¹ В конце написанного Джиллом* комментария к Библии, который, если память не изменяет автору, занимает от пятисот до шестисот печатных страниц в четвертую долю листа и, следовательно, должен был заполнять больше страниц в рукописи, чем указано в тексте, имеется следующее четверостишие: Все строчки этого труда // Одним пером я вывел; // Перо, как прежде, хоть куда, // Но труд мне опротивел! (Примеч. авт.)* Джилл Джон (1697–1771) – священник, автор ряда богословских трудов.

столбах цепями. Также и Стрэнд, вдоль которого он ехал, не был, как теперь, непрерывной улицей, хотя уже в то время он начинал постепенно застраиваться. Он все еще больше походил на открытую дорогу, вдоль южной стороны которой стояли принадлежавшие знати особняки, а за ними до самого берега реки простирались сады со спускавшимися к воде лесенками, облегчавшими пользование лодками; многие улицы, ведущие от Стрэнда к Темзе, унаследовали от этих особняков имена их аристократических владельцев. Северная сторона Стрэнда тоже представляла собой длинный ряд домов, за которыми, как на улице Святого Мартина, так и в других местах, быстро воздвигались здания; но Ковент-Гарден³² все еще был садом в буквальном смысле этого слова – в нем только начинали появляться разбросанные там и сям строения. Тем не менее все кругом говорило о быстром росте столицы, уже в течение долгого времени жившей в мире и богатстве под властью устойчивого правительства. Дома воздвигались во всех концах, и проницательный взор нашего горожанина уже видел, как в недалеком будущем почти открытая дорога, по которой он ехал, превратится в настоящую улицу, соединяющую дворец и внешнюю часть города с лондонским Сити.

Затем он миновал Черинг-кросс, уже утративший былое очарование глухой деревушки, где некогда судьи любили завтракать по дороге в Вестминстер-холл, и походивший теперь на артерию, по выражению Джонсона, «подобно морскому приливу устремляется поток лондонского населения». Город быстро разрастался, но едва ли мог дать хотя бы отдаленное представление о его современном облике.

Наконец Уайтхолл принял в свое лоно нашего путешественника, который проехал под одной из великолепных арок работы Гольбейна, облицованной мозаичными плитками – под той самой аркой, с которой Мониплайз кощунственно сравнил Западные ворота Эдинбурга, – и выехал на обширный двор, где царил полнейший беспорядок, вызванный перестройкой дворца.

Это было как раз в то время, когда Иаков, не подозревая, что он строит дворец, который его единственный сын покинет через окно, чтобы умереть перед ним на эшафоте, приказал снести древние, полуразрушенные здания де Берга, Генриха VIII и королевы Елизаветы и освободить место для великолепных творений архитектуры, в которые Иниго Джонс вдохнул весь свой гений^[77]. Король, в неведении грядущего, торопился с работой и поэтому продолжал занимать свои королевские покои в Уайтхолле, среди развалин старых зданий и суматохи, сопровождавшей постройку нового дворца, представлявшего собой в то время труднопроходимый лабиринт.

Ювелир королевского двора и, если верить молве, зачастую его банкир, ибо эти профессии тогда еще не разделились, был слишком важным лицом, чтобы кто-нибудь из часовых или привратников осмелился преградить ему путь; оставив мула и двух провожатых на внешнем дворе, он тихонько постучал в задние ворота дворца и немедленно был введен во внутренние покои в сопровождении самого верного из своих слуг, державшего под мышкой драгоценную ношу. Он оставил своего провожатого в приемной, где несколько пажей в полурасстегнутых королевских ливреях, одетые с большей небрежностью, чем допускало их положение и близость королевской особы, играли в кости и в шашки или лежали, растянувшись на скамейках, и дремали с полужакрытыми глазами. В галерее, ведущей из приемной внутрь дворца, стояли два камердинера, которые приветливо улыбнулись при появлении богатого ювелира.

Никто не промолвил ни слова, но один из камердинеров взглянул сначала на Гериота, затем на маленькую дверь, наполовину прикрытую гобеленом, и его взгляд, казалось, вопрошал: «Вы хотите пройти сюда?» Горожанин кивнул головой, и придворный с величайшей осторожностью, словно пол был устлан яйцами, на цыпочках подошел к двери, слегка приоткрыл

³² «Гарден» (garden) по-английски означает «сад».

ее и тихо произнес несколько слов. В ответ послышался голос короля Иакова, говорившего с резким шотландским акцентом:

– Немедленнопусти его, Максвелл!^[78] Ты так долго служишь при дворе и все еще не знаешь, что золото и серебро всегда желанные гости.

Камердинер жестом пригласил Гериота подойти ближе, и почтенный горожанин немедленно был введен в кабинет монарха.

Окружавший короля беспорядок прекрасно гармонировал с характером и образом мыслей Иакова. Среди картин и других украшений в кабинете было немало великолепных произведений искусства, но они были небрежно развешаны и покрыты пылью и, казалось, теряли от этого половину своей ценности, не производя должного впечатления. Стол был завален огромными фолиантами, среди которых лежали небольшие книжки шуточного и легкомысленного содержания; вперемежку с записями безжалостно длинных речей и трактатами об искусстве правления валялись жалкие песенки и баллады «королевского подмастерья в искусстве поэзии», как Иаков сам себя именовал, проекты всеобщего умиротворения Европы и список кличек охотничьих собак королевского двора вместе с перечнем средств от бешенства.

На короле был камзол из зеленого бархата с зашитыми под подкладку монетами, чтобы предохранить его от удара кинжалом, что придавало ему неуклюжую, безобразную полноту, а от криво застегнутых пуговиц фигура его казалась перекошенной. Поверх зеленого камзола на нем был надет темный халат, из кармана которого торчал охотничий рог.

Его высокая серая шляпа с нитью крупных баласских рубинов вокруг тульи лежала на полу, покрытая пылью, на голове у него был ночной колпак из синего бархата, украшенный спереди пером цапли, сраженной на лету его любимым соколом, в память чего король и носил этот высокочтимый сувенир.

Но все эти несообразности в одежде и обстановке были лишь внешними проявлениями противоречий в характере короля, возбуждавшем недоверие у современников и представлявшем загадку для будущих историков. Он отличался глубокой ученостью, не обладая при этом полезными знаниями; временами он проявлял проницательность, хотя не был наделен истинной мудростью; он любил власть и стремился сохранить и укрепить ее, но готов был уступить управление государством и руководство своей собственной особой самым недостойным фаворитам; он смело отстаивал свои права на словах, но покорно смотрел, как их попирали на деле; он любил вести переговоры, в которых всегда оказывался одураченным, и боялся войны, в которой легко мог бы одержать победу. Он дорожил своим достоинством и в то же время постоянно унижал его неподобающей фамильярностью; он был готов к свершению великих дел на благо народа, но часто пренебрегал ими ради самых низменных развлечений; остряк и вместе с тем педант; ученый, он любил беседы с невеждами и необразованными людьми. Даже робость его характера не была постоянной, и в его жизни были моменты очень опасные, когда в нем пробуждался дух его предков. Он был трудолюбив в пустяках, но относился к серьезному труду как к пустякам; благочестивый в своих чувствах, он слишком часто богохульствовал; справедливый и благожелательный по природе, он тем не менее допускал беззаконие и притеснения со стороны других. Он был скуп, когда дело касалось денег, проходивших через его собственные руки, и в то же время неосмотрительно и беспредельно расточителен с деньгами, которых он не видел. Словом, хорошие качества, проявлявшиеся в некоторые моменты его жизни, не были достаточно постоянными и резко выраженными, чтобы оказывать влияние на все его поведение, и их случайное проявление дало повод Сюлли назвать Иакова мудрейшим глупцом в христианском мире^[79].

Судьба этого государя была так же изменчива, как его характер. Несомненно, наименее одаренный из всех Стюартов, он мирно унаследовал королевство, от посягательств которого его предшественники с таким трудом защищали трон его родины, и, наконец, хотя царствованию короля Иакова, казалось, суждено было даровать Великобритании длительное спокой-

ствие и внутренний мир, столь любезные сердцу монарха, именно в его царствование были посеяны семена раздора, из которых, как из зубов мифического дракона, взошли всходы кровавой гражданской войны^[80].

Таков был монарх, который, приветствуя Гериота, назвал его Звонким Джорди (ибо он любил давать прозвища всем своим приближенным) и осведомился, какие новые погремушки тот принес с собой, чтобы выманить деньги у своего законного, родного короля.

– Сохрани меня бог, милорд, – сказал горожанин, – от таких нечестных намерений. Я только принес серебряное блюдо, чтобы показать его вашему всемилостивейшему величеству, ибо мне не хотелось отдавать предмет столь искусной работы в руки кого-либо из ваших подданных, не узнав предварительно соизволения вашего величества.

– Бог ты мой! Ну что ж, давай посмотрим, Гериот, хотя, клянусь, серебряный сервиз Стини был такой дорогой покупкой, что я чуть не дал наше королевское слово оставить при себе свое золото и серебро и предоставить тебе, Джорди, владеть твоим.

– Что касается сервиза герцога Бекингема, – сказал золотых дел мастер, – ваше величество изволили дать распоряжение, чтобы не жалели никаких затрат, и...

– Что значат мои желания? Когда мудрец живет среди глупцов и детей, ему приходится даже играть в орлянку. Но у тебя должно было бы хватить ума, чтобы не потакать сумасбродным прихотям малютки Чарлза и Стини^[81]; они готовы устлать серебром полы в своих покоях; прямо чудо, что они еще не сделали этого.

Джордж Гериот поклонился и не промолвил больше ни слова. Он слишком хорошо знал своего господина, чтобы приводить в свое оправдание что-либо, кроме осторожного напоминания о его приказе. Иаков, в ком бережливость была лишь мимолетным и преходящим приступом угрызений совести, сразу возгорелся желанием увидеть серебряное блюдо, которое ювелир собирался показать ему, и послал за ним Максуэла. Тем временем он спросил горожанина, где тот достал его.

– В Италии, если угодно вашему величеству, – ответил Гериот.

– В нем нет ничего напоминающего о папизме? – спросил король, и взгляд его стал более суровым, чем обычно.

– Разумеется, нет, с позволения вашего величества, – ответил Гериот. – Неужели я осмелился бы предстать перед вашим величеством с вещью, отмеченной печатью зверя?

– Если бы ты это сделал, ты сам уподобился бы зверю, – сказал король. – Хорошо известно, что в юности я сражался с драконом и поверг его на пороге его собственного капища; этого достаточно, чтобы со временем меня называли защитником веры, хоть я и недостойн этого. А вот и Максуэл, согнувшийся под своим бременем, подобно Золотому ослу Апулея^[82].

Гериот поспешил освободить камердинера от его ноши и поставить чеканное блюдо огромных размеров – ибо такова была эта драгоценность – так, чтобы изображенная на нем сцена предстала взору короля в выгодном освещении.

– Клянусь бессмертием моей души, – воскликнул король, – любопытная вещица и, как мне кажется, достойная королевских покоев! И сюжет, как ты говоришь, мейстер Джордж, весьма подходящий и приличествующий случаю; как я вижу, это суд Соломона, царя, по стопам которого живущие монархи должны следовать, стремясь превзойти его.

– Но, идя по чьим стопам, – сказал Максуэл, – только один из них – если позволено подданному иметь свое суждение – превзошел его.

– Попридержи свой язык, негодный лстец! – сказал король, но улыбка на его лице показывала, что лесть достигла своей цели. – Полюбуйся на это прекрасное произведение искусства и попридержи свой длинный язык. Чья это работа, Джорди?

– Это блюдо, государь, – ответил золотых дел мастер, – сделано знаменитым флорентинцем Бенвенуто Челлини^[83] и предназначено для короля Франции Франциска Первого, но я надеюсь, что для него найдется более достойный хозяин.

– Франциск, король Франции! – воскликнул монарх. – Послать Соломона, царя иудейского, Франциску, королю Франции! Клянусь всем святым, если бы Челлини не совершил больше никакого безумства в своей жизни, этого было бы достаточно, чтобы назвать его сумасшедшим. Франциск! Этот горе-вояка, потерпевший поражение под Павией, как некогда наш Давид под Даремом^[84]. Если бы ему послали Соломонову мудрость, его миролюбие и благочестие, поистине ему оказали бы большую услугу. Но Соломон достоин лучшей компании, нежели король Франциск.

– Я надеюсь, что такова будет его судьба, – сказал Гериот.

– Занятная и очень искусная скульптура, – продолжал король, – но мне кажется, *carnifex*, сиречь палач, размахивает мечом перед самым лицом короля и легко может задеть его. Я думаю, не требуется Соломоновой мудрости, чтобы понять, какую опасность таит в себе острое оружие, и ему следовало бы приказать этому невеже вложить в ножны свой меч или отойти подальше.

Джордж Гериот пытался рассеять опасения короля, уверяя его, что расстояние между Соломоном и палачом не так мало, как ему кажется, и что нужно принимать во внимание перспективу.

– Иди к дьяволу со своей перспективой! – воскликнул король, – Для законного короля, который хочет править окруженный любовью и умереть в мире и почете, не может быть худшей перспективы, чем обнаженный меч, сверкающий перед его глазами. Меня считают одним из самых храбрых, но должен признаться тебе – я никогда не мог смотреть на обнаженный клинок не моргая. Но, в общем, это прекрасная работа. И сколько же ты за нее хочешь?

Золотых дел мастер ответил, что хозяин блюда не он, а один его земляк, попавший в беду.

– Уж не хочешь ли ты под этим предлогом заломить за него двойную цену? – спросил король. – Я знаю ваши торгашеские уловки.

– Могу ли я надеяться обмануть прозорливость вашего величества? – сказал Гериот. – Вещь эта не поддельная, и цена ей сто пятьдесят фунтов стерлингов, если вашему величеству будет угодно расплатиться наличными.

– Сто пятьдесят фунтов! И столько же ведьм и колдунов, чтобы добыть их! – воскликнул раздраженный монарх. – Клянусь, Звонкий Джорди, ты хочешь, чтобы твой кошелек звенел, как струны лютни! Как я могу отсчитать тебе сто пятьдесят фунтов за вещь, которая не весит и ста пятидесяти мерков? И ты знаешь, что я уже шесть месяцев не платил жалованья даже своим слугам и поварам!

Золотых дел мастер спокойно выслушал все эти упреки, к которым он давно уже привык, и только заметил, что если блюдо понравилось его величеству и если его величество желает приобрести его, о цене нетрудно будет договориться. Правда, хозяину блюда нужны деньги, но он, Джордж Гериот, готов ссудить их его величеству, если ему угодно, и ждать уплаты этой суммы, а также других сумм до тех пор, пока его величество не сможет уплатить их, а тем временем будут насчитываться обычные проценты.

– Клянусь, – воскликнул Иаков, – это честные и разумные условия! Мы сможем получить еще одну субсидию от палаты общин и рассчитаться за все. Унеси отсюда блюдо, Максвелл, и пусть поставят его в таком месте, где Стини и Чарлз смогут увидеть его, когда вернутся из Ричмонда. А теперь, когда мы остались одни, мой добрый старый друг Джорди, я могу сказать тебе по секрету, что, если уж говорить о Соломоне и о нас с тобой, вся мудрость страны покинула Шотландию, когда мы отправились сюда на юг.

Джордж Гериот, достаточно хорошо усвоивший придворные нравы, не преминул заметить, что мудрые так же охотно следуют за мудрейшими, как олени следуют за своим вожаком.

– Поистине, в твоих словах есть доля правды, – сказал Иаков, – ибо англичане, несмотря на свою самоуверенность, считают нас самих, наших придворных и слуг, хотя бы, например,

тебя, неглупыми людьми, а мозги тех, кто остался на нашей родине, кружатся в дикой пляске, словно колдуны и ведьмы на шабаше.

– Мне очень прискорбно слышать это, мой государь, – сказал Гериот. – Не соизволит ли ваше величество сказать, что сделали наши соотечественники, чтобы заслужить столь дурную славу?

– Они с ума сошли, дорогой мой, совершенно рехнулись, – ответил король. – Я не могу отвести их от дворца никакими указами, которые повсюду до хрипоты в горле выкрикивают мои герольды. Не дальше как вчера, как раз, когда мы уже сели на коня и собирались выехать со двора, вбегает этакий эдинбургский мужлан, настоящий оборванец – лохмотья на спине так и разлетаются в разные стороны, шляпа и плащ словно у пугала огородного, – и без всяких приветствий и поклонов, словно назойливый нищий, сует нам в руки какое-то прошение об уплате долгов нашей всемилостивейшей матушки и о тому подобной ерунде. Наша лошадь встала на дыбы, и если бы мы не были таким великолепным наездником, как говорят, превосходящим в этом искусстве большинство монархов и их подданных во всей Европе, клянусь тебе, мы растянулись бы на камнях во весь рост.

– Ваше величество, – сказал Гериот, – родной отец для них, и это придает им смелости добиваться вашего милостивого приема.

– Мне прекрасно известно, что я *pater patriae*³³, – сказал Иаков, – но можно подумать, что они хотят распотрошить меня, чтобы разделить мое наследство. Клянусь, Джорди, эти деревенские увальни не могут даже подобающим образом подать прошение своему монарху.

– Хотел бы я знать самый подходящий и приличный способ подавать прошения, – сказал Гериот, – хотя бы для того, чтобы научить наших бедных земляков хорошим манерам.

– Клянусь спасением своей души, – воскликнул король, – ты понимаешь толк в воспитании, Джорди, и мне не жаль потратить время на то, чтобы поучить тебя! Итак, во-первых, сэр, к его величеству следует приближаться вот так – прикрывая глаза рукой, чтобы показать, что находишься перед лицом наместника Господа Бога. Очень хорошо, Джорди, очень благопристойно. Затем, сэр, ты должен преклонить колена, как будто собираешься поцеловать край нашей одежды, шнурок нашего башмака или нечто подобное. Прекрасно разыграно; а мы, желая быть любезным и милостивым к нашим подданным, предупреждаем твое намерение и делаем тебе знак, чтобы ты встал; но ты, желая снискать нашу милость, все еще не встаешь с колен и, опустив руку в свою сумку, достаешь прошение и почтительно кладешь его в нашу открытую ладонь.

Тут золотых дел мастер, с большой точностью выполнивший всю предписанную церемонию, к немалому удивлению Иакова, завершил ее, положив в его руку прошение лорда Гленварлоха.

– Что это значит, негодный обманщик?! – воскликнул король, краснея и брызгая слюной. – Для того я учил тебя всем этим церемониям, чтобы ты подал свое прошение нашей королевской особе? Клянусь всем святым, это все равно, что ты направил бы на меня заряженный пистолет. И ты сделал это в моем собственном кабинете, куда никто не смеет входить без моего всемилостивейшего соизволения.

– Я надеюсь, – сказал Гериот, все еще стоя на коленях, – ваше величество простит меня за то, что я, желая помочь своему другу, воспользовался уроком, который вы сооблаговолили мне преподать.

– Другу! – воскликнул король. – Тем хуже... тем хуже для тебя, должен я тебе сказать. Если бы речь шла о том, чтобы сделать добро тебе самому, это бы еще куда ни шло, и можно было бы надеяться, что ты не скоро снова обратишься ко мне; но у тебя может быть сотня друзей, и от каждого из них по прошению, одно за другим.

³³ Глава отечества (*лат.*).

– Надеюсь, – сказал Гериот, – что ваше величество будет судить обо мне по прежнему опыту и не заподозрит меня в такой самонадеянности.

– Не знаю, – сказал благодушный монарх. – Мне кажется, весь мир сошел с ума... *sed semel insanivimus omnes*³⁴. Конечно, ты мой старый и верный слуга, и если бы ты просил что-нибудь для себя, поверь, тебе не пришлось бы просить дважды. Но Стини так любит меня, что ему неприятно, когда кто-нибудь, кроме него самого, домогается моей благосклонности. Макссуэл, – камердинер уже вынес блюдо и снова вернулся в кабинет короля, – отправляйся-ка в приемную вместе со своими длинными ушами. Говоря по совести, Джорди, я думаю, так как ты был моим доверенным и ювелиром еще в те времена, когда я мог бы сказать про себя словами языческого поэта: «*Non mea renidet in domo lacunar*»³⁵ – ибо, поистине, они так разграбили старый дом моей матушки, что буковые кубки, деревянные тарелки и медные блюда были в то время лучшим убранством нашего стола, и мы радовались, когда у нас было что положить на них, и не обращали внимания, из какого металла сделана наша посуда. Помнишь – ведь ты был посвящен в большинство наших заговоров, – как нам пришлось послать полдюжины солдат, чтобы опустошить голубятню и птичий двор леди Логенхауз, и какой огромный иск предъявила бедная дама Джоку Милчу и вора из Эннендейла, которые были так же неповинны в этих деяниях, как я в грехе смертоубийства?

– Джоку повезло, – сказал Гериот, – ибо, если память мне не изменяет, это спасло его от виселицы в Дамфризе, которую он вполне заслужил за другие злодеяния.

– Как, ты помнишь и это?! – воскликнул король. – Но он обладал другими достоинствами. Джок Милч был лихим охотником и кликал гончих таким зычным голосом, что эхо разносилось по всему лесу. Но в конце концов его постигла участь Эннендейла: лорд Торторуолд проткнул его своим копьём. Черт возьми, Джорди! Когда я вспоминаю все эти дикие проделки, признаться, мне кажется, нам веселее жилось в старом Холируде в те тревожные времена, нежели теперь, когда мы как сыр в масле катаемся. *Cantabit vacuus*³⁶ – у нас не было никаких забот.

– Быть может, ваше величество соизволит вспомнить, – сказал золотых дел мастер, – с каким трудом мы собрали серебряную посуду и золотые вещи, чтобы пустить пыль в глаза испанскому послу.

– Как же! – воскликнул король, увлеченный беседой. – Не помню только имени того преданного лорда, который отдал нам все до последней унции, что было в его доме, лишь бы его монарх не ударил лицом в грязь перед теми, в чьем владении находится вся Вест-Индия.

– Я полагаю, ваше величество, – сказал горожанин, – если вы взглянете на бумагу, которую вы держите в руке, вы вспомните его имя.

– Верно! – воскликнул король. – Как ты сказал? Да, его звали лорд Гленварлох... *Justus et tenax propositi*...³⁷ Справедливый человек, но упрям, как бык. Когда-то он был против нас, этот лорд Рэндел Олифант Гленварлох, но, в общем, он был любящим и верным подданным. А этот проситель, должно быть, его сын: Рэндел ведь давно уже ушел туда, куда суждено уйти королю и лорду, Джорди, а также тебе подобным. Чего же хочет от нас его сын?

– Уплаты крупного долга, – ответил горожанин, – казначейством его величества – денег, которые его отец ссудил вашему величеству в трудную минуту, во время заговора Рутвена^[85].

– Я хорошо помню это, – сказал король Иаков. – Черт возьми, Джорди! Тогда я только что вырвался из когтей мейстера Глэмиса и его сообщников, и никогда еще ни для одного наследного принца деньги не были столь желанными гостями; тем более позорно и достойно

³⁴ Однажды мы все бываем безумны (лат.).

³⁵ Не в моем доме потолок блистает (лат.).

³⁶ Он будет петь свободный (лат.).

³⁷ Справедливый и твердый в испытании (лат.).

сожаления, что венценосный монарх нуждается в столь ничтожной сумме. Но почему же он пристаёт к нам с этим долгом, словно булочник в конце месяца? Мы должны ему деньги, и мы уплатим их, когда это будет нам удобно, или возместим их каким-нибудь другим образом, как подобает между монархом и его подданным. Мы не *in meditatione fucae*³⁸, Джорди, и нет нужды арестовывать нас так поспешно.

– Увы! Если угодно знать вашему величеству, – сказал ювелир, качая головой, – не собственное желание, а крайняя нужда заставляет бедного молодого дворянина быть таким докучливым; ему нужны деньги, и как можно скорее, чтобы уплатить долг Перегрину Питерсону, хранителю привилегий в Кэмпере, в противном случае он лишится унаследованного им титула барона, и родовое поместье Гленварлохов будет у него отобрано в уплату невыкупленной закладной.

– Что ты говоришь, Джорди, что ты говоришь?! – нетерпеливо воскликнул король. – Чтобы этот мужлан, хранитель привилегий, сын голландского шкипера, захватил поместья и титул старинного рода Олифантов? Клянусь святым причастием, Джорди, не бывать этому; мы можем приостановить взыскание нашим всемилостивейшим указом или иным путем.

– С позволения вашего величества, я сомневаюсь, чтобы это было возможно, – ответил горожанин. – Ваш ученый советник, знаток шотландских законов, уверяет, что нет никакого другого средства, кроме уплаты долга.

– Вздор! – воскликнул король. – Пусть он не уступает этому мужлану до тех пор, пока мы не наведем порядок в его делах.

– Увы! – настойчиво повторил ювелир. – С позволения вашего величества, ваше собственное мирное правление и ваша справедливость ко всем людям сделали грубую силу ненадежной опорой всюду, за исключением пределов Шотландии.

– Да, да, да, Джорди, – сказал озадаченный монарх, чьи представления о справедливости, целесообразности и выгоде путались в таких случаях самым странным образом, – справедливо, чтобы мы уплатили наш долг, дабы этот юноша мог уплатить свой. Ему нужно заплатить, и, *in verbo regis*³⁹, ему будет заплачено. Но как достать денег, мой друг? Это трудная задача. Попытай-ка счастья в Сити, Джорди.

– Сказать по правде, – ответил Гериот, – с позволения вашего величества, что касается займов, ссуд и субсидий – в настоящее время в Сити...

– Не хочу слушать ничего о Сити, – перебил его король Иаков. – Наша казна так же суха, как проповеди настоятеля собора Святого Эгидия о покаянии – *ex nihilo nihil fit*⁴⁰, – с дикого шотландского горца штанов не снимешь. Пусть тот, кто приходит ко мне за деньгами, научит меня, как достать их. Ты должен попытать счастья в Сити, Гериот; ведь не зря тебя зовут Звонким Джорди. И, *in verbo regis*, я уплачу долг этому юноше, если ты устроишь для меня заем... Я не буду торговаться об условиях, и, скажу тебе по секрету, мы выкупим старинное родовое поместье Гленварлохов. Но почему же молодой лорд не является во дворец, Гериот? Он красив? У него достаточно приличный вид, чтобы показаться при дворе?

– Никто не мог бы соперничать с ним в этом, – сказал Джордж Гериот, – но...

– Ага, я понимаю тебя! – воскликнул король. – Я понимаю тебя – *res angustae domi*⁴¹. Бедный юноша, бедный юноша! А отец его – истый шотландец, с верным и преданным сердцем, хоть и упрям бывал иногда. Послушай, Гериот, дадим этому юноше двести фунтов на экипировку. Вот, возьми, – и он снял со своей старой шляпы нить рубинов. – Ты раньше уже

³⁸ Готовимся к бегству (*лат.*).

³⁹ Слово короля (*лат.*).

⁴⁰ Из ничего ничего и не получится (*лат.*).

⁴¹ Ограниченность средств ума (*лат.*).

ссужал мне под нее более крупную сумму, старый левит. Оставь ее у себя в залог, пока я не верну тебе деньги из следующей субсидии.

– Если вашему величеству будет угодно дать мне эти распоряжения в письменной форме, – сказал осторожный горожанин.

– Черт бы побрал твою щепетильность, Джордж, – сказал король. – Ты педантичен, как пуританин, в отношении всяких церемоний и настоящий маловер, когда речь идет о сути дела. Неужели тебе недостаточно королевского слова, чтобы ссудить мне твои жалкие двести фунтов?

– Но не для того, чтобы хранить у себя королевские драгоценности, – ответил Джордж Гериот.

И король, давно уже привыкший иметь дело с недоверчивыми кредиторами, написал распоряжение на имя Джорджа Гериота, своего любимого золотых дел мастера и ювелира, на сумму в двести фунтов, подлежащих немедленной уплате Найджелу Олифанту, лорду Гленварлоху, в счет королевского долга, разрешающее также хранение в качестве залога нити баласских рубинов с крупным бриллиантом, описанной в каталоге драгоценностей его величества, которая должна оставаться во владении вышеупомянутого Джорджа Гериота, ссудившего упомянутую сумму, и так далее, до тех пор, пока он не получит законного удовлетворения и ему не будет уплачена вышеупомянутая сумма. В другом указе его величество давал упомянутому Джорджу Гериоту полномочия вести переговоры с некоторыми денежными людьми о предоставлении на справедливых условиях ссуды для текущих нужд его величества в сумме не менее пятидесяти тысяч мерков, а если окажется возможным, то и больше.

– Учился ли он где-нибудь, наш лорд Найджел? – спросил король.

Джордж Гериот не мог точно ответить на этот вопрос, но высказал предположение, что молодой лорд учился в чужих краях.

– Мы сами дадим ему совет, как заниматься науками с наибольшей пользой; а может быть, мы пригласим его ко двору, чтобы он учился вместе со Стини и малюткой Чарлзом. Хорошо, что мы вспомнили о них. Уходи, Джордж, уходи, ибо дети сейчас вернутся домой и мы не хотели бы, чтобы они узнали про дело, о котором мы с тобой только что говорили. *Propera pedem*⁴², о Джорди! Забирайся на своего мула и – с богом!

Так закончилась беседа между добрым королем Джейми и его щедрым ювелиром и золотых дел мастером.

⁴² Торопись (лат.).

Глава VI

*Его я знаю – он точь-в-точь лимон:
Им остроумцы смачивали губы,
Чтоб перебить лимонной кислотой
В зубах навязший мед придворной лести.
Сок был жесток и едок – но, увы,
Кончается: лимон почти что выжат,
А бедная сухая кожюра
Пойдет в корыто для свиного поила –
Не любят люди горького.*

«Камергер» (комедия)

Добрая компания, приглашенная гостеприимным горожанином, собралась в его доме на Ломбард-стрит в «тощий и голодный» полуденный час, чтобы принять участие в трапезе, разделяющей день на две части, – примерно в ту пору, когда современный светский человек, ворочаясь на своей перине, не без сомнений и нерешительности мало-помалу приходит к убеждению, что пора все-таки начинать его. Явился туда и молодой Найджел в костюме хотя и простом, но все же более приличествующем его возрасту и званию, чем прежнее одеяние, в сопровождении своего слуги Мониплейза, внешность которого также значительно изменилась к лучшему. Из-под синего бархатного берета, небрежно сдвинутого набекрень, смотрело его торжественное и суровое лицо. На нем был плотный, облегающий камзол из синего английского сукна, который, не в пример его прежней одежде, не могли бы разорвать все подмастерья с Флит-стрит. Щит и палаш – оружие, соответствующее его положению, – и изящная серебряная пряжка с гербом его господина свидетельствовали о том, что он был слугой аристократа. Он сидел в кухне почтенного горожанина, предвкушая тот момент, когда его услуги за господским столом будут вознаграждены и он получит свою долю угощения, какое ему не часто случалось отведывать. Мейстер Рэмзи, ученый и изобретательный механик, тщательно вымытый, причесанный и очищенный от копоти и сажи мастерской и кузницы, был, согласно обещанию, благополучно доставлен на Ломбард-стрит. Сопровождавшая Рэмзи девушка лет двадцати была очень красива, очень скромна и застенчива, но ее черные живые глаза то и дело вступали в спор со степенным выражением, на которое молчание, сдержанность, простой бархатный чепчик и батистовые брыжи обрекали мисс Маргарет, дочь почтенного горожанина.

Среди гостей были также два лондонских торговца – в широких плащах с длинными золотыми цепочками, с добрым именем, весьма сведущие в своем торговом деле, но не заслуживающие более подробного описания. Был там еще пожилой священник в рясе – скромный, почтенный человек, такого же простого нрава, как и горожане его прихода.

Этих слов достаточно для описания вышеупомянутых гостей, но иное дело сэр Манго Мэлегроутер из Гернигокасла, который заслуживает большего внимания как одна из наиболее самобытных фигур того времени, в которое он процветал.

Этот славный кавалер постучал в дверь мейстера Гериота как раз в тот момент, когда часы начали отбивать двенадцать, и прежде чем прозвучал последний удар, он уже сидел в своем кресле. Это дало кавалеру отличный повод отпускать саркастические замечания в адрес всех, кто приходил после него, не говоря уже о шутках на счет тех, кто проявил излишнюю поспешность и явился раньше времени.

Не имея почти никакого достояния, кроме своего титула, сэр Манго с ранних лет был взят во дворец в качестве мальчика для порки, как в те времена называли эту должность, к

королю Иакову VI и вместе с его величеством обучался всем классическим наукам у знаменитого наставника короля, Джорджа Бьюкэнана^[86]. Должность мальчика для порки обрекала ее несчастного обладателя на все телесные наказания, которые помазанник божий, чья особа, разумеется, была священна, мог заслужить при изучении грамматики и просодии. При строгих правилах, установленных Джорджем Бьюкэнаном, не одобрявшим кары для искупления чужой вины, Иаков сам подвергался наказанию за свои проступки, и Манго Мэлегроутер наслаждался синекурой; но другой наставник Иакова, мейстер Пэтрик Янг^[87], соблюдал все положенные церемонии и приводил юного короля в ужас побоями, которые он щедро расточал мальчику для порки, когда уроки его царственного питомца не были приготовлены должным образом. Надо отдать справедливость сэру Манго – он обладал качествами, в высшей степени подходящими для его официального положения. Природа наделила его комически уродливыми чертами лица, которые, когда они искажались от страха, боли или гнева, даже в юности напоминали причудливые маски на карнизах готических храмов. К тому же и голос у него был пронзительный и жалобный, и когда он корчился от боли под беспощадными ударами мейстера Пэтрика Янга, выражение его уродливого лица и издаваемые им нечеловеческие вопли как нельзя лучше были способны произвести надлежащее впечатление на заслужившего порку монарха, взиравшего на то, как другой, и притом невинный, человек страдал за совершенный им проступок.

Таким образом, сэр Манго Мэлегроутер (ибо таков был приобретенный им титул) уже с ранних лет занял при дворе прочное положение, которое другой на его месте старался бы сохранить и еще больше упрочить. Но когда он настолько вырос, что его нельзя уже было подвергать порке, у него не осталось никаких других средств, чтобы сделать свое присутствие желанным. Резкий, язвительный нрав, злословие, желчный юмор, зависть к своим соперникам, более счастливым, чем обладатель столь приятных качеств, далеко не всегда являлись препятствием для возвышения придворного; но тогда они должны были сочетаться с изрядной долей эгоизма, коварства и благоразумия, которыми сэр Манго не обладал ни в малейшей степени. Его насмешки вызывали возмущение, он не умел скрывать свою зависть, и прошло не много времени после достижения им совершеннолетия, как он уже умудрился затеять столько ссор, что потребовалось бы девять жизней, чтобы ответить на все вызовы. На одном из таких поединков он получил – быть может, нам следовало бы сказать, к счастью для себя – рану, которая впоследствии служила ему извинением при отказе принимать подобного рода приглашения. Сэр Ральон Рэтрей Рэнегальон отсек ему на поединке три пальца на правой руке, так что сэр Манго никогда уже не мог больше держать шпагу. Спустя некоторое время, когда он написал сатирические стихи на леди Кокпен, он был столь жестоко избит специально нанятыми для этой цели людьми, что его нашли полумертвым на месте безжалостной расправы; при этом у него оказалось сломанным одно бедро, которое затем неправильно срослось, и до самой могилы у него осталась прихрамывающая походка. Искалеченные рука и нога не только придали еще большую причудливость внешности этого оригинала, но также избавили его на будущее время от более опасных последствий его собственного нрава, и постепенно он состарился на службе при дворе, где ничто больше не угрожало ни его жизни, ни целостности его рук и ног, не приобретая друзей и не получая повышения. Иной раз его язвительные замечания забавляли короля, но у него никогда не хватало хитрости, чтобы использовать благоприятный момент, и враги сэра Манго (а таковыми были все придворные) всегда находили средства, чтобы снова лишить его благосклонности монарха. Прославленный Арчи Армстронг великодушно предложил сэру Манго полу своего собственного шутовского наряда, желая таким образом наделить его привилегиями и неприкосновенностью, свойственными должности придворного скомороха. «Ибо, – сказал знаменитый шут, – сэр Манго в своем теперешнем положении не получает за удачную шутку никакой другой награды, кроме прощения короля за то, что он осмелился произнести ее».

Даже в Лондоне падавший вокруг сэра Манго Мэлегроутера золотой дождь не оросил его увядшего счастья. Он постепенно превращался в глухого сварливого старика и даже утратил свое остроумие, оживлявшее в прежние времена его суровые обличия, и Иаков, несмотря на почти такой же преклонный возраст, сохранивший странное, почти необъяснимое стремление окружать себя молодыми людьми, едва терпел его присутствие.

Итак, сэр Манго на закате своих дней и счастья, с изможденным телом, в поблекших нарядях, являлся во дворец не чаще, чем того требовало его положение, стараясь найти пищу для своих насмешек на публичных гуляньях и под сводами собора Святого Павла, бывшего в ту пору излюбленным местом встречи всех сплетников и людей всякого рода, общаясь преимущественно с теми из своих соотечественников, которых он считал ниже себя по рождению и по званию. Таким образом, ненавидя и презирая торговлю и тех, кто занимался ею, он тем не менее проводил немало времени среди шотландских ремесленников и купцов, последовавших за королевским двором в Лондон. С ними он мог быть циничным, не оскорбляя их, ибо некоторые сносили его насмешки и грубость из уважения к его происхождению и званию кавалера, которое в те времена давало большие привилегии, а другие, более разумные, жалели и терпели старика с несчастной судьбой и столь же несчастным характером.

Среди последних был также и Джордж Гериот; несмотря на то что привычка и воспитание побуждали его простираť свою почтительность перед аристократией до предела, который в наше время показался бы нелепым, он обладал достаточным здравым смыслом, чтобы не допускать ничем не оправданной навязчивости и неподобающих вольностей со стороны такого человека, как сэр Манго, по отношению к которому он проявлял, однако, не только уважение и вежливость, но подлинную доброту и даже щедрость.

Об этом можно было судить по тому, как вел себя сэр Манго Мэлегроутер при появлении в доме ювелира. Он засвидетельствовал свое почтение мастеру Гериоту и скромной, пожилой, сурового вида женщине в чепчике, по имени тетушка Джудит, исполнявшей обязанности хозяйки дома, почти совсем без той высокомерной язвительности, какая появилась на его своеобразной физиономии, когда он по очереди поклонился Дэвиду Рэмзи и двум другим степенным горожанам. Он вмешался в беседу этих последних, заметив, что, как он слышал в соборе Святого Павла, обанкротившаяся фирма Пиндивайда, крупного купца, который, как он выразился, «угостил ворон пудингом» и к которому, как он узнал из того же самого достоверного источника, у них есть неудовлетворенные претензии, по-видимому, стоит перед полным крахом: корабль и груз, киль и снасти – все пойдет ко дну.

Оба горожанина с усмешкой переглянулись, но, будучи слишком благоразумными, чтобы обсуждать на людях свои частные дела, они, придвинувшись друг к другу, стали говорить шепотом и уклонились от дальнейшей беседы с сэром Манго.

Затем старый шотландский кавалер с такой же непочтительной фамильярностью обрушился на часовщика.

– Дэви, – сказал он, – Дэви, идиот ты старый, ты еще не рехнулся, стараясь применить свою математическую науку, как ты ее называешь, к книге Апокалипсиса? Я надеялся услышать, что ты уже совершенно точно вычислил звериное число.

– Что ж, сэр Манго, – сказал механик, стараясь воскресить в своей памяти, что было ему сказано и кем, – возможно, что вы сами ближе к цели, чем вам это кажется, ибо, принимая во внимание, что у этого зверя десять рогов, вы легко можете сосчитать по пальцам...

– Мои пальцы! Ах ты, проклятый старый, ржавый, ни на что не годный хронометр! – воскликнул сэр Манго и полушутя-полусерьезно схватился рукой, или, вернее, клешней (ибо палаш сэра Ральона придал ей эту укороченную форму), за рукоятку своей шпаги. – Ты еще издаваешься над моим увечьем!

Тут вмешался мастер Гериот.

– Я никак не могу убедить нашего друга Дэвида, – сказал он, – что библейские пророчества должны оставаться во мраке неизвестности до тех пор, пока их неожиданное свершение, как в былые дни, не принесет с собой исполнения того, что сказано в Писании. Но тем не менее не вздумайте испытывать на нем свою рыцарскую доблесть.

– Клянусь бессмертием своей души, я не собираюсь тратить ее понапрасну, – смеясь, сказал сэр Манго. – Скорее, я под звуки охотничьего рога помчался бы со сворой гончих за очумелой овцой; он уже снова дремлет, с головой погрузившись в свои цифры, частные и делимые. Мисс Маргарет, радость моя, – ибо красота юной горожанки немного смягчила даже свирепые черты лица сэра Манго Мэлегроутера, – ваш отец всегда такой занимательный собеседник?

Мисс Маргарет жеманно улыбнулась, вскинула головку, посмотрела по сторонам, затем устремила неподвижный взгляд в одну точку и, изобразив на своем лице робкое замешательство и застенчивость, необходимые, как она полагала, чтобы скрыть свойственные ее характеру пронизательность и находчивость, наконец, ответила, что ее отец действительно очень часто бывает погружен в размышления, но она слышала, что он унаследовал эту привычку от ее бабушки.

– От вашего дедушки? – воскликнул сэр Манго, как бы не уверенный в том, что он не ослышался. – Вы сказали, от вашего дедушки? Девушка с ума сошла! Я не знаю ни одной девицы по сю сторону Темпл-Бара, у которой была бы такая древняя родословная.

– Но у нее есть также крестный отец, сэр Манго, – сказал Джордж Гериот, снова вмешавшись в разговор, – и надеюсь, вы питаете к нему достаточное уважение, чтобы он мог обратиться к вам с просьбой не заставлять краснеть его прелестную крестницу.

– Тем лучше, тем лучше, – сказал сэр Манго. – Это делает ей честь, что, рожденная и воспитанная под звон колоколов церкви Святой Марии, она еще не утратила способности краснеть, и клянусь спасением своей души, мейстер Джордж, – продолжал он, потрепав рассерженную девицу по подбородку, – она достаточно красива, чтобы искупить недостаток в предках, во всяком случае, в таком квартале, как Чипсайд, где, поверьте мне, все они одним миром...

Девушка вспыхнула, но не рассердилась, как первый раз. Мейстер Джордж Гериот поспешил прервать окончание грубоватой пословицы, лично представив сэра Манго лорду Найджелу.

Сэр Манго сначала не мог понять, что сказал ему хозяин.

– Клянусь святым причастием, кто, говорите вы?

После того как имя Найджела Олифанта, лорда Гленварлоха, было еще раз громко повторено над самым его ухом, он весь подтянулся и, бросив на хозяина дома суровый взгляд, упрекнул его, что он не удосужился раньше познакомить друг с другом таких знатных особ, чтобы они могли обмениваться любезностями, прежде чем смешаются с остальными гостями. Затем он отвесил своему новому знакомому глубокий, изысканный поклон, на какой только способен человек с искалеченной рукой и ногой, и, заметив, что он знал прежде отца его светлости, позддравил его с приездом в Лондон и выразил надежду встретиться с ним во дворце.

По манерам сэра Манго, а также увидев, как хозяин дома плотно сжал губы, чтобы удержаться от смеха, Найджел сразу понял, что имеет дело с совершенно необыкновенным чудачком, и ответил на его поклон с подобающей церемонностью.

В течение некоторого времени сэр Манго не отрывал пристального взгляда от статной фигуры и красивого лица молодого лорда, и, так как созерцание физического совершенства было ему столь же ненавистно, как вид чужого богатства или каких-либо других преимуществ, подойдя к нему поближе, он, подобно одному из утешителей Иова, стал распространяться о былой славе лордов Гленварлох и выразил сожаление по поводу того, что, как он слышал, последний отпрыск этого рода едва ли вступит во владение поместьями своих предков. Затем он стал говорить о красоте старого замка Гленварлох, расположенного на высоком холме, о спокойной глади озера, богатого дичью для соколиной охоты, о густых лесах, уходящих вдаль к

горному кряжу и изобилующих оленями, и о всех других богатствах этих старинных баронских владений, так что в конце концов Найджел, несмотря на все свои усилия, не мог удержаться от глубокого вздоха.

Сэр Манго, обладавший искусством находить больное место у своих собеседников, заметил, что его новый знакомый изменился в лице, и с удовольствием продолжал бы беседу, но повар, призывая слуг подать обед и одновременно приглашая гостей к столу, уже нетерпеливо постукивал рукояткой своего большого ножа о кухонный стол достаточно громко, чтобы этот стук можно было услышать во всем доме, от чердака до подвала.

Сэр Манго, большой любитель хорошего угощения – склонность, которая, между прочим, помогала ему примирять свое достоинство с такими визитами к горожанам, – при этих звуках оставил Найджела и других гостей в покое до тех пор, пока его страстное желание занять подобающее ему почетное место за обильным столом не было должным образом удовлетворено. Усевшись по указанию хозяина слева от тетушки Джудит, он увидел, что Найджелу было отведено еще более почетное место по правую руку от почтенной дамы, между нею и очаровательной мисс Маргарет, но он отнесся к этому с большим спокойствием, ибо между ним и молодым лордом стоял великолепный нашпигованный каплун.

Обед проходил в соответствии с обычаями того времени. Все было самое лучшее, и, кроме обещанных шотландских яств, на столе красовались бифштекс и пудинг – традиционные лакомства старой Англии. Небольшой серебряный сервиз с необычайно красивой отделкой удостоился похвалы гостей и вызвал кривую усмешку на устах сэра Манго, как бы говорившую, что его владелец всего лишь искусный ремесленник.

– Я не стыжусь своего ремесла, сэр Манго, – сказал прямодушный горожанин. – Говорят, плох тот повар, который не умеет сготовить и себе так, что пальчики оближешь, и мне, кажется, не пристало, чтобы я, сделавший добрую половину всех сервизов в Британии, покрыл свой собственный простым оловом.

Благословение священника позволило гостям приступить к поставленным перед ними яствам, и все шло чинно до тех пор, пока тетушка Джудит, потчует гостей каплуном, не стала уверять их, что он принадлежит к знаменитой породе, которую она сама вывезла из Шотландии.

– Значит, как и некоторые из его соотечественников, мадам, – вставил безжалостный сэр Манго, бросив взгляд в сторону хозяина дома, – он был хорошо нашпигован в Англии.

– А есть и такие среди его соотечественников, – ответил мейстер Гериот, – которым все сало Англии не смогло оказать такую услугу.

Сэр Манго язвительно улыбнулся и покраснел, остальные гости засмеялись, и злой насмешник, у которого были свои собственные причины не ссориться окончательно с мейстером Джорджем, хранил молчание до конца обеда.

Затем было подано сладкое и вина превосходного вкуса и тончайшего аромата, и Найджел убедился, что гостеприимство лондонского горожанина совершенно затмило приемы самых богатых бургомистров, на которых ему случалось бывать на чужбине. Но в то же время здесь не было ничего показного, что было бы несовместимо с положением именитого горожанина.

Во время обеда Найджел, как требовали приличия того времени, вел разговор главным образом с миссис Джудит, которая оказалась настоящей шотландкой, со строгими взглядами на жизнь, более склонной к пуританству, чем ее брат Джордж (ибо она приходилась ему сестрой, хотя он всегда называл ее тетушкой), весьма преданной ему и окружавшей его постоянной заботой. Так как разговор почтенной дамы не отличался ни живостью, ни обаянием, естественно, что молодой лорд обратился затем к прелестной дочери старого часовщика, сидевшей справа от него. Однако от нее нельзя было добиться ничего, кроме односложных ответов, и когда молодой кавалер расточал ей самые любезные и приятные комплименты, какие ему

только подсказывала его галантность, по ее красивым губам скользила лишь мимолетная, едва заметная улыбка.

Найджелу уже начинало надоедать это общество, так как старые горожане говорили с хозяином дома о коммерческих делах на языке совершенно для него непонятном, как вдруг сэр Манго Мэлегроутер привлек всеобщее внимание.

Незадолго перед тем этот любезный персонаж уединился в нише, образованной выступающим окном, из которого можно было видеть подъезд дома и улицу. Вероятно, сэр Манго избрал это место, чтобы любоваться пестрой картиной уличной жизни столицы, способной рассеять мрачные мысли желчного человека.

То, что он видел до сих пор, должно быть, не представляло никакого интереса, но вот за окном послышался конский топот, и кавалер внезапно воскликнул:

– Клянусь честью, мейстер Джордж, вам бы лучше наведаться в лавку; это Найтон, лакей герцога Бекингема, и с ним еще два молодца, словно он сам герцог собственной персоной.

– Мой кассир внизу, – сказал Гериот, не выказывая ни малейшего беспокойства, – и он уведомит меня, если заказы его светлости потребуют моего немедленного присутствия.

– Вот еще! Кассир? – пробормотал себе под нос сэр Манго. – Легкая у него, вероятно, была работа, когда я впервые познакомился с тобой. Но, – продолжал он вслух, – подойдите хоть, по крайней мере, к окну. Посмотрите, Найтон вкатил в дверь вашего дома какое-то серебряное блюдо – ха-ха-ха! – вкатил его на ребре, как мальчишки катают обручи. Не могу удержаться от смеха. Ха-ха-ха! Ну и наглый же молодец!

– Я думаю, вы не могли бы удержаться от смеха, – сказал Джордж Гериот, вставая и направляясь к двери, – если бы ваш лучший друг лежал при смерти.

– Злой язык, не правда ли, милорд? – сказал сэр Манго, обращаясь к Найджелу. – Недаром наш друг – золотых дел мастер. Не скажешь, что у него свинцовое остроумие. Пойду-ка я вниз посмотреть, что там случилось.

Спускаясь в контору, Гериот встретил своего кассира, с озабоченным лицом поднимавшегося по лестнице.

– В чем дело, Робертс, – спросил ювелир, – что все это значит?

– Это Найтон, мейстер Гериот, из дворца... Найтон, лакей герцога. Он принес обратно блюдо, которое вы отвезли во дворец, швырнул его в дверь, словно старую оловянную тарелку, и велел передать вам, что королю не нужен ваш хлам.

– Ах вот как! – воскликнул Гериот. – Не нужен мой хлам! Пройдем в контору, Робертс. Сэр Манго, – прибавил он, поклонившись подошедшему кавалеру, который собирался последовать за ним, – прошу извинить нас на одну секунду.

Повинуясь этому запрету, сэр Манго, так же как другие гости слышавший разговор Джорджа Гериота с его кассиром, был вынужден ждать в приемной конторы, где он надеялся удовлетворить свое жадное любопытство расспросами Найтона, но посланец его светлости, усугубив неучтивость своего господина собственной грубостью, вновь умчался в западном направлении, сопровождаемый своими спутниками.

Тем временем имя герцога Бекингема, всемогущего фаворита короля и принца Уэльского, внесло некоторую тревогу в общество, оставшееся в большой гостиной. Его скорее боялись, чем любили, и, не будучи деспотом в полном смысле этого слова, он все же слыл надменным, вспыльчивым и мстительным. Найджела угнетала мысль о том, что, видимо, сам того не подозревая, он навлек гнев герцога на своего благодетеля. Другие гости шепотом обменивались мнениями, пока наконец обрывки фраз не достигли ушей Рэмзи, который не слышал ни одного слова из того, что происходило перед этим, и, погруженный в свои вычисления, с которыми он связывал все происшествия и события, уловил только последнее слово и ответил:

– Герцог... герцог Бекингем... Джордж Вильерс... Да... я говорил о нем с Лэмби.

– Господи! Матерь Божья! Как ты можешь говорить так, отец? – воскликнула дочь, обладавшая достаточной проницательностью, чтобы понять, что ее отец затронул опасную тему.

– А что ж тут такого, дочка, – ответил Рэмзи. – Звезды способны лишь влиять на людей, они не могут подчинять их себе. Да будет тебе известно, люди, умеющие составлять гороскопы, говорят о его светлости, что произошло значительное сближение Марса и Сатурна, истинное, или правильное, время которого, если привести вычисления Эйхстадиуса, сделанные для широты Ораниенбурга, к широте Лондона, составляет семь часов пятьдесят пять минут и сорок одну секунду...

– Помолчи немного, старый кудесник, – сказал Гериот, вошедший в комнату со спокойным и решительным выражением лица. – Твои вычисления верны и неоспоримы, когда они касаются меди и проволоки и механической силы, но грядущие события повинуются воле того, кто держит в своей деснице сердца королей.

– Все это так, Джордж, – ответил часовщик, – но при рождении этого джентльмена являлись знамения, указывающие на то, что жизнь его будет полна неожиданностей. Уже давно про него говорили, что он родился как раз в момент встречи ночи и дня, под влиянием враждебных друг другу сил, которые могут определить нашу и его судьбу.

Полнолуние с приливом –
Быть богатым и счастливым.
Тучи красные в закат
Смерть кровавую сулят.

– Нехорошо говорить такие вещи, – сказал Гериот, – особенно о великих мира сего; каменные стены имеют уши, и птицы небесные разнесут твои слова по всему свету.

Некоторые из гостей, видимо, разделяли мнение хозяина дома. Предчувствуя недоброе, оба купца поспешно распрощались. Мисс Маргарет, убедившись, что ее телохранители-подмастерья пребывают в полной готовности, дернула отца за рукав, вырвав его из власти глубоких размышлений (то ли относившихся к колесам времени, то ли к колесу фортуны), пожелала доброй ночи своей приятельнице миссис Джудит и получила благословение крестного отца, одновременно надевшего на ее тонкий палец кольцо отменной работы и немалой ценности, ибо она редко покидала его дом без какого-нибудь знака его привязанности. После таких почетных проводов она отправилась в обратный путь на Флит-стрит в сопровождении своих телохранителей.

Сэр Манго еще раньше распрощался с мастером Гериотом, когда тот вышел из задней комнаты конторы, но так велик был интерес, который он испытывал к делам своего друга, что, дождавшись, когда мастер Джордж поднялся во второй этаж, он не мог удержаться от того, чтобы не войти в это *sanctum sanctorum*⁴³ и не посмотреть, чем занят мастер Робертс. Кавалер застал кассира за составлением выписок из огромных рукописных фолиантов в кожаных переплетах с медными застежками, наполняющих гордостью и надеждой сердца купцов и вселяющих ужас в души покупателей, срок платежа которых уже истек. Благородный кавалер облокотился на конторку и, обращаясь к кассиру, сказал соболезнующим тоном:

– Вы, кажется, потеряли выгодного заказчика, мастер Робертс, и теперь выписываете ему счета?

Совершенно случайно Робертс, так же как и сам сэр Манго, был туговат на ухо, и, так же как сэр Манго, он прекрасно умел пользоваться этим преимуществом и потому ответил невпопад:

⁴³ Святая святых (*лат.*).

– Покорнейше прошу прощения, сэр Манго, за то, что я не прислал вам счета раньше, но хозяин просил не беспокоить вас. Сейчас я все подсчитаю.

С этими словами он начал перелистывать страницы своей книги судебных, бормоча при этом:

– Починка серебряной печати, новая пряжка для должностной цепи, позолоченная брошь для шляпы в виде креста святого Андрея с чертополохом^[88], пара медных золоченых шпор... Ну, это Дэниелю Драйверу, это не по нашей части.

Он продолжал бы в том же духе, но сэр Манго, не собиравшийся терпеливо выслушивать перечисление своих собственных мелких долгов и еще меньше жаждавший уплатить их немедленно, с надменным видом пожелал кассиру доброй ночи и без дальнейших церемоний покинул дом. Мейстер Робертс посмотрел ему вслед с вежливой усмешкой обитателя Сити и сразу же принялся за более серьезные дела, прерванные вторжением сэра Манго.

Глава VII

*Мы запасаем пищу, а о том,
Что нам нужнее пищи, что в Писанье
Поставлено превыше благ земных,
О том едином благе – забываем.*

«Камергер»

Когда остальные гости покинули дом мастера Гериота, молодой лорд Гленварлох тоже стал прощаться, но хозяин дома задержал его на несколько минут, пока не осталось никого, кроме священника.

– Милорд, – сказал почтенный горожанин, – мы приятно провели заслуженный час досуга среди наших добрых друзей, а сейчас мне хотелось бы задержать вас для другого, более серьезного дела; когда мы имеем счастье видеть у себя дорогого мастера Уиндзора, он обычно читает вечерние молитвы, перед тем как мы разойдемся. Ваш достопочтенный батюшка, милорд, не ушел бы, не приняв участия в семейной молитве; надеюсь, ваша светлость поступит так же.

– С удовольствием, сэр, – ответил Найджел. – Ваше приглашение еще больше усиливает мою признательность вам, которой я и без того преисполнен. Если молодые люди забывают о своем долге, они должны быть глубоко благодарны другу, который напомнил им об этом.

Пока они беседовали таким образом, слуги убрали раздвижные столы и поставили вместо них переносной аналой и кресла с подушечками для ног, предназначенные для хозяина, хозяйки и благородного гостя. Еще один низенький стул, или, вернее, нечто вроде табуретки, был поставлен рядом с креслом мастера Гериота, и хотя в этом обстоятельстве не было ничего необычайного, Найджел невольно обратил на него внимание, ибо, когда он собирался сесть на табурет, старый джентльмен знаком дал ему понять, чтобы он занял более высокое место. Священник встал у аналая. Домочадцы – многочисленная семья, состоящая из клерков и слуг, включая Мониплайза, – уселись на скамейках, храня глубокое молчание.

Все уже сидели на своих местах с выражением благоговейного внимания, когда раздался тихий стук в дверь. Миссис Джудит с беспокойством взглянула на брата, как бы стремясь угадать его желание. Он с серьезным видом кивнул головой и посмотрел на дверь. Миссис Джудит быстро подошла к двери, открыла ее и ввела в комнату женщину необычайной красоты, появившуюся столь внезапно, что ее можно было бы принять за призрак. Если бы не смертельная бледность и отсутствие румянца, который мог оживить ее точеные черты, лицо ее можно было бы назвать божественно красивым. Никакие драгоценности не украшали гладко причесанные длинные черные волосы, ниспадавшие ей на плечи и на спину, что казалось весьма необычным в те времена, когда головной наряд, как его тогда называли, был широко распространен среди людей всякого звания. Белоснежное платье самого простого покроя скрывало всю ее фигуру, за исключением шеи, лица и рук. Роста она была скорее низкого, чем высокого, что, однако, скрадывалось благодаря изяществу и стройности ее фигуры. Несмотря на чрезвычайную простоту ее наряда, она носила ожерелье, которому могла бы позавидовать герцогиня – так ярко сверкали в нем крупные бриллианты, а ее талию охватывал пояс из рубинов едва ли меньшей ценности.

Когда странная красавица вошла в комнату, она бросила взгляд на Найджела и остановилась как бы в нерешительности, словно не зная, идти вперед или вернуться. Этот взгляд, скорее, выражал неуверенность и нерешительность, нежели застенчивость или робость. Тетушка Джудит взяла ее за руку и медленно повела вперед. Однако ее темные глаза были по-преж-

нему устремлены на Найджела с печальным выражением, пробудившим в его душе смутное волнение. Даже когда она села на свободный стул, видимо специально для нее предназначенный, она снова несколько раз взглянула на него с тем же задумчивым, томным и тревожным выражением, но без всякой робости и смущения, которые могли бы вызвать хотя бы слабый румянец на ее щеках.

Как только эта странная женщина взяла в руки молитвенник, лежавший на подушечке возле ее стула, казалось, она немедленно погрузилась в благочестивые размышления; ее появление настолько отвлекло внимание Найджела от религиозного обряда, что он то и дело бросал взгляды в ее сторону, но ни разу не мог заметить, чтобы ее глаза или мысли хотя бы на одно мгновение отвратились от молитвы. Сам Найджел слушал молитву с меньшим вниманием, ибо появление этой леди казалось ему совершенно необыкновенным, и, хотя отец воспитывал его в строгих правилах и требовал самого почтительного внимания во время богослужения, его мысли были смущены ее присутствием и он с нетерпением ждал конца службы, чтобы удовлетворить свое любопытство. Когда священник окончил чтение молитв и все остались на своих местах, как того требовал скромный и назидательный церковный обычай, в течение некоторого времени предаваясь благочестивым размышлениям, таинственная посетительница встала, прежде чем кто-либо двинулся с места, и Найджел заметил, что никто из слуг не поднялся со скамейки и даже не пошевелился, пока она не опустилась на одно колено перед Гериотом, который положил ей на голову руку, как бы благословляя ее, с печальной торжественностью во взгляде и жесте. Затем, не преклоняя колена, она поклонилась миссис Джудит и, оказав эти знаки почтения, вышла из комнаты. Но, выходя, она снова устремила на Найджела пристальный взгляд, заставивший его отвернуться. Когда он опять посмотрел в ее сторону, он увидел только мелькнувший в дверях край ее белой одежды.

Затем слуги встали и разошлись. Найджелу и священнику были предложены вино, фрукты и различные сладости, после чего пастор удалился. Молодой лорд хотел сопровождать его в надежде получить объяснение относительно таинственного видения, но хозяин дома остановил его и выразил желание побеседовать с ним в конторе.

– Надеюсь, милорд, – сказал горожанин, – ваши приготовления к посещению дворца настолько продвинулись вперед, что вы сможете отправиться туда послезавтра. Быть может, это последний день перед перерывом, когда его величество будет принимать во дворце всех, кто по своему рождению, званию или должности может претендовать на его аудиенцию. На следующий день он отправляется в свой замок Теобальд, где он будет занят охотой и другими развлечениями, и не пожелает, чтобы ему докучали непрошенные гости.

– Что касается меня, то я буду готов к этой церемонии, – сказал молодой аристократ, – но у меня не хватит на это смелости. Друзья, у которых я должен был бы найти поддержку и покровительство, оказались бездушными и вероломными. Их-то я, уж конечно, не буду беспокоить по этому делу, и все же я должен признаться в своем ребяческом нежелании выйти на новую для меня сцену в полном одиночестве.

– Слишком смело для ремесленника, подобного мне, делать такое предложение аристократу, – сказал Гериот, – но послезавтра я должен быть во дворце. Я могу сопровождать вас до приемного зала, пользуясь своим положением придворного. Я могу облегчить вам допуск во дворец, если вы встретите затруднения, и указать, каким образом и когда вы сможете представиться королю. Но я не знаю, – прибавил он, улыбаясь, – перевесят ли эти маленькие преимущества неуместность того, что аристократ будет ими обязан старому кузнецу.

– Вернее, единственному другу, которого я обрел в Лондоне, – сказал Найджел, протягивая ему руку.

– Ну что ж, если вы так смотрите на это дело, – ответил почтенный горожанин, – мне не остается ничего больше добавить. Завтра я заеду за вами в лодке, подобающей такому случаю. Но помните, мой дорогой юный лорд, что я не желаю, подобно некоторым людям моего звания,

переступить его пределы, общаясь с выше меня стоящими, и потому не бойтесь оскорбить мою гордость, допустив, чтобы в приемном зале я держался поодаль, после того как для нас обоих будет удобней расстаться; а в остальном я поистине всегда буду счастлив оказать услугу сыну моего старого покровителя.

Беседа увлекла их так далеко от предмета, возбудившего любопытство молодого аристократа, что в этот вечер к нему нельзя уже было вернуться. Поэтому, выразив Джорджу Герiotу благодарность, он распрощался с ним, пообещав, что будет ждать его в полной готовности послезавтра в десять часов утра, чтобы отправиться с ним на лодке во дворец.

Корпорация факельщиков, воспитанная графом Энтони Гамильтоном^[89] как характерная черта Лондона, в царствование Иакова I уже начала свою деятельность, и один из них, с коптящим факелом, был нанят, чтобы освещать молодому шотландскому лорду и его слуге путь к их жилищу: хотя теперь они знали город лучше, чем прежде, в темноте они все же могли заблудиться и не найти дорогу домой. Это позволило хитроумному мейстеру Мониплайзу держаться как можно ближе к своему хозяину, после того как он предусмотрительно продел левую руку сквозь рукоятку своего щита и ослабил в ножнах палаш, чтобы быть готовым ко всяким случайностям.

– Если бы не вино и не вкусный обед, которым нас угостили в доме этого старика, милорд, – промолвил рассудительный слуга, – и если бы я не знал по слухам, что он человек, видно, справедливый, коренной эдинбургский житель, я не прочь был бы посмотреть, какие у него ноги и не скрывается ли под его нарядными кордовскими башмаками с бантиками раздвоенное копыто.

– Ах ты, мошенник! – воскликнул Найджел. – Тебя слишком хорошо угощали, а теперь, набив свое прожорливое брюхо, ты поносишь доброго джентльмена, выручившего тебя из беды.

– Вот уж нет, милорд, с вашего позволения, – ответил Мониплайз. – Мне только хотелось бы получше рассмотреть его. Я ел у него мясо – что правда, то правда, – и разве это не позор, что ему подобные могут угощать других мясом, тогда как ваша светлость и я едва ли могли бы получить за свои собственные деньги пустую похлебку с черствой овсяной лепешкой! Я и вино его пил.

– Оно и видно, – ответил его господин, – и даже больше, чем следовало.

– Прошу прощения, милорд, – сказал Мониплайз, – это вы про то говорить изволите, как я раздавил кварту с этим славным малым Дженкином – так подмастерья этого зовут, – так ведь это я из благодарности за его доброту ко мне. Признаться, я им еще славную старую песню об Элси Марли спел, такого пения они никогда в жизни не слышали...

При этих словах (как говорит Джон Беньян), продолжая свой путь, он запел:

Ты с Элси Марли не знаком,
С той, что торгует ячменем?
Она, брат, стала всех важней:
Уж нос воротит от свиней!
Ты с Элси Марли...

Тут хозяин прервал увлекшегося певца, крепко схватив его за руку и угрожая избить до смерти, если он своим неуместным пением привлечет внимание городской стражи.

– Прошу прощения, милорд, покорнейше прошу прощения, но стоит мне только вспомнить об этом Джен Вине – так, что ли, его зовут, – как я невольно начинаю напевать «Ты с Элси Марли не знаком». Еще раз прошу прощения у вашей светлости, и, если вы прикажете, я стану совершенно немым.

– Нет, мой любезный! – воскликнул Найджел. – Уж лучше продолжай. Я ведь знаю, ты будешь говорить и жаловаться еще больше под предлогом того, что тебя заставляют молчать, так уж лучше отпустить поводья и дать тебе волю. Так в чем же дело? Что ты можешь сказать против мейстера Гериота?

Давая такое разрешение, молодой лорд, вероятно, надеялся, что его слуга случайно заговорит о молодой леди, которая появилась во время молитвы таким таинственным образом. То ли по этой причине, то ли потому, что он просто хотел, чтобы Мониплайз выразил тихим, приглушенным голосом свои чувства, которые в противном случае могли найти себе выход в буйном пении, как бы то ни было – он разрешил своему слуге вести дальнейший рассказ в том же духе.

– И поэтому, – продолжал оратор, пользуясь данной ему свободой, – мне очень хотелось бы знать, что за человек этот мейстер Гериот. Он дал вашей светлости уйму денег, насколько я понимаю, и, уж наверно, неспроста, как водится на этом свете. А у вашей светлости есть хорошие земли, и, уж конечно, этот старик, да и все эти ювелиры, как они себя называют, а по-моему, так просто ростовщики, рады были бы обменять несколько фунтов африканской пыли – это я золото так называю – на несколько сот акров шотландской земли.

– Но ты же знаешь, что у меня нет земли, – сказал молодой лорд, – во всяком случае, у меня нет никакой земли, которая могла бы пойти в уплату долгов, если бы я вздумал сейчас взять на себя такое обязательство. Я думаю, тебе незачем было напоминать мне об этом.

– Истинная правда, милорд, истинная правда, и, как говорит ваша светлость, понятно самому бестолковому человеку без каких бы то ни было лишних объяснений. Так вот, милорд, если только у мейстера Джорджа Гериота нет никакой другой причины, побуждающей его к такой щедрости, кроме желания завладеть вашими поместьями, да и то сказать, не очень-то ему много прибыли от пленения вашего тела, почему бы ему не стремиться к обладанию вашей душой?

– Моей душой?! Ах ты, мошенник! – воскликнул молодой лорд. – На что ему моя душа?

– Почем я знаю? – промолвил Мониплайз. – Они с ревом рыскают повсюду и ищут, кого бы пожрать: видно, им по вкусу пища, вокруг которой они так беснуются; и люди говорят, милорд, – продолжал Мониплайз, придвигаясь еще ближе к своему господину, – люди говорят, что в доме мейстера Гериота уже есть один дух.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Найджел. – Я проломлю тебе череп, негодный пьяница, если ты не перестанешь водить меня за нос.

– Пьяница? – воскликнул верный спутник. – Вот тебе на! Да как же мне было не выпить за здоровье вашей светлости, стоя на коленях, когда мейстер Дженкин первый подал мне пример? Будь проклят тот, кто посмел бы отказаться от такой чести. Я бы на мелкие куски изрубил палашом ляжки этому дерзкому негодяю и заставил бы его стать на колени, да так, чтобы он больше не встал. А что касается этого духа, – продолжал он, видя, что его смелая тирада не нашла никакого отклика у его господина, – так ваша светлость видели своими собственными глазами.

– Я не видел никакого духа, – сказал Гленварлох, затаив дыхание, как человек, ожидающий услышать какую-то необычайную тайну. – О каком духе ты говоришь?

– Вы видели молодую леди, что вошла во время молитвы, никому слова не сказала, только поклонилась старому джентльмену и хозяйке дома... Знаете, кто она?

– Право, не знаю, – ответил Найджел, – вероятно, какая-нибудь родственница хозяев.

– Черта с два... Черта с два! – торопливо ответил Мониплайз. – Ни капли кровного родства, если в ее теле вообще найдется хоть капля крови. Я рассказываю вам только то, что известно всем живущим на расстоянии человеческого голоса от Ломбард-стрит; эта леди, или девица, называйте ее как хотите, уже несколько лет как умерла, хотя она является им, как мы сами видели, даже во время молитвы.

– Во всяком случае, признайся, что она добрый дух, – сказал Найджел Олифант, – ибо она выбирает именно это время для посещения своих друзей.

– Ну уж этого я не знаю, милорд, – ответил суеверный слуга. – Ни один дух, полагаю я, не выдержал бы сокрушительного удара молота Джона Нокса^[90], которому мой отец помог в самые тяжелые для него времена, когда он впал в немилость при королевском дворе, которому мой отец поставлял мясо. Но этот пастор не чета дюжему мейстеру Роллоку или Дэвиду Блэку из Норт-Лейта и прочим. Увы! Кто знает, с позволения вашей светлости, не обладают ли молитвы, которые южане читают по своим дурацким старым почерневшим молитвенникам, такой же силой привлекать бесов, с какой горячая молитва, идущая от самого сердца, может отгонять их, как запах рыбной печенки выгнал злого духа из свадебных покоев Сары, дочери Рагуила? Что до этой истории, тут уж я не берусь утверждать, правда это или нет; поумнее меня люди и те сомневались.

– Ладно, ладно, – нетерпеливо сказал его господин, – мы уже подходим к дому, и я решил тебе говорить об этом только для того, чтобы раз навсегда избавиться от твоего дурацкого любопытства и от твоих идиотских суеверий. За кого же ты или твои глупые выдумщики и сплетники принимаете эту леди?

– Вот уж насчет этого доподлинно мне ничего не известно, – ответил Мониплейз. – Знаю только, что она умерла – и через несколько дней ее похоронили, но, несмотря на это, она все еще блуждает по земле, все больше в доме мейстера Гериота, хотя ее видели также и в других местах те, кто хорошо знал ее. Но кто она и почему, подобно шотландскому домовому, она поселяется в какой-нибудь семье, я не берусь судить. Говорят, у нее есть собственные покои – прихожая, гостиная и спальня, но чтобы она спала в постели – черта с два! Она спит только в собственном гробу, а все щели в стенах, в дверях и в окнах плотно заделаны, чтобы к ней не проникал ни малейший луч дневного света: она живет при свете факела...

– А на что ей факел, если она дух? – спросил Найджел Олифант.

– Что я могу сказать вашей светлости? – ответил слуга. – Слава богу, мне ничего не известно о ее причудах и привычках, знаю только, что там гроб стоит. Пусть уж ваша светлость сами гадают, на что живому человеку гроб. Что призраку фонарь – так я полагаю.

– Какая причина, – повторил Найджел, – могла заставить такое юное и прекрасное создание постоянно созерцать ложе своего вечного успокоения?

– По правде сказать, не знаю, милорд, – ответил Мониплейз, – но гроб там стоит, люди сами видели, из черного дерева, с серебряными гвоздями и весь парчой обит – только принцессе в нем покоиться.

– Непостижимо, – сказал Найджел, чье воображение, как у большинства энергичных молодых людей, легко воспламенялось при встрече со всем необычным и романтическим. – Разве она обедает не вместе с семьей?

– Кто? Это она-то? – воскликнул Мониплейз, словно удивленный таким вопросом. – Длинной ложкой пришлось бы запастись тому, кто вздумал бы с ней поужинать, я так полагаю. Ей всегда подают что-нибудь в башню, в Тауэр, как они называют ее; там такая карусель вертится, одна половина с одной стороны стены, другая – с другой.

– Я видел такое приспособление в заморских монастырях, – сказал лорд Гленварлох. – Значит, ее кормят таким образом?

– Говорят, ей каждый день ставят туда что-нибудь для порядка, – ответил слуга. – Но, уж конечно, никто не думает, что она съедает все это, все равно как статуи Ваала и Дракона не могли есть лакомства, которые им приносили^[91]. В доме хватает дюжих слуг и служанок, чтобы начисто вылизать все горшки и кастрюли не хуже семидесяти жрецов Ваала, не считая их жен и детей.

– И она никогда не показывается в семейном кругу, как только для молитвы? – спросил господин.

– Говорят, никогда, – ответил слуга.

– Непостижимо, – задумчиво промолвил Найджел Олифант. – Если бы не ее украшения и особенно не ее присутствие на молитве протестантской церкви, я знал бы, что подумать, и мог бы предположить, что она или католическая монахиня, которой по каким-то важным причинам разрешили жить в келье здесь, в Лондоне, или какая-нибудь несчастная фанатичная папистка, отбывающая ужасную епитимью. Но так я не знаю, что и подумать.

Его размышления были прерваны факельщиком, постучавшим в дверь почтенного Джона Кристи, жена которого вышла из дома «с шуточками, поклонами и любезными улыбками», чтобы приветствовать своего почетного гостя при его возвращении.

Глава VIII

*Запомни эту женщину, мой друг;
Не смейся над нарядом старомодным;
Она напоминает мне тайник,
Который Дионисий Сиракузский
Себе построил, – наподобье уха,
Чтоб слышать каждый шепот, каждый стон
Своих вассалов. Точно так же Марта
Улавливает чутким ухом все,
Что делают вокруг и замышляют,
И, коли нужно, сведенья свои
Уступит вам – не вовсе бескорыстно,
Но к обоюдной пользе.*

«Заговор»

Теперь мы должны познакомить читателя еще с одним персонажем, чья кипучая деятельность далеко не соответствовала его положению в обществе, – мы имеем в виду миссис Урсулу Садлчоп, жену Бенджамина Садлчопа, самого знаменитого цирюльника на всей Флит-стрит. Эта почтенная дама обладала несомненными достоинствами, главным из которых (если верить ее собственным словам) было беспредельное желание помогать ближним. Предоставив своему тощему, полуголодному супругу похвалиться тем, что у него самые ловкие руки среди всех брадобреев Лондона, и поручив его заботам парикмахерскую, где голодные подмастерья сдирали кожу с лица тех, кто имел неосторожность довериться им, почтенная дама занималась своим собственным, более прибыльным ремеслом, – правда, столь изобилующим всевозможными необычайными перипетиями, что нередко дело принимало опасный оборот.

Наиболее важные поручения носили весьма секретный характер, и миссис Урсула Садлчоп никогда не обманывала оказанного ей доверия, за исключением тех случаев, когда ее услуги плохо оплачивали или когда кто-нибудь находил нужным заплатить ей двойную мзду, чтобы заставить ее расстаться со своей тайной; но это случалось так редко, что ее надежность так же не вызывала никаких сомнений, как и ее честность и благожелательность.

Поистине эта матрона была достойна восхищения и могла быть полезной охваченным страстью слабым созданиям при зарождении, развитии и последствиях их любви. Она могла устроить свидание для влюбленных, если у них была веская причина для тайной встречи; она могла избавить легкомысленную красотку от бремени ее преступной страсти, а иногда и пристроить многообещающего отпрыска незаконной любви в качестве наследника в семью, где любовь была законной, но брачный союз не произвел на свет наследника. Она могла делать не только это, ее посвящали также в более глубокие и важные тайны. Она была ученицей миссис Тернер и узнала от нее секрет приготовления желтого крахмала и, может быть, еще несколько других, более важных секретов; но, вероятно, ни один из них не относился к числу тех преступных тайн, за которые была осуждена ее наставница. Однако таящиеся в глубине темные черты ее истинного характера были скрыты под внешней веселостью и добродушием, под звонким смехом и задорной шуткой, которыми почтенная дама умела расположить к себе более пожилых из своих соседей, и под различными ухищрениями, при помощи которых ей удавалось снискать доверие более молодых, в особенности представительниц ее собственного пола.

На вид миссис Урсуле едва ли было больше сорока лет, и ее полная, но не утратившая своих форм фигура и все еще миловидные черты лица, правда, несколько покрасневшего

от слишком обильной пищи, дышали жизнерадостностью, весельем и добродушием, выгодно оттенявшими остатки ее увядающей красоты. Ни одна свадьба, ни одни родины и крестины в той округе, где она жила, не считались отпразднованными с должной торжественностью, если на них не присутствовала миссис Урсли, как ее называли. Она придумывала всевозможные развлечения, игры и шутки, способные развеселить многолюдное общество, которое наши гостеприимные предки собирали по случаю таких праздников под одной кровлей; так что в семьях всех простых горожан ее присутствие при таких радостных событиях считалось совершенно необходимым. Согласно общему мнению, миссис Урсли так хорошо знала жизнь и ее лабиринты, что половина любовных пар, живущих по соседству, охотно посвящала ее в свои сердечные тайны и следовала ее советам. Богатые вознаграждали ее за услуги кольцами, пряжками или золотыми монетами, которые она предпочитала, и она великодушно оказывала помощь бедным, движимая теми же противоречивыми чувствами, какие побуждают начинающих врачей лечить бедняков, – отчасти из сострадания, отчасти чтобы набить руку.

Популярности миссис Урсли в Сити способствовало еще и то обстоятельство, что ее деятельность простиралась за пределы Темпл-Бара и что у нее были знакомые и даже покровители и покровительницы среди знати, обладавшей, так как она была гораздо малочисленнее и приблизиться к придворному кругу было гораздо труднее, влиянием, неизвестным в наши дни, когда горожанин едва не наступает носком на каблук придворного. Миссис Урсли поддерживала связи со своими клиентами из высших кругов отчасти благодаря тому, что она время от времени продавала им духи, эссенции, помады и головные уборы из Франции, посуду и украшения из Китая, начинавшие уже тогда входить в моду, не говоря о всевозможных снадодбях, предназначенных главным образом для дам, отчасти благодаря другим услугам, более или менее связанным с ранее упомянутыми тайными отраслями ее профессии.

Обладая таким множеством различных способов для достижения процветания, миссис Урсли была тем не менее бедна и, вероятно, могла бы поправить свои дела, а также дела мужа, если бы отказалась от всех этих источников дохода и спокойно занялась своим собственным хозяйством, помогая Бенджамину в его ремесле. Но Урсула любила роскошь и веселье, и ей так же трудно было бы примириться со скудной пищей бережливого Бенджамина, как слушать его жалкую болтовню.

Урсула Садлчоп впервые появилась на нашей сцене вечером того дня, когда лорд Найджел Олифант обедал у богатого ювелира. В это утро она уже совершила далекое путешествие в Вестминстер, устала и расположилась на отдых в широком, залоснившемся от частого употребления кресле, стоявшем возле камина, в котором горел небольшой, но яркий огонь. В полусне она наблюдала за тем, как в котелке медленно закипал сдобренный пряностями эль, на коричневой поверхности которого слегка подпрыгивало хорошо поджаренное дикое яблоко, в то время как маленькая девочка-мулатка с еще большим вниманием следила за приготовлением телятины, тушившейся в серебряной кастрюле, занимавшей другую половину камина. Несомненно, миссис Урсула собиралась завершить этими яствами с пользой проведенный день, ибо она считала, что ее труд окончен и настала пора отдохнуть. Однако она ошиблась, ибо как раз в тот момент, когда эль, или, говоря языком знатоков, «кудрявый барашек», был готов и маленькая смуглая девочка объявила, что телятина уже стушилась, внизу у лестницы послышался высокий, надтреснутый голос Бенджамина:

– Эй, миссис Урсли... Эй, жена, послушай... Эй, миссис, эй, любовь моя, ты здесь нужна больше, чем ремень для тупой бритвы... Эй, миссис...

«Хоть бы кто-нибудь полоснул тебя бритвой по горлу, осел ты горластый!» – подумала про себя почтенная матрона в первый момент раздражения на своего шумливого супруга, а затем громко крикнула:

– Что тебе надо, мейстер Садлчоп? Я только что собиралась лечь в постель. Я целый день по городу бегала.

– Да нет же, теленочек ты мой, ты не мне нужна, – сказал терпеливый Бенджамин. – Тут шотландка пришла, прачка соседа Рэмзи, ей нужно тотчас поговорить с тобой.

Услышав слово «теленочек», миссис Урсула бросила печальный взгляд на кастрюльку с на славу приготовленным жарким и со вздохом ответила:

– Скажи шотландке Дженни, мейстер Садлчоп, чтобы она поднялась ко мне. Я буду очень рада выслушать ее. – И, понизив голос, она прибавила: – Надеюсь, она скоро отправится к дьяволу в пламени смоляной бочки, подобно всем шотландским ведьмам!

Тут прачка Дженни вошла в комнату и, почтительно поклонившись, ибо она не слышала последнего любезного пожелания миссис Садлчоп, сообщила, что ее молодая госпожа, вернувшись домой, почувствовала себя плохо и выразила желание немедленно увидеться со своей соседкой, миссис Урсли.

– А почему бы не подождать до завтра, Дженни, дорогая моя? – спросила миссис Урсли. – Ведь я сегодня была уже в Уайтхолле, все ноги отбила, дорогая моя.

– Ну что ж, – ответила Дженни с величайшим спокойствием, – если так, мне самой придется прогуляться вниз по реке к старой тетушке Редкэп, что живет у пристани Хангерфорд, она ведь тоже умеет утешать молодых девушек не хуже вас, моя милая; я знаю только, что перед сном ребенок должен увидеть одну из вас.

С этими словами старая служанка, не теряя времени на дальнейшие уговоры, повернулась на каблуках и уже собиралась выйти из комнаты, когда миссис Урсула воскликнула:

– Нет, нет! Если прелестное дитя нуждается в добром совете и ласковом слове, тебе незачем идти к тетушке Редкэп, Дженет. Может быть, она и хороша для шкиперских жен, для дочерей лавочников и им подобных, но никто, кроме меня, не должен ухаживать за очаровательной мисс Маргарет, дочерью часовщика священной особы его величества. Я вот только сейчас обуюсь, накину плащ да шарфом повяжусь и мигом буду у соседа Рэмзи. Но признайся, дорогая Дженни, неужели тебе самой не надоели вечные причуды и капризы твоей молодой госпожи?

– Вот уж нисколько не надоели, – ответила терпеливая служанка, – разве что иной раз она докучает мне стиркой своих кружев, но я ведь нянчу ее с малых лет, соседка Садлчоп, а это что-нибудь да значит.

– Разумеется, – сказала миссис Урсли, все еще продолжая вооружаться дополнительной броней для защиты от свежего ночного воздуха. – И тебе доподлинно известно, что в ее распоряжении двести фунтов годового дохода от ее имений?

– Которые оставила ей в наследство ее бабушка, царствие ей небесное! – сказала шотландка. – Более красивой девушке она не могла завещать их.

– Истинная правда, миссис, истинная правда; я всегда говорила, что, несмотря на ее причуды, мисс Маргарет Рэмзи – самая красивая девушка во всей округе. А ведь бедняжка-то, наверно, так и не ужинала, Дженни.

Дженни могла только подтвердить это предположение, ибо оба подмастерья закрыли лавку и ушли, так как должны были сопровождать домой хозяина с дочкой, которые были в гостях, а она сама вместе с другой служанкой отправились к Сэнди Мак-Гивен, чтобы повидаться с одной приятельницей из Шотландии.

– Что было вполне естественно, миссис Дженет, – сказала миссис Урсли, любившая давать свое одобрение всевозможным поступкам всевозможных людей.

– Ну и огонь в очаге погас, – продолжала Дженни.

– Что было самым естественным из всего этого, – заметила миссис Садлчоп. – Итак, без лишних слов, Дженни, я захвачу с собой этот скромный ужин, который я только что собиралась съесть. Я еще не обедала, и, может быть, моя юная очаровательная миссис Маргарет скушает кусочек вместе со мной. Ведь часто пустой желудок порождает в юных головах все эти воображаемые болезни.

С этими словами она вручила Дженни серебряную миску с элем и, накинув плащ с рвением человека, решившего пожертвовать во имя долга своим любимым удовольствием, спрятала кастрюлю с тушеной телятиной в его складках и приказала Уилсе, маленькой девочке-мулатке, пойти с ними и светить им по дороге.

– Куда так поздно? – спросил цирюльник, сидевший вместе со своими заморышами-подмастерьями внизу, в лавке, вокруг блюда с вяленой треской и пастернаком, когда они проходили мимо него.

– Не думаю, чтобы ты мог справиться с моим поручением, старый хрыч, если бы я сказала тебе, куда я иду, – промолвила почтенная матрона с холодным презрением, – так уж лучше я оставляю это при себе.

Бенджамин слишком привык к независимому поведению своей жены, чтобы продолжать дальнейшие расспросы, да и миссис Урсли, не дожидаясь его вопросов, вышла на улицу, предварительно наказав старшему из подмастерьев не ложиться спать до ее возвращения и присматривать в ее отсутствие за домом.

Ночь была темная и дождливая, и, хотя от одной лавки до другой было рукой подать, миссис Урсула, шагая по улице с высоко подоткнутыми юбками, успела отравить недолгий путь своим ворчанием:

– Не знаю, чем я согрешила, что мне приходится тащиться по грязи по зову всякой старой ведьмы из-за причуд какой-то взбалмошной девчонки. Я и так уж прогулялась от Темпл-Бара до Уайтчепела из-за жены булавочника, уколовшей себе палец. Черт возьми, я думаю, ее муж, сделавший это оружие, мог бы также залечить ее рану. А тут еще эта выдумщица, эта хорошенькая обезьянка, миссис Маргарет... Вот уж поистине красавица, прямо кукла голландская, а сумасбродная, капризная и чванная, словно герцогиня какая. То она резвится как мартышка, то вдруг заупрямится как осел. Хотела бы я знать, где гнездится больше причуд – в ее маленькой надменной головке или в набитой цифрами старой, безумной башке ее отца. Но у нее двести фунтов годового дохода от какого-то жалкого клочка земли. А отец ее, говорят, страшный скряга, даром что чужак. К тому же он хозяин нашего дома, а она упростила его дать нам отсрочку для уплаты аренды. Итак, да поможет мне Бог, я должна быть послушной. Кроме того, этот своенравный бесенок – мой единственный ключ к тайне мейстера Джорджа Гериота, и я буду не я, если не узнаю ее. Итак, andiamos⁴⁴, как говорится на языке франков.

Размышляя таким образом, она шла вперед торопливыми шагами, пока не достигла жилища часовщика. Служанка впустила их, открыв дверь потайным ключом. Миссис Урсула, то освещенная мерцающим светом, то погруженная во мрак, не скользила бесшумной походкой среди готических статуй и старинных доспехов, подобно прелестной леди Кристабел^[92], а с трудом продвигалась вперед, спотыкаясь об останки старых машин и модели новых изобретений в различных отраслях механики; эти плоды бесполезного искусства, уже истлевшие или еще не успевшие созреть, постоянно загромождали жилище чужаковатого, но искусного механика. Наконец они поднялись по очень узкой лестнице в комнату очаровательной мисс Маргарет, где эта путеводная звезда всех смелых молодых холостяков с Флит-стрит сидела в позе, выражающей не то недовольство, не то отчаяние. Она сидела, облокотившись на стол, устремив неподвижный взор на угли, медленно угасающие в маленьком камине. Ее красивая спина и плечи образовали слегка изогнутую линию, круглый подбородок с ямочкой покоился на ладони ее маленькой ручки.

При входе миссис Урсулы она едва повернула голову, а когда присутствие этой почтенной дамы было возведено громким голосом старой шотландки, мисс Маргарет, не меняя позы, пробормотала в виде ответа нечто совершенно невразумительное.

⁴⁴ Пойдем.

– Спуститесь в кухню вместе с Уилсой, дорогая миссис Дженни, – сказала миссис Урсула, привыкшая ко всяким причудам своих пациентов, или клиентов, как бы их ни называли, – поставьте кастрюлю и миску к камину и спуститесь вниз. Я должна поговорить с моей очаровательной мисс Маргарет с глазу на глаз. Едва ли найдется хоть один холостяк между этим домом и Аркой, который не позавидовал бы мне в этот момент.

Служанки вышли, как им было приказано, и миссис Урсула поставила на тлеющие в камине угольки кастрюльку с тушеной телятиной, села как можно ближе к своей пациентке и тихим, успокаивающим и вкрадчивым голосом принялась расспрашивать, что беспокоит ее прелестную соседку.

– Ничего, миссис Урсула, – ответила Маргарет несколько раздраженным тоном, повернувшись спиной к добросердечной посетительнице.

– Ничего, стрекоза ты этакая! – воскликнула миссис Садлчоп. – Зачем же ты в такой поздний час посылаешь за своими друзьями и поднимаешь их с постели, если ничего?

– Я не посылала за вами, миссис Урсула, – сердито ответила девушка.

– А кто же тогда? – спросила Урсула. – Поверь мне, если бы за мной не послали, я не пришла бы сюда среди ночи!

– Наверно, старая шотландская дура Дженни сама придумала все это, – сказала Маргарет. – За последние два часа она мне все уши прожужжала про вас и тетушку Редкэп.

– Про меня и тетушку Редкэп! – воскликнула миссис Урсула. – Вот уж и впрямь старая дура. Нашла с кем меня равнять. Впрочем, знаешь, моя любезная соседочка, может быть, Дженни не такая уж дура; она знает, что молодой девушке нужен лучший совет, чем ее собственный, и знает, где можно найти его. Итак, соберись с духом, моя красавица, и расскажи мне, о чем ты грустишь, а затем предоставь миссис Урсуле найти подходящее лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Эпоха, которую изображает Вальтер Скотт в своем романе, была прологом к грозным событиям 40-х годов XVII века. Однако в романе «Приключения Найджела» Скотт не воспроизводит жизнь предреволюционной Англии во всей полноте ее трагических противоречий. Это во многом объясняется особым характером авторского замысла.

2.

Гериот Джордж (1563–1623) – золотых дел мастер, банкир, с 1601 г. – ювелир шотландского короля Иакова VI Стюарта, а когда тот стал английским королем (1603), вместе с ним переехал в Лондон.

3.

...к югу от Твида... – то есть в Англии, так как устье этой реки, впадающей в Северное море, находится в Англии.

4.

Иаков – Иаков I (1566–1625) – первый король Англии из династии Стюартов (сын Марии Стюарт). Под именем Иакова VI с 1567 г. король Шотландии, после смерти королевы Елизаветы Тюдор стал одновременно королем Англии (1603–1625).

5.

Леди Мэри Уортли Монтэгю (1690–1762) – английская писательница; была в центре литературного кружка, в состав которого входили Аддисон, Поп, Конгрив.

6.

Сэр Филипп Сидней (1554–1586) – английский поэт, придворный и дипломат, погибший в борьбе за свободу Нидерландов. Наибольшей известностью пользовался его стихотворный пасторальный роман «Аркадия».

7.

Орден Бани – один из древнейших и высших английских орденов; основан в 1399 г. королем Генрихом IV. Название – от ритуального купания, которому подвергался посвященный.

8.

Лорд Херберт Чербери Эдуард (1582–1648) – английский философ, дипломат, историк, поэт; вел полную приключений жизнь, о которой рассказал в автобиографии (изданной в 1764 г.).

9.

Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский государственный деятель (лорд-канцлер при Иакове I), писатель и выдающийся философ.

10.

Бардольф, Ним, Пистоль, Пето и другие собутыльники Фальстафа... – действующие лица исторической хроники Шекспира «Генрих IV» и его же комедии «Виндзорские насмешницы».

11.

...во время гражданских войн... – Имеются в виду гражданские войны английской революции XVII в.: первая – 1642–1646 гг. и вторая – 1648 г.

12.

Берк Эдмунд (1729–1797) – английский публицист, политический деятель, автор реакционной книги «Размышления о французской революции» (1790), отразившей ненависть господствующих классов Великобритании к революционной Франции.

13.

Сэр Джон Хэррингтон (1561–1612) – английский поэт, по повелению королевы Елизаветы перевел (1591) «Неистового Роланда» Ариосто.

14.

Кармелитский орден – монашеский орден, созданный в Палестине во второй половине XII в.; название – от горы Кармель, где была основана первая община. Позднее кармелиты перебрались в Европу.

15.

Эдуард I (1239–1307) – английский король (1272–1307) из династии Плантагенетов.

16.

В эпоху Реформации... – Имеется в виду английская Реформация, завершившаяся образованием так называемой англиканской церкви.

17.

Шедуэл Томас (ок. 1642–1692) – английский драматург, автор многих пьес и, в частности, комедии «Эльзасский сквайр», написанной в 1688 г.

18.

Теренций Публий (ок. 185–159 до н. э.) – родился в Карфагене (отсюда прозвище Африканский). Был рабом сенатора Теренция Лукона; получив свободу, принял имя своего прежнего господина и поселился в Риме. Стал известным комедиографом (автор шести бытовых комедий). В них он создал яркие образы римских граждан, их обычаи, уклад жизни.

19.

...студентами из Темпла. – Темпл – район Лондона, так называемый квартал адвокатов; когда-то отделялся от города стеной. В Средние века принадлежал рыцарскому ордену тамплиеров (отсюда название квартала). В 1346 г. старинные здания Темпла были отданы юристам, и в них обучали праву.

20.

Луцио – персонаж пьесы Шекспира «Мера за меру».

21.

Доктор Драйездаст – вымышленный персонаж, ученый педант, которому В. Скотт приписывал авторство некоторых предисловий к своим романам.

22.

Коллинз Уильям (1721–1759) – английский лирический поэт.

23.

Спенсер Эдмунд (1552?–1599) – английский поэт.

24.

Джедея Клейшботэм – вымышленный В. Скоттом составитель его «Рассказов моего хозяина».

25.

Ариель, Тринкуло – персонажи пьесы Шекспира «Буря». Имеется в виду сцена из третьего акта.

26.

Санчо Панса – спутник и оруженосец Дон Кихота в романе Сервантеса.

27.

«Том Джонс»... «Амелия»... Филдинг. – Английский писатель Генри Филдинг (1707–1754), автор ряда пьес и романов, из которых наиболее известен «История Тома Джонса, найденыша» (1749), «Амелия» – последний роман писателя (1752).

28.

Смоллетт Тобайас (1721–1771) – английский писатель. Наиболее известны его романы «Приключения Родерика Рэндома» (1748) и «Приключения Перигрина Пикля» (1751).

29.

Лесаж Ален-Рене (1668–1747) – французский писатель. Автор комедий («Тюркаре» и др.) и романов «Хромой бес» (1707) и «История Жиль Блаза» (1715–1735).

30.

Бэйс – персонаж сатирической комедии «Репетиция» (1671), написанной Джорджем Вильерсом, герцогом Бекингемом, вместе с несколькими другими авторами.

31.

...сэр Филипп Фрэнсис был автором «Писем Юниуса»... – В разгар борьбы с попыткой английского короля Георга III (1760–1820) ограничить права парламента и избирательные права в газете «Паблик Адвертайзер» (1769–1771) появились письма, подписанные псевдонимом «Юниус». «Письма “Юниуса”», бичевавшие избирательные злоупотребления, нападавшие на правительство и на самого короля, завоевали огромную известность. Авторство писем приписывалось многим, но в начале XIX в. удалось доказать, что под псевдонимом “Юниус” скрывался Филипп Фрэнсис (1740–1818), английский отставной чиновник и писатель.

32.

Шенстон Уильям (1714–1763) – английский поэт, автор нескольких прозаических произведений («Письма к друзьям» и др.).

33.

Доктор Джонсон Сэмюел (1709–1784) – английский писатель, критик, языковед.

34.

...Джарви или Дальгетти... – Джарви – действующее лицо романа «Роб Рой», капитан Дальгетти – «Легенды о Монтрозе».

35.

Белая Дама из Эвенела – персонаж романа «Монастырь».

36.

Роксбургский клуб – клуб, задачей которого являлось собирание и издание античной литературы; основан в 1812 г., когда в Лондон прибыла библиотека герцога Роксбургского (отсюда название).

37.

...Бомонта и Флетчера, Мессинджера, Джонсона, Уэбстера... – Имеются в виду английские драматурги начала XVII в.

38.

Парнелл Томас (1679–1718) – английский поэт, автор поэмы «Отшельник».

39.

...подобно второму Лаберию, я стал драматургом против своей воли. – Лаберий (ок. 105–43 до н. э.) – римский писатель, автор многих мимов; принадлежал к сословию всадников, но был принужден Цезарем выступить в одном из своих же мимов, что влекло за собой лишение всадничества и даже гражданских прав.

40.

...патентованных перьев Брама. – Джозеф Брам (1749–1814) в 1809 г. запатентовал машину для резки гусиных перьев, что позволяло вставлять их в держатели, как впоследствии перья стальные.

41.

Аллен Рэмзи (1686–1758) – английский поэт.

42.

Аллен Каннингхем (1784–1842) – английский поэт и драматург, друг В. Скотта.

43.

...трагедия о сэре Мармадьюке Максвелле – написана Алленом Каннингхемом в 1820 г.

44.

Каледония – древнее название Шотландии.

45.

Бёрнс Роберт (1759–1796) – великий шотландский поэт.

46.

Каталани Анджелика (1780–1849) – известная итальянская певица.

47.

...когда всеобщее избирательное право войдет в моду... – После победы над наполеоновской Францией в Англии развернулось широкое движение за реформу избирательного права. Народные массы и демократические круги требовали всеобщего избирательного права. В 1832 г. это движение завершилось компромиссной парламентской реформой.

48.

Адам Смит (1723–1790) – выдающийся английский экономист. В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) утверждал, что богатство страны заключается во всей массе произведенных в ней товаров.

49.

Когда царь Петр рыл рвы... – Имеются в виду легенды, связанные с работой Петра I на корабельных верфях в Голландии в 1697–1698 гг.

50.

Голдсмит Оливер (1728–1774) – английский поэт и автор ряда исторических работ.

51.

«Это мое призвание, Хел». – В исторической хронике Шекспира «Генрих IV» Фальстаф, обращаясь к принцу Генриху, фамильярно называет его Хел (ч. I, акт I, сц. 2).

52.

Гораций (65–8 до н. э.) – римский поэт, автор од, сатир и других произведений.

53.

«Королева фей» – аллегорическая поэма Эдмунда Спенсера (1552?–1599).

54.

Ричард Блэкмор (1650–1729) – английский писатель, придворный медик Уильяма III и королевы Анны.

55.

Бритомарта – женщина-рыцарь, олицетворение целомудрия и чистоты, персонаж поэмы Э. Спенсера «Королева фей».

56.

Длительная вражда... окончилась... примирением со вступлением на английский престол... Иакова I. – Сын Марии Стюарт (1542–1587) король Шотландии Иаков VI стал с 1603 г. одновременно и английским королем (до 1625 г.). Таким образом, под властью династии Стюартов произошло объединение Шотландии и Англии.

57.

Непир Джон (1550–1617) – шотландский математик, изобретатель логарифмов.

58.

Войны Алой и Белой розы (1455–1485) – кровавая распря двух феодальных кланов в Англии, в результате которой погибла почти вся старая феодальная знать. Боровшиеся за власть в Англии представители династий имели в своих гербах розы: Ланкастерский дом – алую, Йоркский – белую.

59.

...его величество король в своих суждениях всегда был подобен Даниилу. – Намек на увлечение короля Иакова I богословскими вопросами. Легендарный библейский пророк Даниил разгадал начертанные на стене огненные слова, предсказавшие гибель вавилонскому царству.

60.

Гилдхолл – зал заседаний в Лондоне.

61.

...знатных кавалеров на сцене... – В театре XVII в. наиболее знатные зрители занимали места на сцене.

62.

Гален Клавдий (ок. 130 – ок. 200) – римский врач и естествоиспытатель.

63.

Пусть это будет моей лептой самаритянина... – Самаритяне – жители древней Палестины. Имеется в виду евангельская притча о человеке, которого ограбили разбойники. Проезжий самаритянин сжалился над ним и перевязал его раны.

64.

Нобль – старинная английская золотая монета, введенная королем Эдуардом III в 1344 г.

65.

Уайтхолл – королевский дворец в Лондоне, построенный в 1619–1621 гг. английским архитектором Иниго Джонсом в стиле ренессанс. Для украшения дворца был приглашен немецкий художник Ганс Гольбейн (1497–1548).

66.

С тех пор как король покинул Шотландию... – то есть с 1603 г., когда шотландский король Иаков VI стал одновременно и королем Англии.

67.

Эпиграф взят из пьесы Бена Джонсона «Каждый по-своему» (акт I, сц. 4).

68.

Вестминстерский дворец – старинный королевский дворец в Лондоне. После пожара 1512 г. дворец перестал быть королевской резиденцией, и в нем стал собираться парламент.

69.

...я про Рутвенгов вспомнил, которых из-за такого же пустяка в собственном доме закололи. – Джон Рутвен Гаури и его брат Александр были убиты в 1600 г. в собственном замке во время пребывания там шотландского короля Иакова VI. По официальной версии, братья Гаури пытались напасть на короля, и он убил их, защищая свою жизнь.

70.

...на каждой его стороне было по единорогу. – До унии 1603 г. на шотландском гербе изображены были два поддерживающих щит единорога. Позднее остался один – в гербе Англии слева, в гербе Шотландии справа.

71.

«Новый способ платить старые долги» – пьеса Ф. Мессинджера (1583–1640).

72.

Мерк – название монеты, пришедшее в Англию в X в., во время датского владычества. В Шотландии – серебряная монета, впервые была введена в 1570 г. и равнялась 13 шиллингам 4 пенсам.

73.

...до того, как Шотландия и Англия стали одним государством... – то есть до 1603 г.

74.

«При этом глаза его наполнились слезами» – цитата из аллегорического романа английского писателя Джона Беньяна (1628–1688) «Путь паломника».

75.

Старый Рики. – Так шотландцы называют Эдинбург (что означает «коптилка»).

76.

Эпиграф взят из поэмы английского поэта Джона Скелтона (1460?–1529).

77.

Это было как раз в то время, когда Иаков, не подозревая, что он строит дворец, который его единственный сын покинет через окно, чтобы умереть перед ним на эшафоте, приказал снести древние, полуразрушенные здания де Берга, Генриха VIII и королевы Елизаветы... в которые Иниго Джонс вдохнул... свой гений. – Имеется в виду король Иаков I Стюарт (1603–1625), при котором был построен новый дворец Уайтхолл, где перед казнью находился сын Иакова I Карл I (1625–1649), казненный во время буржуазной революции. Эшафот был расположен так, что Карл I взойшел на него 30 января 1649 г. через окно одного из залов дворца. Строил Уайтхолл Иниго Джонс (1573–1625) – английский архитектор, работавший в Дании, Италии, а с 1605 г. в Англии. Имеются в виду постройки, принадлежавшие де Бергам (с 1255 г.), королю Генриху VIII Тюдору (1509–1547) и королеве Елизавете I (1558–1603).

78.

Максуэл – по-видимому, шотландский дворянин Джон Максуэл (1586–1612).

79.

...дало повод Сюлли назвать Иакова мудрейшим глупцом в христианском мире. – Сюлли Максимильен (1559–1641) – французский политический деятель, министр короля Генриха IV (1589–1610). Сюлли оставил мемуары, не лишённые исторического интереса, хотя и не совсем достоверные. Приведенное выше выражение, относящееся к английскому королю Иакову I, иногда приписывается французскому королю Генриху IV.

80.

...как из зубов мифического дракона, взошли всходы кровавой гражданской войны. – Иносказательное выражение «посеять зубы дракона» употребляется в смысле «зародить вражду». Связано с древнегреческим мифом о легендарном основателе города Фивы Кадме, который, убив дракона, по велению оракула посеял зубы чудовища, из которых выросли вооруженные воины.

81.

...не потакать... прихотям малютки Чарлза и Стини... – Имеются в виду принц Уэльский, будущий король Карл I (1625–1649), и герцог Бекингем.

82.

...подобно Золотому ослу Апулея. – Апулей Луций (ок. 135 – ок. 180) – римский писатель, автор широко известного романа «Метаморфозы», названного впоследствии «Золотой осел».

83.

Бенвенуто Челлини (1500–1571) – выдающийся итальянский скульптор и ювелир эпохи Возрождения.

84.

Франциск! Этот горе-войка, потерпевший поражение под Павией, как некогда наш Давид под Даремом. – Имеется в виду Франциск I (1494–1547), король Франции (с 1515 г.). В битве при Павии (1525) потерпел поражение и был взят в плен германским императором и испанским королем Карлом V. Давид II, король Шотландии (1329–1371), потерпел поражение близ Дарема в 1346 г. и был взят в плен англичанами.

85.

Заговор Рутвена. – Имеется в виду заговор 1582 г. в замке Рутвенов недалеко от Перта. Братья Гаури пытались принудить Иакова VI (впоследствии Иакова I, короля Англии) избавиться от придворных, которые выступали против гражданских и религиозных привилегий шотландской знати. Однако королю удалось бежать, и заговор оказался безрезультатным.

86.

Джордж Бьюкенан (1506–1582) – шотландский историк и поэт, с 1570 г. наставник шотландского короля Иакова VI (с 1603 г. Иакова I – английского короля).

87.

Пэтрик Янг (1584–1652) – в 1603 г. помогал своему отцу Питеру Янгу (1544–1628) обучать Иакова VI. Был одним из видных знатоков греческого и латинского языков. Занимался переводами на латинский язык сочинений короля Иакова.

88.

...позолоченная брошь... в виде креста святого Андрея с чертополохом. – Косой крест (в виде римской цифры десять) почитался христианской церковью как изображение первой буквы имени Христа (по преданию, апостол Андрей был распят на кресте такой формы). Чертополох – национальная эмблема Шотландии.

89.

Энтони Гамильтон (1646–1720) – французский аристократ, живший при дворе Карла II. Автор воспоминаний о жизни Англии второй половины XVII в.

90.

Джон Нокс (ок. 1505–1572) – проповедник, реформатор, основоположник пресвитерианской церкви в Шотландии.

91.

...никто не думает, что она съедает все это, все равно как статуи Ваала и Дракона не могли есть лакомства, которые им приносили. – Имеются в виду библейские легенды о выступлении израильского пророка Даниила против так называемых ложных богов, которым поклонялся персидский царь.

92.

Кристабел – героиня одноименной поэмы английского поэта-романтика Сэмюэла Колриджа (1772–1834).